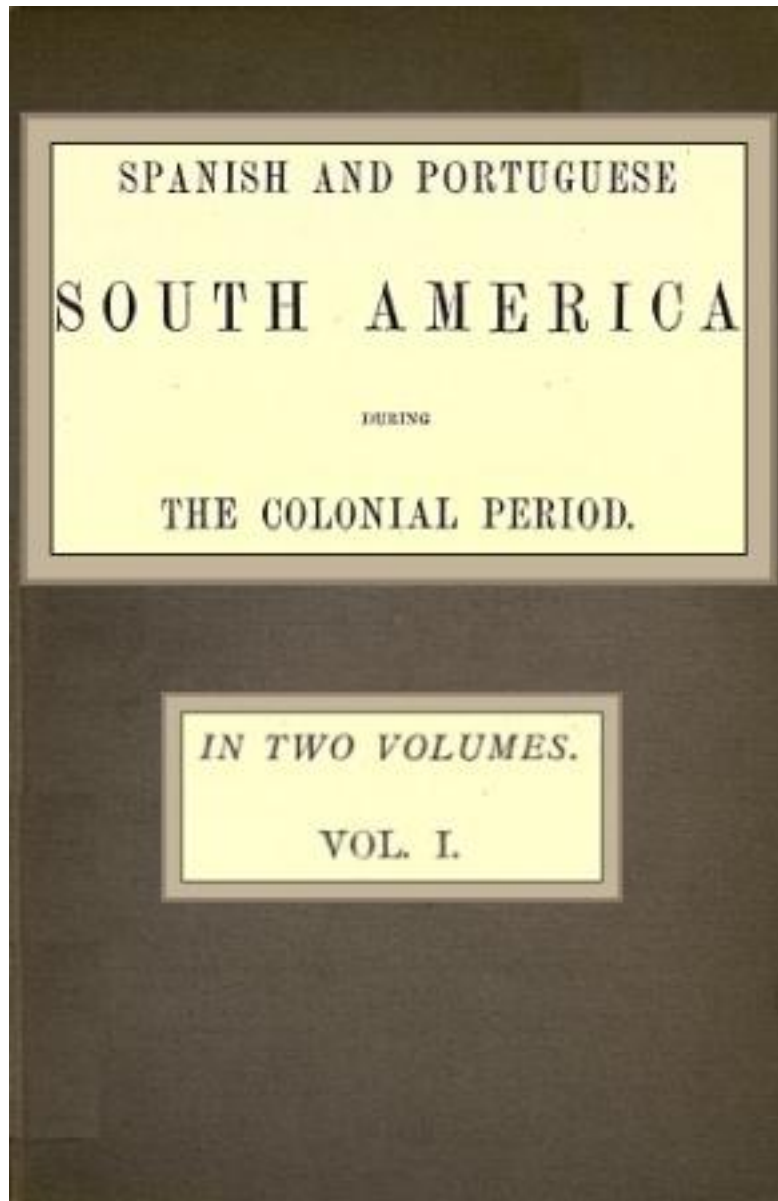

Испанская и португальская Южная Америка в колониальный период. Том 1 из 2

Роберт Грант Уотсон

Электронная книга проекта "Гутенберг" об испанской и португальской Южной Америке колониального периода; Том 1 из 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Испанская и португальская Южная Америка в колониальный период; Том 1 из 2

Автор: Роберт Грант уотсон

Дата выхода: 21 января 2016 г. [Электронная книга №50990]

Последнее обновление: 22 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Подготовлено Джозепом Колсом Канальсом, Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСПАНСКАЯ И ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЮЖНАЯ АМЕРИКА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД"; ТОМ 1 Из 2 ***

Содержание тома I.

Исправлены некоторые типографские ошибки; [после текста приводится список](#).

(примечание переписчика текста)

ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

“Падшие нации смотрят на Испанию; если ее освободить, она освободит
Больше, чем когда-то закованный в цепи ее падший Писаррос;
Странное возмездие! теперь непринужденность Колумбии
Исправляет ошибки, нанесенные сыновьям Кито”.
Чайльд Гарольд.

ИСПАНСКАЯ И ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЮЖНАЯ АМЕРИКА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

РОБЕРТ ГРАНТ УОТСОН,
РЕДАКТОР “СПРАВОЧНИКА МЮРРЕЯ По ГРЕЦИИ”, ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ, 1872г.

В ДВУХ ТОМАХ.

ТОМ I.

ЛОНДОН:
TRÜBNER & CO., ЛАДГЕЙТ-ХИЛЛ.
1884.
[Все права защищены.]

Баллантайн Пресс
БАЛЛАНТАЙН, ХЭНСОН И КО.
ЭДИНБУРГ И ЛОНДОН

ТО СЭРУДЖЕЙМСУ ХАДСОНУ, Г.К.Б.,
И Т.Д. И Т.П.

С ГЛУБОЧАЙШИМ УВАЖЕНИЕМ ПОДПИСАНЫ эти Тома САМОГО ВЫДАЮЩЕГОСЯ
БРИТАНСКОГО ДИПЛОМАТА ВРЕМЕН ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ, КОТОРЫЙ
СПОСОБСТВОВАЛ ПРЕКРАЩЕНИЮ РАБОТОТВОРЧЕСТВА С БРАЗИЛИЕЙ, А Также ВНЕС
ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД В ОБЪЕДИНЕНИЕ И СВОБОДУ ИТАЛИИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Нижеследующий отчет о колониях, из которых возникли Штаты Южной Америки, обязан своим происхождением нехватке подобной работы, которую я ощутил несколько лет назад. В 1866 году я получил назначение вторым секретарем посольства Ее Величества в *Аргентинской Республике* и *Парагвае*. Мой предыдущий опыт работы в совершенно другой части света позволил мне научиться всему, что касается регионов, которые я собирался посетить. Единственной книгой, которую мне порекомендовали, была работа сэра Вудбайна Пэриша о *Буэнос-Айресе*. Однако, добравшись до места назначения, я обнаружил, что эта работа уже устарела; я также обнаружил, что существует значительное количество литературы, посвященной Южной Америке. Но эта литература, частично написанная на английском,

французском, немецком, голландском, латинском или итальянском языках, а частично на испанском или португальском, была доступна только лицам, владеющим вышеперечисленными языками.

Из двух лет в Южной Америке я провел один в качестве секретаря в *Буэнос-Айресе*, а другой в аналогичном качестве в *Рио-де-Жанейро*. В течение первого года меня послали вверх по реке *Уругвай* и в провинцию *Санта-Фе*; затем в валлийскую колонию на реке *Чупат* в *Патагонии*; и, наконец, в тогдашний очаг войны в *Парагвае*: на втором году я отправился с миссией в провинцию *Минас-Жерас* в *Бразилии*. Таким образом, у меня была возможность увидеть разные части континента и еще больше впечатлиться отсутствием работы, дающей хоть сколько-нибудь полный отчет о них.

По возвращении в Европу я работал в нескольких странах несколько лет подряд и только недавно нашел необходимый досуг, чтобы написать работу подобного рода. Материалы, находящиеся в моем распоряжении, обширны; но я постарался сделать этот Обзор настолько кратким, насколько это совместимо с ясностью изложения. Предлагая ее публике, я ни в коем случае не желаю, чтобы она заняла место более сложных и оригинальных работ, упомянутых в ней, а скорее служила Указателем содержания этих различных произведений.

История Южной Америки может представлять большой общий интерес; более того, она представляет особый интерес для торговцев, поселенцев, моряков и путешественников, которые, возможно, провели или, вероятно, проведут часть своей жизни на рассматриваемом континенте; также не следует исключать некоторые знания о важной части земного шара из сферы интересов любого образованного человека.

О том, что самое элементарное знакомство с географией и политикой Южной Америки может явно отсутствовать даже в образованных английских кругах, можно судить по следующим обстоятельствам из моего собственного опыта: — По возвращении в Англию в 1868 году мне довелось присутствовать на ежегодном дне выступлений в Харроу. За обедом я сидел рядом с джентльменом, чьи замечания о необычно жаркой погоде привели к тому, что он узнал, что я недавно приехал из *Рио-де-Жанейро*. Поскольку его интерес был возбужден, он попросил меня рассказать ему, один за другим, о нескольких этапах, которыми можно добраться туда из Англии, а именно: Саутгемптон, Лиссабон, *Сент—Винсент*, *Пернамбуку*, *Баия* и *Рио*. Когда я назвал последний пункт, он повторил вопрос: “А потом?” на что я ответил, что *тогда* человек оказывается в пункте назначения. “Но, — спросил он, — я думал, что *Рио* находится выше по реке?” Я предположил, что его, возможно, ввело в заблуждение название “*Рио-де-Жанейро*”, река января, но сказал, что город расположен на морском рукаве, который первые европейские исследователи приняли за ручей, назвав его в честь месяца того года, когда он был открыт. Но это объяснение его не удовлетворило. Он думал о какой-то другой реке: не назвать ли мне одну или две? Я предложил “*Амазонки*”, и он сказал, что имеет в виду именно этот ручей, пока я не сообщил ему, что он находится примерно в двух тысячах миль к северу от *Рио-де-Жанейро*! На это он заметил, что в этом квартале наверняка есть еще один большой ручей и что он, должно быть, перепутал название. Я предложил реку *Плейт*, на что он ответил “Да, да, конечно”, но его предположения рухнули, когда я сообщил ему, что река *Плейт* находится примерно в полутора тысячах миль к югу от столицы Бразилии.

Примерно в то же время я встретил на званом обеде хорошо известного члена парламента, который, узнав, из какой части света я недавно прибыл, заявил, что ему очень хочется услышать

что-нибудь о *Парагвайской* войне, о которой тогда много говорили и за ходом которой, по его словам, он следил с пристальным вниманием. Я начал с заявления противоборствующих сторон, а именно *Парагвая*, с одной стороны, и *Бразилии*, *Аргентинской Республики* и Республики *Уругвай*, с другой. “Но остановитесь, - сказал он - Вы не упомянули *Корриентес*”. Я ответил, что процитировать *Корриентес* как одну из сторон в войне было бы то же самое, что упомянуть Йоркшир как одну из главных сторон Крымской войны, поскольку *Корриентес* был всего лишь провинцией *Аргентинской Республики*. Это было для него в новом свете; имя настолько запечатлелось в его памяти, что поначалу он был склонен поспорить со мной относительно правильности моего утверждения.

Чтобы этот джентльмен не показался вам исключительно неосведомленным, я могу упомянуть, что, как я впоследствии имел возможность убедиться, даже некоторые люди, занимающие высокие посты в Королевском географическом обществе, которые были знакомы с последними открытиями вблизи Северного полюса и во внутренних районах Африки, Центральной Азии и Австралии, каким—то образом в сфере своих исследований упустили из виду Южную Америку.

При написании истории один человек обязательно строит на фундаменте другого человека. Моим первым намерением было составить совершенно оригинальный труд, включающий историю нескольких штатов Южной Америки от открытия этого Континента до наших дней; но размышления убедили меня, что выполнение такого плана потребовало бы многолетнего труда, даже при всех благоприятных обстоятельствах. Различные писатели разработали схемы, труд, связанный с масштабностью которых, привел к их краху. В качестве одного из многих примеров можно упомянуть ученого Муньоса, который почти пятьдесят лет собирал материалы для истории испанских открытий и завоеваний в Америке, но который едва закончил первый том, когда умер.

Даже если бы кто-нибудь попытался создать совершенно оригинальную историю ранней португальской Южной Америки, она обязательно оказалась бы ущербной по сравнению с “Историей *Бразилии*” Саути. В предисловии к своей работе этот автор говорит о ней под датой 1810 года: “На протяжении большей части прошлого столетия печатные документы почти полностью не сохранились. Коллекция рукописей, не менее обширная, чем *curious*, и равной которой нет в Англии, позволяет мне заполнить эту пропасть в истории. Коллекция была сформирована во время более чем тридцатилетнего проживания родственника в Португалии. Без помощи, которую я получил от него, было бы безнадежно браться за это дело и невозможно завершить его”. Учитывая приведенные выше примеры, я счел необходимым довольствоваться написанием исторического обзора, касающегося нескольких испанских и португальских колоний, из которых возникли различные страны, которые в совокупности образуют политическую Южную Америку.

R. G. W.

Лондон, 1884.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА I.

	СТРАНИЦА
ГЛАВА I.	
Открытие материковой части Южной Америки: 1498-1503	1
ГЛАВА II.	
Открытие Тихого океана: 1508-1514	22
ГЛАВА III.	
Колония Дариен; Судьба Васко Нуньеса де Бальбоа: 1514-1517 гг.	46
ГЛАВА IV.	
Лас Касас; его колония на Жемчужном побережье: 1515-1521	65
ГЛАВА V.	
Открытие Бразилии, Ла-Платы и Парагвая: 1499-1557	86
ГЛАВА VI.	
Открытие Перу: 1521-1528	105
ГЛАВА VII.	
Завоевание Перу: 1529-1542 гг.	118
ГЛАВА VIII.	
Завоевание Чили: 1535-1550	142
ГЛАВА IX.	
Исследование Бразилии: 1510-1570	155
ГЛАВА X.	
Перу; Восстание Гонсало Писарро: 1542-1545	169
ГЛАВА XI.	
Перу; Президент Гаска: 1545-1550	189
ГЛАВА XII.	
Арауканская война: 1550-1556	209
ГЛАВА XIII.	
Арауканская война (<i>продолжение</i>): 1557-1560	223
ГЛАВА XIV.	
Арауканцы: 1560-1603	234
ГЛАВА XV.	
Бразилия; Рост колонии: 1570-1622	250
ГЛАВА XVI.	
Парагвай; Прибытие иезуитов: 1608-1648 гг.	265
ГЛАВА XVII.	
Английские мореплаватели в Южной Америке —Хокинс, Дрейк и Роли: 1564-1618 гг.	280

СОУТЧАМЕРИКА.

Книга I.

ГЛАВА I.

ВВОДНАЯ.

1498-1503гг.

1498.

До наступления шестнадцатого века южноамериканский континент, насколько это было известно европейцам, был бесформенным и пустым, и тьма лежала на поверхности бездны, которая его окружала. В то время Дух Божий, который двигался над поверхностью вод, сказал: “Да будет свет”; и был свет.

30 мая 1498 года Колумб отплыл из *Сан-Лукар-де-Баррамеда* с эскадрой из шести судов в свое третье исследовательское путешествие, взяв курс намного южнее того, которым он следовал до сих пор. Покинув *Сан-Лукар*, он взял курс на юго-запад; заходил на острова *Порто-Санто* и *Мадейра*, где оставался несколько дней, пополняя запасы, прежде чем продолжить свой курс на *Канарские* острова. 19 июня он прибыл в *Гомару*. Покинув *Гомару* два дня спустя, Колумб разделил свою эскадру у острова *Ферро*, три его корабля были отправлены на *Эспаньолу* с припасами для колонии. С тремя оставшимися судами адмирал продолжил свое плавание к островам *Кабо-де-Верде*, куда он прибыл 27 июня.

Покинув остров *Буэна-Виста* 5 июля, Колумб взял курс на юго-запад. Вулканическая вершина *Фуэго* была последней видимой точкой Старого Света. 13 июля он оказался на пятом градусе северной широты, в той области, которая простирается примерно на десять градусов по обе стороны от линии и известна среди моряков как спокойные широты. Там пассаты с юго-востока и северо-востока, встречаясь вблизи экватора, нейтрализуют друг друга. Море похоже на нефтяное озеро, а суда с развевающимися парусами выглядят так, словно им суждено вечно оставаться на месте. Штиль длился восемь дней, воздух был подобен печи. Моряки потеряли все силы и присутствие духа из-за невыносимой жары. Вдобавок к тому, что Колумб разделял страдания окружающих, он в это время страдал от приступа подагры; но его энергия ума преодолела телесные страдания. Чтобы спастись от жары, он изменил курс и взял курс на юго-запад.

Некоторое время медленно продвигаясь на запад сквозь штиль, туманы и жару, адмирал вышел в район, благословленный прохладным бризом, который наполнял его паруса и рассеивал туман. Небо прояснилось, и солнце больше не палило невыносимо. Корабли были настолько высушены палящей погодой, что сильно протекали, и необходимо было без промедления искать гавань. Поэтому он держал курс прямо на запад; но поскольку земли не показалось, он

изменил курс на север в поисках *Карибских* островов. К 31 июля на каждом корабле оставалось всего по одной бочке воды, когда вахтенный матрос подал сигнал “земля”. На далеком горизонте виднелись три горные вершины; но когда корабли приблизились к ним, стало видно, что эти три вершины - одна. Это была эмблема Святой Троицы, в честь которой благочестивый Колумб в своем отчаянии решил назвать первую землю, которую он увидит. Таким образом, было особенно уместно дать этому острову, лежащему непосредственно у побережья Южной Америки, название *Ла-Тринидад*.

На следующий день Колумб направился на запад в поисках воды и удобной гавани. Недостатка в воде действительно не было, ибо он увидел пальмовые рощи и леса, поднимающиеся с морского берега среди бегущих ручьев. Он обнаружил, что страна возделана во многих частях, и в ней есть деревни и разбросанные жилища. Это произвело на него такое приятное впечатление, что в своем письме, описывающем это место Фердинанду и Изабелле, он сравнил его внешний вид с видом испанской провинции Валенсия ранней весной. В точке, которой он дал название *Ла-Плайя*, он отправил свои лодки на берег за водой. Жители обратились в бегство; его люди нашли их следы так же, как они нашли следы оленя.

Во время плавания вдоль побережья *Тринидада* Колумб увидел землю, простирающуюся на двадцать лиг к югу. Это было низкое побережье, пересеченное устьями *Ориноко*. Не похоже, чтобы адмирал или кто-либо из его людей высадился на этом побережье; и они отплыли от него, не подозревая о том факте, что они были первыми европейцами, которые увидели *terra firma* или материк Южной Америки. 2 августа Колумб продолжил свой путь к юго-западной точке *Тринидада*, которую он назвал *Пунта Ареналь*, и где его экипажам было разрешено высадиться и подкрепиться. Якорная стоянка в этом месте была, однако, крайне ненадежной, и ночью Колумб задрожал за безопасность своей эскадры из-за внезапного прилива воды, вызванного разливом одной из рек, впадающих в залив *Пария*, и который сорвал один из его кораблей с якорной стоянки. Однако ему посчастливилось спастись невредимым, и на следующий день он благополучно миновал грозный пролив, лежащий между островом и материком, и оказался в спокойном море за ним. Теперь он находился на внутренней стороне *Тринидада*, слева от него простирался залив *Пария*.

Адмирал теперь держал курс на север, направляясь к горе на северо-западной оконечности *Тринидада*. Приблизившись к нему, он увидел два высоких мыса напротив друг друга: один на острове, другой на мысе *Пария*, который тянется далеко от материка. Между этими мысами был другой пролив, который казался еще более опасным, чем тот, который он оставил позади себя, и которому из-за его грозного вида он дал название *Бока дель Драго*, или Пасть Дракона. Чтобы избежать этого, он взял курс на запад, полагая, что мыс *Пария* был островом. Он обнаружил прекрасное побережье, изрезанное прекрасными гаванями, и местность, в одних местах возделанную, а в других покрытую лесом. Он был очень удивлен, обнаружив, что по мере того, как он продвигался вперед, вода становилась все свежее и свежее, а море было таким же спокойным, как если бы это была огромная гавань.

До этого времени он не поддерживал никаких контактов с населением материка, хотя тщетно пытался вступить в переговоры с жителями *Тринидада* в *Пунта Ареналь*. Проплыв несколько лиг вдоль побережья, он бросил якорь 6 августа и направил свои лодки к берегу. Хотя были обнаружены следы людей, не было видно ни души. Поэтому Колумб направился дальше на запад и снова бросил якорь. Здесь к ближайшей *каравелле* причалило каноэ, капитан которого

ухитрился захватить трех или четырех индейцев, находившихся на нем. Их привели к адмиралу, от которого они получили четки и ястребиные колокольчики, с которыми они в восторге вернулись на берег и которые побудили их соотечественников в большом количестве приходить на корабли, принося с собой хлеб, маис и другие съестные припасы.

Взяв с собой нескольких из этих туземцев в качестве проводников, Колумб продвинулся еще на восемь лиг к западу и бросил якорь в живописном месте, которому он дал название *Агуджа*, или *Игла*. Страна была очень густонаселенной и обладала великолепной растительностью. Местные жители были дружелюбны и от имени своего короля пригласили адмирала сойти на сушу. Многие из них носили ошейники из низшего сорта золота, которые они называли *гуанинь*. Но что больше всего привлекло внимание испанцев, так это вид нитей жемчуга, которые они носили на руках и которые, по их словам, были добыты на морском побережье к северу от *Париу*. Чтобы раздобыть образцы этих сокровищ, Колумб направил свои лодки к берегу; туземцы во главе с *ихкаси*ком встретили его людей на берегу с глубоким уважением и угостили как могли. Испанцы без труда добывали предметы своего вожделения, индейцы с радостью расставались со своими ожерельями и браслетами в обмен на ястребиные колокольчики или изделия из меди. К чести Колумба, в тот век насилия по отношению к низшим расам не зарегистрировано ни одного поступка, свидетельствующего о неблагодарности за благосклонность, с которой он и его люди были приняты в этом первом случае, когда европейцы смешались с жителями материковой части Южной Америки.

Все еще воображая, что побережье *Париу* является островом, адмирал покинул это прекрасное место и снова отправился в плавание, направляясь на запад в поисках выхода на север. Однако он обнаружил, что вода становится все мельче и свежее, так что он не мог рискнуть плыть дальше на своем собственном корабле. Поэтому он бросил якорь и послал вперед *каравеллу*, чтобы выяснить, есть ли выход в океан. На следующий день, по возвращении корабля, он узнал, что за ним находится внутренний залив, вмещающий устья четырех великих рек, воды которых наполняют сладостью соседнее море. Поскольку двигаться дальше на запад было невозможно, у него не было другого выхода, кроме как вернуться обратно и искать выход через “пасть Дракона”. Хотя он с радостью остался бы исследовать это богатое побережье, состояние его здоровья и нехватка морских припасов на его кораблях вынудили его поторопиться с отплытием на *Эспаньолу*.

Поэтому 11 августа адмирал отплыл на восток, и течение быстро понесло его вперед. 13-го он бросил якорь недалеко от пролива, а на следующий день, ближе к полудню, корабли подошли к *Бока-дель-Драго*. Устье этого грозного океанского прохода имеет около пяти лье в ширину, но между его оконечностями лежат два острова. Огромный водоем пресной воды, протекающий через залив в сезон дождей, встречаясь с набегающими волнами, вызывает ужасное волнение, чрезвычайно опасное для судов; и это был первый случай, когда суда должны были пройти через него. У великого мореплавателя не было ни карты, ни лоцмана, который мог бы вести его; но, к счастью, ни одна затонувшая скала не преградила ему путь, и течение пресной воды, преобладающее над набегающими волнами, благополучно пронесло его. [A]

Теперь Колумб держал курс на запад, вдоль внешнего побережья *Париу*, которую он все еще считал островом; и Гольфстрим, пересекающий Карибское море, бессознательно унес его еще дальше по тому же курсу (пока он ложился на ночь, чтобы не налететь на скалы и мели). Ему, со всем его опытом, потребовалось некоторое время, чтобы осознать тот факт, что этот огромный

водоем пресной воды, приносимый реками в океан, не мог быть результатом существования простых островов, а должен исходить из *Твердой Земли*, которая была объектом его поисков. Покинув побережье *Пари*, мореплаватель увидел на северо-востоке, на некотором расстоянии, последовательно острова *Тобаго* и *Гранада*, которые составляют часть Южной Америки; но здесь мы пока должны проститься с великим морским королем; [В] поскольку рамки этой работы включают только континент Южная Америка и острова, непосредственно ему принадлежащие. Поскольку тщательное изучение географии Америки не является частью образования каждого человека, возможно, будет уместно отметить, что географические границы Южной Америки совершенно отличаются от географических границ различных стран, образующих Центральную Америку, а также от островов Майн Испании.

Следующим испанским мореплавателем, побывавшим в этих морях, был знаменитый Алонсо де Охеда, сопровождавший Колумба во втором путешествии, когда ему был всего двадцать один год. Под влиянием своего двоюродного брата, монаха-доминиканца, он получил от епископа Фонсеки поручение, разрешающее ему вооружиться и отправиться в исследовательское путешествие, при условии, что он не должен посещать ни территории, принадлежащие Португалии, ни какие-либо земли, открытые для Испании до 1495 года. Было оговорено, что определенная доля его прибыли должна быть зарезервирована для короны.

Теперь, когда эта лицензия была у Охеды в кармане, он должен был найти способ привлечь ее к ответственности. У него была высокая репутация за храбрость и поведение, но он был лишен богатства. Этот элемент, однако, был предоставлен некоторыми севильскими купцами, которые так сильно верили в него, что верили, что он скоро найдет способ обогатить их, а также себя самого. С их помощью ему вскоре удалось снарядить эскадру из четырех судов, на которых он отплыл из Сент-Мэри, близ Кадиса. У него на борту было несколько моряков, которые сопровождали Колумба в *Парию*, к побережью которой Охеда проложил свой курс. Но человеком, на которого он больше всего полагался, был Хуан де ла Коса, который плавал с Колумбом во время его второго путешествия и который был одним из самых способных мореплавателей того времени. С Охедой был также Америго Веспуччи, флорентийский купец, обосновавшийся тогда в Севилье, чья слава возникла не из-за какого-либо участия, которое он принимал в этой экспедиции, а из его опубликованных рассказов и из его последующих путешествий в другую часть южноамериканского континента.

Охеда и его спутники, отплывшие из Сент-Мэри 20 мая 1499 года, руководствовались картами, которые адмирал прислал домой. Остановившись на *Канарских островах*, они последовали маршрутом Колумба и через двадцать четыре дня достигли Нового Света, расположенного примерно в двухстах лигах южнее того места, где высадился адмирал, недалеко от *Суринама*. Оттуда Охеда направился вдоль побережья на север, миновав устья многих рек, особенно *Ориноко*. Первые туземцы, которых они увидели, были на *Тринидаде*, жители которого описаны в письмах Веспуччи. [С]

После посещения нескольких точек *Тринидада* и залива *Пария*, Охеда прошел через *Бока-дель-Драго*, а затем направился на запад вдоль побережья *Пари*, пока не достиг *Куманы* или Жемчужного залива. Оттуда он обозначал противоположный остров *Маргарита*, который был открыт Колумбом. Теперь этот остров и другие прилегающие к нему были исследованы, после чего Охеда вернулся на материк. В *Маракапоне* он перевернул свои суда и построил небольшую бригантину. Местные жители были дружелюбны и привезли ему в изобилии провизию, в обмен

на что они попросили Охеду помочь им в экспедиции против жителей острова, которые имели обыкновение уводить своих людей на съедение.

Такая просьба пришлась по душе предприимчивому кастильцу, и после семидневного плавания он прибыл к тому, что предположительно является *Карибскими* островами, на один из которых его проводники указали как на обитель их врагов. Сначала его высадке решительно воспротивились; но, услышав звук его ружей, дикари в ужасе обратились в бегство, в то время как Охеда и его люди преследовали их до берега. Карибские воины, однако, сплотились и долгое время мужественно сражались, но в конце концов их загнали в леса, оставив много убитых и раненых. Бой был возобновлен на следующий день с тем же результатом, после чего испанцы отправились обратно на материк, где Охеда бросил якорь на три недели, чтобы дать своим людям время оправиться от ран.

Когда его команда снова была готова к выходу в море, Охеда поднял паруса и причалил к острову *Кюрасо*. Войдя в обширный залив, он увидел на восточной стороне деревню странной постройки. Она состояла из нескольких больших домов в форме колоколов, построенных на сваях, вбитых в дно мелководного озера. Дома были снабжены подъемными мостами, а сообщение осуществлялось с помощью каноэ. Из-за этого небольшого сходства с Королевой Адриатики произошло название *Венесуэла*, или Маленькая Венеция. Местным названием было *Кокибакоа*. При виде кораблей туземцы в ужасе разбежались, как и гребцы эскадрильи каноэ, вошедших в гавань с моря. Однако вскоре они вернулись, принеся с собой мирное подношение в виде шестнадцати молодых девушек. Мир длился недолго; по сигналу нескольких пожилых женщин индейцы выпустили град стрел, и девушки бросились в море. Но Охеда ни в коей мере не растерялся. Сев на свои лодки, он бросился к каноэ, потопив некоторые из них и убив и ранив несколько индейцев, в то время как остальные обратились в бегство.

Покинув это негостеприимное место, Охеда продолжил исследование залива и добрался до порта *Маракайбо*, где, уступив мольбам местных жителей, отправил группу на берег для изучения страны. К испанцам в этот раз относились с величайшим гостеприимством. Действительно, вся страна высыпала своим населением, чтобы оказать им почтение, глядя на них и обращаясь с ними как с существами высшей расы или мира. Испанцам было разрешено увезти с собой нескольких красивых женщин страны, одна из которых сопровождала Охеду в последующем путешествии.

Охеда в своем отчете об этом путешествии заявил, что он встретился с английскими путешественниками недалеко от *Венесуэлы*, или *Кокибакоа*. Никаких других сведений об экспедиции, о которой здесь говорится, пока обнаружено не было. Североамериканский континент незадолго до этого, в 1497 году, посетил Джон Кэбот, венецианец, состоявший на службе у Генриха VII, вместе со своим сыном, знаменитым Себастьяном Кэботом, о котором подробнее будет сказано ниже. Эти мореплаватели открыли побережье *Ньюфаундленда* 24 июня вышеупомянутого года и продвинулись на юг до *Флориды*. Таким образом, Кэботы были первыми первооткрывателями материковой части Америки, опередив Колумба на один год.

Охеда продолжил свой маршрут вдоль западных берегов *Венесуэльского* залива, обогнув мыс *Маракайбо* и следуя вдоль побережья, пока не достиг мыса *де ла Вела*, откуда направился через Карибское море на *Эспаньолу*. Он достиг Кадиса по возвращении в июне 1500 года.

Одновременно с этим путешествием Охеда было аналогичное путешествие Педро Алонсо Ниньо, предпринятое не с целью открытия, а ради выгоды. Этот моряк отплыл из Палоса и, следуя карте Колумба, достиг побережья *Париу*, где высадился на берег, чтобы рубить красивый лес, и где установил дружеские отношения с туземцами. Он тоже прошел через *реку Бока-дель-Драгои* столкнулся с карибскими пиратами, которые смело напали на него, но бежали при выстреле его артиллерии. Затем Ниньо и его спутники направились к острову *Маргарита*, где добыли большое количество жемчуга. Впоследствии они обогнули побережье *Куманы*, и туземцы неизменно хорошо обращались с ними; и они заключили, что это часть материка, из факта встречи с оленями и кроликами, поскольку этих животных они не видели ни на одном из островов. Затем Ниньо направился в страну под названием *Каучето*, где, однако, жители, которых посетил Охеда, приготовились сопротивляться его высадке. Не желая провоцировать военные действия, Ниньо вернулся в *Куману*; оттуда, когда он собрал достаточное количество жемчуга, он отплыл в Испанию, куда прибыл в апреле

1500.

Следующим испанским мореплавателем, способствовавшим географическим открытиям в этой части Южной Америки, был Родриго де Бастидес из Севильи, который отправился в путь на двух *каравеллах* в октябре 1500 года, имея с собой опытного лоцмана Хуана де ла Коса, плававшего вместе с Колумбом. Бастидес также имел на борту Васко Нуньеса де Бальбоа, впоследствии знаменитого первооткрывателя Южных морей. [D] Эта экспедиция расширила знакомство с побережьем *Твердой Земли* от мыса *де ла Вела* до места, впоследствии названного *Номбре-де-Диос*. Бастидес оставил себе имя, выделяющееся из огромной массы его соотечественников, появившихся в этой части света, за его доброе отношение к туземцам. К несчастью, его суда были пронизаны червями, которые в изобилии водятся в этих водах, и ему с большим трудом удалось достичь *Эспаньолы*.

Алонсо де Охеда, учитывая его прошлые заслуги, получил земельный надел на *Эспаньоле*, а также от правительства *Кокибакоа*, место которого он открыл. Ему было разрешено за свой счет снарядить несколько кораблей и заняться исследованиями на побережье *Твердой Земли*. Говорят, что одной из главных причин предоставления Охеде этого правительства и привилегий, которые сопровождали его, был тот факт, что он встретился с английской экспедицией близ *Кокибакоа*. Испанские монархи были встревожены мыслью об иностранном вторжении и хотели доверить самый передовой пост в своих владениях губернатору, обладавшему решительной доблестью, столь обильные доказательства которой предоставил Охеда. Ему было поручено развесить герб Кастилии и Леона в каждом месте, которое он посетит, как намек назойливым англичанам на то, что эти места уже захвачены.

1502.

С четырьмя судами Охеда отплыл на *Канарские острова* в 1502 году, а оттуда направился к заливу *Пария*, откуда он нашел путь в *Кокибакоа*. Ему не понравилась эта бедная страна, и он поплыл в залив *Хонда*, где решил основать свое поселение, которому, однако, суждено было просуществовать недолго. Провизии очень скоро стало не хватать, и один из его партнеров, которого послали за припасами *сЯмайки*, не возвращался до тех пор, пока последователи Охеды не подняли мятеж. В результате вся колония отплыла на *Эспаньолу*, взяв с собой губернатора в цепях. Все, чего добился Охеда своей экспедицией, заключалось в том, что он в

конце концов вышел победителем в судебном процессе, издержки которого, однако, разорили его.

Теперь, следуя по времени за продвижением открытий к перешейку, мы должны еще раз вернуться к путешествиям Колумба. Ему было уже шестьдесят шесть лет, когда он отправился в свое четвертое и последнее путешествие. Его эскадра, состоявшая из четырех небольших *каравелл*, вышла из Кадиса 9 мая 1502 года и, после некоторой задержки у побережья Марокко, достигла *Карибских* островов 15 июня. Получив отказ войти в порт *Сан-Доминго*, Колумб, пережив страшный шторм, некоторое время плыл вдоль побережья *Гондураса* с целью, которая всегда стояла перед ним в этой экспедиции, - найти предполагаемый пролив, ведущий в Индийский океан. 17 октября он прибыл к берегам *Верагуа*, где обнаружил, что у туземцев много золотых украшений. Испанцы также обнаружили в этом квартале первые признаки солидной архитектуры, которые они открыли для себя в Новом Свете.

Великий первооткрыватель с честью отличается от других тем, что целью его поисков было развитие науки, а не приобретение драгоценных металлов. Хотя во время плавания вдоль побережья *Верагуа* его переводчики сказали Колумбусу, что в пяти городах, мимо которых он проходил, он мог бы добыть большое количество золота, и хотя туземцы придавали так мало значения предметам из этого минерала, что всегда были готовы обменять их на испанские безделушки, он предпочел продолжить свой путь, чтобы скорее прибыть в предполагаемый пролив. “Я бы не стал ни грабить, ни возмущать страну,” говорит адмирал в одном из своих писем, - поскольку разум требует, чтобы это было улажено, и тогда золото можно было бы добыть без насилия”. Колумб был итальянцем; но можно с уверенностью утверждать, что чувства, выраженные в приведенной выше фразе, не были бы высказаны ни одним из испанских авантюристов того периода.

2 ноября Колумб достиг просторной гавани *Порто-Белло*, названной так в честь ее прославленного первооткрывателя, которой впоследствии суждено было занять столь важное положение, поскольку она была местом, где ежегодно флотилия *галеонов* выгружала свои грузы европейских товаров для снабжения испанской Южной Америки. Адмирал обнаружил, что соседняя местность открыта и возделана, дома окружены фруктовыми деревьями и пальмовыми рощами, а на полях выращивают кукурузу, овощи и ананасы. После недельной задержки Колумб двинулся на восток к точке, впоследствии известной как *Номбре-де-Диос*. Однако теперь его сосуды начали прокалываться тропическим червем. Поэтому, высадившись в маленькой гавани, которой он дал название *Эль-Петрете*, он оказался в такой неудобной близости от берега, что вскоре между туземцами и его непокорными моряками возникли стычки; и они не были подавлены без некоторой демонстрации силы. Именно в этот момент великий мореплаватель наконец согласился прекратить свои долгие и мучительные поиски предполагаемого пролива. Действительно, хотя он и не знал этого, все побережье вдоль Перешейка теперь было обследовано экспедициями, стартовавшими с противоположных направлений. В соответствии с пожеланиями своих спутников адмирал согласился вернуться к берегам *Верагуа*.

Имея в виду вышеуказанную цель, экспедиция отплыла из *Эль-Петрете* 5 декабря, но только для того, чтобы столкнуться с продолжающейся сильнейшей штормовой погодой, при которой *каравеллы* швыряло из стороны в сторону день и ночь, и они подвергались серьезнейшему риску быть затопленными. 17-го числа они вошли в порт, напоминающий канал, где провели

несколько дней в покое. Покинув это убежище, они снова были брошены на произвол судьбы до следующего дня после Рождества, когда вошли в другой порт, где ремонтировалось одно из судов. В день Богоявления, к их великой радости, они бросили якорь в реке, недалеко от реки *Верагуа*, которой Колумб в честь этого дня дал название *Белен* или Вифлеем.

Отчеты, которые получили испанцы, теперь подтверждались тем, что они видели. В обмен на самые пустяковые вещи они приобрели золотые украшения значительной ценности; и *дон Бартоломео*, брат адмирала, отправился на вооруженных лодках вверх по *Верагуа* до резиденции *касика* Кибiana. Он радушно принял его, получив от него золотые украшения, которые он носил. Но кораблям и морякам недолго оставалось отдыхать в тишине, даже под прикрытием реки; ибо внезапное поднятие уровня воды сорвало их с якорей и беспомощно швырнуло друг о друга, в то время как сильный шторм помешал им найти безопасное место в море.

В начале февраля *Дон Бартоломео* снова отправился с вооруженным отрядом исследовать *Верагуа* и искать рудники. Он был введен в заблуждение *каси́ком*, который направил его на территорию соседнего вождя, с которым он находился в состоянии войны. *Аделантадо*, однако, обнаружив свою ошибку, отправился во вторую экскурсию, в ходе которой его постоянно встречали доказательства изобилия золота, поскольку туземцы обычно носили пластины из этого металла, подвешенные к шее. *Касики*, которых он посетил, дружески принимали его, и он обнаружил, что страна возделана.

Выслушав сообщение своего брата, Колумб решил основать колонию на этом многообещающем побережье с целью закрепления за собой владения страной и исследования рудников. "*Аделантадо*" должен был остаться с большей частью экспедиции, в то время как адмирал должен был вернуться в Испанию. Приняв это решение, нельзя было терять времени. Восемьдесят человек должны были остаться здесь, и они были немедленно заняты строительством домов и магазина. Основная часть артиллерии и боеприпасов хранилась на борту одной из *каравелл*, которая должна была быть оставлена в пользование колонии. Хотя запасы были несколько скудны, никто не опасался, что провизия иссякнет; ибо страна производила фрукты и зерно в изобилии, в то время как реки и морское побережье поставляли большое количество рыбы.

Таково было положение дел, и Колумб уже собирался отплыть, когда возникло непредвиденное препятствие, задержавшее его. Конечно, он не мог предвидеть различных смен времен года в этой незнакомой стране. Река, которая еще недавно была для него источником опасности из-за разлива, теперь внезапно настолько пересохла, что на ее перекате было всего полфатона воды; и переправиться через нее было невозможно даже небольшому судну адмирала. Поэтому у него не было другого выхода, кроме как прибегнуть к терпению — той добродетели, в которой он так нуждался на протяжении всей своей достопамятной карьеры, — и дожидаться возвращения сезона дождей.

Тем временем *касик* Кибиец, что было вполне естественно, с завистью наблюдал за действиями чужаков, которые чувствовали себя как дома на его территории. Под предлогом подготовки к войне с соседним вождем он созвал своих воинов собраться на реке *Верагуа*. Но подозрение возникло у нотариуса адмирала, который получил разрешение на разведку индейского лагеря. По возвращении он высказал свое мнение, что большая группа туземцев, которых он наблюдал во время марша, направлялась, чтобы напасть врасплох на испанское поселение. Колумб, не

желая принимать эту точку зрения без дальнейшего подтверждения, разрешил Мендесу отправиться во вторую разведывательную экспедицию, результат которой был таков, что рассеял его сомнения; в то время как любое затянувшееся недоверие было рассеяно информацией, переданной ему туземцем, который выступал в роли переводчика и который раскрыл адмиралу планы своих соотечественников, которые он случайно услышал. В намерения Кибиана входило напасть ночью на гавань, сжечь корабли и дома и устроить всеобщую резню.

Ввиду вышеизложенных сведений Колумб установил двойную охрану гавани, но его брат, *Аделантадо*, решился на более решительные меры. Во главе семидесяти четырех человек вместе с переводчиком он отплыл на лодках к реке *Верагуаи* высадился у дома Кибиана, прежде чем тот успел заметить его передвижение. Затем, взяв с собой всего пятерых человек, он поднялся на холм, приказав остальным следовать за ним с большой осторожностью. По данному сигналу они должны были окружить жилище. *Касик* был схвачен *доном* Бартоломью и после ожесточенной борьбы связан по рукам и ногам. Его домочадцы, состоявшие примерно из пятидесяти человек, также были взяты в плен; и *меры* *Аделантадо* были приняты настолько хорошо, что по этому случаю не пролилось ни капли крови.

Передав свой приз на попечение своего лоцмана с приказом доставить его на борт своей лодки, *Аделантадо* с частью своих людей отправился в погоню за сбежавшими индейцами. Но хитрый *касик* был более чем достойным соперником честному пилоту. Когда он жалобно пожаловался на боль, причиняемую его узами, мягкосердечного Санчеса убедили ослабить веревку, после чего Кибиан, воспользовавшись удобным случаем, нырнул в воду и исчез. На следующее утро "*Аделантадо*", убедившись в тщетности преследования, вернулся на корабли с добычей из особняка Кибиана, которая составила ничтожную сумму в триста дукатов.

Теперь все было, по-видимому, спокойно; и когда снова начался сезон дождей, Колумб простился со своим братом и снялся с якоря на трех *каравеллах*, оставив четвертую в пользовании поселения. Корабли, отбуксированные через отмель, встали на якорь в лиге от берега, ожидая попутного ветра. Адмирал намеревался высадиться на *Эспаньоле*и оттуда отправить своему брату припасы и подкрепления. Поскольку неблагоприятный ветер задержал его на некоторое время, он отправил лодку на берег за дровами и водой. То, что он это сделал, пошло на пользу колонии. *Касик* Кибиан не погиб, как предполагалось, а выбрался на берег. Когда он увидел суда, увозящие его семью вдаль, он пришел в отчаяние и думал только о мести. Собрав своих воинов, он тайно приблизился к поселению и напал на испанцев, когда они полностью потеряли бдительность. После ожесточенной борьбы индейцы были отброшены назад, но не раньше, чем они убили одного испанца и ранили еще восьмерых. Несмотря на это предупреждение, команда лодки, посланная Колумбом, продолжила движение вверх по реке и, будучи застигнута индейцами врасплох, была отрезана, спасся только один человек.

Это несчастье повергло колонию в уныние, особенно после того, как индейцы немедленно возобновили военные действия. Поскольку оставаться в крепости считалось небезопасным из-за ее близости к лесу, *Аделантадо* возвели баррикаду на открытом пространстве у моря. Огнестрельное оружие испанцев удерживало индейцев от выхода из леса, но последние с величайшим ужасом ожидали того часа, когда боеприпасы иссякнут и их выгонят на поиски пищи.

Тем временем Колумб испытывал едва ли меньшее беспокойство. Невозвращение его лодки предвещало катастрофу, и он не рискнул рисковать своей единственной оставшейся лодкой из-за сильного прибоя на берегу. Кроме того, произошло событие, которое немало усугубило уныние на борту эскадрильи. Намерением Колумба было перевезти семью Кибiana в Испанию в качестве заложников за хорошее поведение индейцев во время его отсутствия. Пленники, однако, были полны решимости обеспечить себе свободу, если это возможно. Люк над баком, где они спали, не был задраен, так как находился вне досягаемости заключенных и так как некоторые члены команды спали на нем. Поскольку пленники наблюдали за этим пренебрежением, отчаяние придало им изобретательности. Собрав некоторое количество балласта, они сложили его кучей под люком. Несколько индейцев, взобравшись на камни, одновременным усилием подняли его, яростно сбросив спящих моряков. Индейцы мгновенно выскочили вперед, и многие, нырнув в море, поплыли к берегу. Некоторых, однако, поймали и силой вернули в место их заключения. Утром было обнаружено, что все заключенные повесились.

1503.

В этом состоянии растерянности один храбрый человек вызвался помочь адмиралу. Педро Ледесма из Севильи предложил, если лодка доставит его к кромке прибоя, доплыть до берега вплавь, что он успешно и совершил. Он вернулся на корабли, чтобы сообщить своему командиру, что *отряд Аделантадо находится на грани открытого мятежа, и что они поклялись, если адмирал откажется принять их на борт, отплыть на каравелле*, как только это будет практически возможно. Колумб, как можно предположить, испытывал немалую тревогу за своего брата, оказавшегося между мятежниками и дикарями. Казалось, ничего не оставалось, как взять всю партию на борт и вернуться в поселение когда-нибудь в будущем; но состояние погоды было таково, что выполнение этого плана представляло немалые трудности. Однако после девяти бурных дней море снова успокоилось, и были приложены большие усилия, чтобы вывести людей до того, как вернется плохая погода. В этой чрезвычайной ситуации услуги Диего Мендеса были особенно полезны. Связав вместе два индейских каноэ, он соорудил на них плот, на котором припасы, оставленные на берегу и на *каравелле*, были отбуксированы к кораблям. Таким образом, в течение двух ночей и дней все ценное было перенесено на борт эскадры, причем Мендес и пятеро его товарищей покинули берег последними.

Радости испанцев не было предела, когда они снова оказались на плаву. Когда ветер стал попутным, Колумб в конце апреля 1503 года в последний раз отплыл от гибельного побережья, от которого его потомок унаследовал свой титул. [E] Однако вместо того, чтобы направиться прямо к *Эспаньоле*, он, к удивлению своего пилота и экипажей, направился вдоль побережья на восток.

Это изучение течений научило его, что для того, чтобы его не унесло за пределы назначенного порта, он должен сначала пройти значительный путь на восток. В *Порто-Белло* ему пришлось покинуть одну из своих *каравелл*, так как она была настолько изъедена червями, что ее больше нельзя было удерживать на плаву. Даже два оставшихся его судна, на которые теперь были набиты команды из четырех человек, находились в крайне немореходном состоянии и удерживались на плаву только благодаря непрерывной работе на помпах. Продолжая

движение, они миновали *Порто-Петрете* и приблизились ко входу в *Дарьенский* залив, когда, уступив протестам своих капитанов и лоцманов, адмирал окончательно попрощался с материком; и 1 мая он направился на север в поисках *Эспаньолы*. На этом этапе его карьеры мы должны проститься с первооткрывателем Америки. Дальнейшее повествование о его последнем путешествии вывело бы нас за пределы, которыми должна быть ограничена эта работа, то есть за пределы Южной Америки.

Примечание.—Проблема перевода на английский язык названий мест в зарубежных странах представляет определенную трудность и основывается скорее на условности, чем на принципе. Эта проблема решается разными писателями по-разному. Греческие пуристы в течение некоторого времени не упускали возможности при написании греческих слов заменить оригинальную греческую букву "К" на римскую "С"; но они по-прежнему уважают последнюю в названиях таких мест, знакомых нашему слуху по Священному Писанию, как Коринф и Крит. Подобным же образом восточные пуристы, такие как сэр Фредерик Голдсмид и полковник Маллесон, сделали все возможное, чтобы ввести в английскую литературу систему орфографии восточных имен, которая, конечно, существует в классной комнате профессора восточных языков, но которая еще не полностью принята обычным английским читателем. Те из нас, чье знакомство с историей Индии началось с чтения очерков Маколея о Клайве и Гастингсе, не склонны принимать *Пиласи* за Плесси, а *Лакнао* за столицу княжеского дома Уде.

Чтобы быть ближе к дому, было бы педантично использовать *Эль-Кахиру* для обозначения Каира или *Димишк* для обозначения Дамаска. Было бы немного менее справедливо, хотя и строго корректно, использовать *Venezia* для обозначения Венеции, *Roma* для обозначения Рима или *Livorno* для обозначения Ливорно. Мы добавили s — почему, я не знаю — к французскому написанию слова *Marseille*. Этот портвейн так же привычен нам, как Ливерпуль или Глазго, но мы неизменно пишем его и произносим как Марсельский. При написании испанских или португальских слов, применяемых к названиям мест в Южной Америке, я обнаруживаю значительное расхождение в обычаях авторов. Возьмем, к примеру, одно название *Успения*. Столица *Парагвая* так написана Робертсонами и другими авторами, в то время как в "Истории Бразилии" Саути это повсюду написано *Исходя из* предположения. В книге Уошберна "История Парагвая" оно становится *Асунсьоном*, оригинальным испанским названием, которое я не вижу причин заменять. Как правило, я следовал местным названиям мест в португальской или Испанской Америке, по большей части тем, под которыми они известны в Англии.

ГЛАВА II.

ОТКРЫТИЕ ТИХОГО ОКЕАНА.

1508-1514гг.

1508.

По возвращении Колумба в Европу после его четвертого и последнего путешествия рассказы короля Фердинанда о *Верагуа* пробудили в нем страстное желание овладеть этой богатой территорией. Поэтому он решил основать колонии на этом побережье и поставить их под

управление способного губернатора. Но прежде чем он приступил к осуществлению своего решения на практике, великого адмирала больше не было. В поисках способного командира можно было бы предположить, что король остановил свой выбор на его брате, *Доне Бартоломью*, который сопровождал его в его последнем путешествии. Колумб, однако, оставил после себя обширные притязания, наследниками которых была его семья и которые скупой и ревнивый монарх не желал признавать. Поэтому его выбор офицера пал на доблестного и предприимчивого Алонсо де Охеду, который в это время бездельничал на *Эспаньоле*, кошелек его был пуст, но дух высок, как всегда. Его щедрый характер и безрассудная манера поведения расположили к нему пилота-ветерана Хуана де ла Коса, который предложил ему использовать свои сбережения для снаряжения экспедиции.

У Охеды, однако, был соперник в лице Диего де Никуэса. Оба были опытными кавалерами, благодаря своему духу предприимчивости вполне способными делать то, на что способны мужчины, выполняя непредвиденные и почти сверхчеловеческие задачи, которые стояли перед ними. Король Фердинанд, не желая лишаться услуг Никуэсы, назначил и его в правительство; иными словами, он предоставил каждому разрешение завоевывать и управлять частью континента, которая лежит вдоль *Дарьенского* перешейка — пограничной линии, проходящей через залив *Ураба*. Восточная часть, простирающаяся до мыса *де ла Вела*, была названа Новой Андалусией и передана Охеде. Страна на западе, включая *Верагуа* и простирающуюся до мыса *Грасиас-а-Диос*, была закреплена за Никуэсой. Оба губернатора должны были совместно получать припасы с острова *Ямайка*, и каждый должен был в течение десяти лет пользоваться прибылью от рудников, которые он может обнаружить, с обычным вычетом для короны.

Охеда с помощью Хуана де ла Коса снарядил корабль и две бригантины, на которых находилось около двухсот человек. Никуэса снабдил его четырьмя большими судами, на борту которых находились гораздо большие силы. Охеда, несколько завидуя превосходству своего соперника, убедил одного из своих друзей, юриста по имени Холостяк Энсисо, вложить свои деньги — две тысячки *кастильяно* — в его предприятие.

Он должен был остаться на *Эспаньоле*, чтобы набрать рекрутов и обеспечить их припасами. Перед отъездом два губернатора-соперника, как, возможно, и следовало ожидать, вступили в спор по поводу острова *Ямайка*, которым они должны были владеть совместно; и Охеда воспользовался возможностью вызвать Никуэсу на поединок один на один. Вражда, однако, была подавлена разумным вмешательством Хуана де ла Коса. Привлекательные манеры Никуэсы привлекли к нему столько добровольцев, что ему пришлось приобрести другой корабль, чтобы доставить их. Однако он не был деловым человеком и настолько перегнул палку в своих приготовлениях, что ему было очень трудно сбежать от своих кредиторов и отправиться на место своего правления.

1509.

Никогда группа отважных авантюристов не подвергалась более страшной катастрофе, более тяжким страданиям и разочарованию, чем те, кто состоял на вооружении Охеды и Никуэсы соответственно. 10 ноября 1509 года первый отплыл из *Сан-Доминго*, пополнив свою эскадру еще одним кораблем и еще сотней человек. Среди искателей приключений на борту был тот, кому суждено было занять большее место в истории, чем самому Охеде, а именно Франсиско Писарро, будущий завоеватель *Перу*. Экспедиция вскоре прибыла в гавань *Картагены*; но местные жители, раздраженные поведением предыдущих европейских гостей, при первом же

виде чужаков схватились за оружие. Они были воинственной расой *карибского* происхождения и умели пользоваться отравленными стрелами.

Лоцман Хуан де ла Коса, который ранее посещал это побережье с Бастидесом, был очень встревожен таким положением дел и горячо умолял Охеду покинуть этот район и основать свое поселение в заливе *Ураба*, где люди были менее жестокими, особенно в том, что касалось использования отравленных стрел. Охеда, однако, чья отвага была чрезмерной, не возражал против сражения, тем более что это, как он надеялся, дало бы ему скорую возможность отправить корабль, полный рабов, в *Сан-Доминго*, чтобы расплатиться с долгами. Охеда, избежавший бесчисленных опасностей и воображавший, что находится под особым покровительством Пресвятой Девы, смело напал на индейцев, когда они отказались заключить мир. Вскоре они были разбиты; несколько человек были убиты, а другие взяты в плен. Лихой предводитель имел безрассудство преследовать врага далеко в лесу, где они были изгнаны из своей крепости. Затем семьдесят индейцев были взяты в плен и отправлены на корабли.

Обезумевший Охеда, не удовлетворенный этими успехами, продолжил преследование беглецов; но в вечерних сумерках его люди, вообразив, что индейцы рассеяны и покорены, разошлись в поисках добычи по домам покинутой деревни. Внезапно из окружающего леса выскочили дикари. Испанцы, собиравшиеся небольшими отрядами, хотя и сражались храбро, быстро падали под дубинками и отравленными стрелами тех, кто их окружал. Охеда, бросившись на колени и прикрываясь своим щитом, избежал отравленного дождя; но его спасло только прибытие Ла Козы с несколькими приверженцами, ибо все, кто был с ним, были убиты. Подобная судьба теперь постигла товарищей пилота-ветерана; в то время как сам Ла Коза был ранен и не смог последовать за своим командиром, когда тот, подобно тигру, бросился на врага, нанося смерть направо и налево. Ла Коза укрывался в индейской хижине, пока в живых не остался только один человек. Умирая, он отправил этого последнего товарища с посланием Охеде. Из семидесяти человек, которых сильный головой Охеда повел в эту опрометчивую и неуместную экспедицию, в живых остались только этот испанец и его командир.

Встревоженные длительным отсутствием своего предводителя и его людей, испанцы на борту кораблей послали вооруженные отряды на лодках вдоль берега, которые затрубили в трубы и выстрелили из сигнальных ружей. Ответом им были только вызывающие боевые кличи индейцев; но наконец в густых зарослях мангровых деревьев показалась фигура человека в испанском наряде. Это был Алонсо де Охеда, настолько измученный усталостью и голодом, что на некоторое время лишился дара речи. Когда они дали ему еды и вина, он смог рассказать о крушении, к которому привела его опрометчивость. На его щите были отметины от трехсот стрел, и он приписывал свою безопасность только защите Пресвятой Девы.

Пока его друзья были еще на берегу, они увидели несколько кораблей, приближавшихся к гавани. Это была эскадра Никуэсы, на прибытие которой Охеда теперь смотрел с тревогой. Однако ему нечего было опасаться великодушного кавалера, первым делом отдавшего себя и своих людей под командование Охеды с целью отомстить за смерть своих товарищей. Вскоре это было успешно сделано. Отправившись к месту, где произошла резня, они обнаружили индейскую деревню, погруженную в сон. Он был немедленно охвачен пламенем; и жители, которые бросились вперед, были либо убиты испанцами, либо отброшены назад, чтобы погибнуть в огне. Ни полу, ни возрасту пощады не было. Добыча в деревне была велика, ибо

доля Никуэсы и его людей оценивалась в семь тысяч *кастильяно*. Теперь Никуэса продолжал свое путешествие в *Верагуа*.

Охеда, которому к этому времени надоела *Картахена*, сев на корабль, направился к заливу *Ураба*. Его люди были сильно обескуражены, и вид побережья, вдоль которого они плыли, был не таков, чтобы утешить их. Они слышали рев тигров и львов и пришли в замешательство, когда одна из их лошадей, проходя по берегу реки, была схвачена аллигатором и утащена под воду. Охеда основал свое поселение в месте, которому он дал название *Сан-Себастьян*, веря, что мученик, который сам был убит стрелами, защитит своих испанцев от подобной участи. Здесь он воздвиг деревянный форт и обнес это место частоколом. Далее он отправил корабль в *Сан-Доминго* с письмом своему коллеге Энсисо, в котором настоятельно призывал его присоединиться к нему без промедления.

Тем временем Охеда решил продвигаться по своей территории и отправился с вооруженной бандой в гости к соседнему *касику*. Однако, войдя в лес, он и его последователи были атакованы градом отравленных стрел из укрытия, в результате чего несколько его людей умерли, бредя в мучениях. Остальные отступили в замешательстве, и только когда их провизия начала подходить к концу, Охеда смог убедить их снова выйти в бой. Однако они были так осаждены со всех сторон дикарями и потеряли так много людей от своих отравленных ран, что испанцы вообще больше не решались выходить в море, довольствуясь в пищу теми травами и кореньями, которые могли найти. Их ряды настолько поредели из-за болезней, что с трудом удалось нанять часовых для несения караула.

Несмотря на все это, Охеда продолжал вести заколдованную жизнь, и индейцы решили испытать его неуязвимость. Когда они в следующий раз атаковали форт, и Охеда, как обычно, предпринял вылазку, чтобы отразить их нападение, четверо их отборных стрелков были размещены в засаде с приказом уничтожить его. Три стрелы попали в его щит, не причинив ему вреда; четвертая пронзила его бедро. Его, претерпевая великие мучения, отнесли обратно в поселение. У него хватило смелости приказать своему врачу приложить к отверстиям его раны две раскаленные докрасна железные пластины - испытание, которое он перенес, не дрогнув. Независимо от того, было ли это результатом этого ужасного лечения или нет, его жизнь была сохранена, хотя и ценой страшного воспаления.

Пока колония преодолевала описанные выше проливы, было замечено странное судно, направлявшееся в *Сан-Себастьян*. Однако, как и ожидалось, *Enciso* не попала в список искомых магазинов. Это было судно, принадлежавшее некоему генуэзцу, которым некто Талавера с несколькими другими безрассудными должниками завладел в *Сан-Доминго*, и которые в количестве семидесяти человек теперь пополнили ряды сторонников Охеды. Они продали свою провизию этому губернатору, чьи люди были таким образом спасены от голодной смерти.

Прибытие Энсисо все еще откладывалось, и в конце концов Охеда был вынужден пойти на компромисс со своими отчаявшимися последователями. Между ними было решено, что он сам отправится на одном из судов в *Сан—Доминго* в поисках припасов и подкреплений, а они, то есть основная масса колонистов, останутся на пятьдесят дней в *Сан—Себастьяне*, по истечении которых, если он не вернется, они смогут беспрепятственно отправиться на других бригантинах на *Эспаньолу*. Тем временем Франсиско Писарро должен был командовать колонией в его отсутствие или до прибытия Энсисо.

Охеда сел на корабль, который привез Талаверу; но когда он попытался принять командование, этот человек, поддержанный всей его командой, оказал ему сопротивление. В результате вспыльчивый Охеда был закован в кандалы, из которых его освободили только потому, что ни один другой человек на борту не был способен управлять кораблем. Как бы то ни было, пираты позволили судну настолько отклониться от курса на *Сан-Доминго*, что у Охеды не было другого выхода, кроме как направить его к южному побережью *Кубы*.

Когда они оказались на берегу, между Охедой и его бывшими товарищами продолжалось перемирие, поскольку они чувствовали, что никто из отряда, кроме него, не сможет помочь им в их плачевном положении. Они были слишком обескуражены, чтобы пробиваться силой через населенную местность, где им пришлось бы сражаться с раздраженными туземцами; и поэтому Охеда, перед которым стоял только выбор из двух зол, провел их через саванны и болота, откуда с невероятным трудом они, наконец, вышли к индейской деревне. Их страдания были сильными и непрекращающимися, и из числа семидесяти отправившихся в путь выжила лишь половина. С ними Охеда продолжил свой поход к мысу *де ла Крус*, откуда с помощью каноэ он смог связаться с испанцами на острове *Ямайка*. *Каравелла* была отправлена, чтобы доставить группу на последний остров, и оттуда, после небольшой задержки, Охеда отплыл в *Сан-Доминго*, оставив Талаверу и его друзей позади. Однако вскоре после этого они были арестованы и преданы суду за пиратство, Талавера и несколько его сообщников были повешены. В *Сан-Доминго* ничего не было известно о холостяке Энсисо, который уже давно отправился к своему вождю и о котором впоследствии никто ничего не слышал. Так исчезла последняя надежда Охеды. Он был доведен до нищеты, и его доблестный дух в конце концов был настолько сокрушен несчастьем, что при последнем издыхании он попросил, чтобы его похоронили у ворот монастыря *Сан-Франциско*, чтобы в искупление его былой гордыни каждый, кто войдет, мог наступить на его могилу.

Возвращаясь к Никуэсе: — Покинув *Картахену*, он продолжил свое путешествие к побережью, выделенному ему правительством. Эскадра своевременно прибыла в *Верагуа*, но во время шторма судно "Никуэса" отделилось от своих спутников. Оказавшись выброшенными на мель в реке, а его кораблю грозила опасность развалиться на куски, Никуэса и его спутники были вынуждены спасаться, перебравшись на берег с помощью веревки. Не успели они добраться до него, как *каравелла* разбилась, а их провизию и одежду унесло течением. К счастью, их лодку выбросило на берег, и в ней четверо моряков вышли в море, держась наравне с основной группой, которая должна была прокладывать себе путь вдоль берега, и переправляя их через реки и заливы на их пути. Страдания Никуэсы и его людей были невыносимыми, и их пища состояла только из тех трав, корней и моллюсков, которые они могли собрать. Однако они двигались в неправильном направлении. Команда лодки была убеждена в этом факте, хотя и отчаялась убедить Никуэсу; и поэтому однажды ночью они взяли закон в свои руки и отплыли на лодке, оставив своего командира и его спутников на острове. Как они и ожидали, вскоре они поравнялись с другими судами, укрывшимися в реке *Белен*, и немедленно была послана шлюпка, чтобы спасти несчастный отряд.

Никуэса и его измученные голодом товарищи присоединились к своему народу в *Белене*, где из доблестного отряда в семьсот человек, отплывших с ним из *Сан-Доминго*, в живых осталось всего триста полуголодных человек. Его первой заботой было принять меры для оказания им помощи; но, как следует из опыта Колумба и его брата, иметь дело с индейцами этого

побережья было отнюдь не приятно. Многие испанские фуражиры были убиты, а те, кто избежал этой участи, были настолько ослаблены, что с огромным трудом дотащили свои припасы домой.

Обескураженный столькими несчастьями, Никуэса решил отказаться от этого катастрофического поселения. Среди его последователей был генуэзский моряк, который плавал на этом побережье с Колумбом и который теперь описал своему командиру гавань, которой адмирал был так доволен, что дал ей название *Порто-Белло*. К этому месту под руководством генуэзца направился Никуэса и обнаружил следы визита адмирала, как ему и было описано. Часть команды была отправлена на берег за провизией, но на них напали индейцы, которым они были слишком измотаны, чтобы сопротивляться. Разочаровавшись в надежде найти убежище в этом месте, Никуэса продолжил свой путь еще на семь лиг и достиг гавани, которой Колумб дал название *Пуэрто-де-Бастимиентос*, или Порт припасов. Его окружала плодородная местность, и усталый Никуэса воскликнул: “Здесь давайте отдохнем, во имя Бога!” Его последователи, истолковав его слова как благоприятное предзнаменование, дали гавани название *Номбре-де-Диос*, которое она сохраняет и по сей день. Однако несчастья Никуэсы и его банды еще не закончились. Собрав свои силы, он обнаружил, что осталось всего сто истощенных существ. Затем он отправил свою *каравеллу* на *Эспаньолу* за провизией; но она так и не вернулась, и он также безуспешно пытался найти припасы на месте.

1510.

Между тем, как уже было сказано, задолго до возвращения Охеды в *Сан-Доминго*, его партнер, холостяк Энсисо, отправился воссоединиться со своим шефом в *Картахену*. Холостяк прибыл в это роковое место, не зная о конфликте, в котором Хуан де ла Коса встретил свою смерть, и о том, в чем он был отомщен. Поэтому он, не колеблясь, посадил несколько человек для ремонта своей лодки. Вокруг них собралось множество индейцев. Их опыт общения с силой белых людей был настолько недавним, что для них было благоразумно держаться на безопасном расстоянии. Убедившись, однако, что эти чужеземцы прибыли без враждебных намерений, туземцы побросали оружие и отнеслись к испанцам с величайшим дружелюбием, снабжая их хлебом, рыбой и другими припасами.

В *Картахене* Энсисо был немало удивлен прибытием бригантины. Им командовал Франсиско Писарро, которого, как следует помнить, оставили ответственным после отъезда Охеды из *Сан-Себастьяна*. Маленькая бригантина содержала все, что осталось от колонии, основанной с такими большими надеждами. После отъезда Охеды его последователи оставались в крепости в течение согласованного срока в пятьдесят дней. Как только после этого их число сократилось из-за смерти настолько, что их можно было разместить на двух бригантинах, они отплыли с рокового места. Столкнувшись с плохой погодой, одна из бригантин пошла ко дну со всем экипажем; другая, как уже было сказано, была направлена в *Карфагену*, чтобы раздобыть провизию.

Ничуть не обескураженный опытом своих предшественников, Энсисо, взяв с собой Писарро и его команду, хотя и против воли последнего, отправился в *Сан-Себастьян*. Однако с самого момента его прибытия туда несчастному Холостяку не везло. При входе в гавань его судно налетело на скалу, и он со своей командой с трудом добрался до бригантины Писарро, их судно пошло ко дну вместе со всем живым скотом и припасами, предназначенными для колонии. Высадившись на берег, он обнаружил, что крепость и дома были сожжены индейцами. Испанцы оставались там несколько дней, питаясь теми припасами, которые предоставляла колония. Но у

них произошел конфликт с индейцами, который возродил их страх перед отравленными стрелами и вызвал полное отвращение к этой местности, — чувство, разделяемое Энсисо. В этот мрачный момент из толпы выступил один человек, который с этого времени и до своей преждевременной смерти стоял в первых рядах своих соотечественников в Новом Свете и который занимает среди американских первооткрывателей второе место после Колумба. Это был доблестный и знаменитый Васко Нуньес де Бальбоа, которому суждено было стать первым европейцем, увидевшим Тихий океан. Васко Нуньес был уроженцем Хереса и происходил из знатной семьи. Будучи человеком расточительным, он, чтобы ускользнуть от кредиторов, был доставлен на борт корабля Энсисо, спрятанный в бочке. Теперь он сообщил своему лидеру, что несколькими годами ранее он плавал вдоль этого побережья с Бастидесом и исследовал залив *Ураба*. Он вспомнил индейскую деревню на берегу реки *Дариен*, расположенную в плодородной местности, в которой, как говорили, были золотые прииски. Прежде всего, туземцы не пользовались отравленными стрелами. Теперь он вызвался проводить туда своего вождя.

Предложение Нуньеса было принято, и Энсисо отправился на место. При высадке ему противостоял *касик*, который, однако, вскоре был обращен в бегство, оставив после себя много добычи и продовольствия. Здесь Энсисо решил основать свою колонию, которой он дал название *Санта-Мария-де-ла-Антигуа-дель-Дариен*. Как только была основана его колония, Энсисо, несколько преждевременно, начал давать о себе знать. Его первый эдикт запрещал под страхом смертной казни любые частные сделки с туземцами за золото, что было мало по вкусу той распушенной группе, которую он собрал вокруг себя. Результатом стало то, что некоторые из его последователей решили обратиться к закону от своего собственного имени. Линия границы между юрисдикциями, которые были закреплены за Охедой и Никуэсой соответственно, проходила по центру залива *Ураба*. Поскольку деревня *Дариен* находилась на западной стороне, она явно находилась в ведении правительства Никуэсы, и поэтому Энсисо, лейтенант Охеды, не обладал там юрисдикцией. Таким образом, несчастный Холостяк оказался низведенным до звания.

Общеизвестно, что свергнуть правительство легче, чем создать его, и в данном случае так оно и было. Васко Нуньес и некто Самудио были назначены *алькальдами* путем всенародных выборов; но было сочтено, что лучше назначить губернатора, если они смогут договориться только об одном. Пока этот вопрос обсуждался, колония была удивлена прибытием судна под командованием Родриго де Кольменареса, доставившего припасы для Никуэсы. Этот инцидент определил выбор колонистов в пользу последнего кавалера, если только его удастся найти. Соответственно, Кольменарес отправился вдоль побережья на его поиски. Заглядывая в каждую бухту, он, наконец, обнаружил бригантину, посланную Никуэзой за провизией. На этом судне его доставили в *Номбре-де-Диос*, где был обнаружен Никуэса, который уже не был блестящим кавалером, а превратился в убогого и заброшенного негодяя. От его некогда многочисленной группы последователей осталось всего шестьдесят немощных, изможденных людей.

Прибытие Кольменареса с запасом еды оказало немедленное оживляющее действие; и, в частности, Никуэса, услышав, что его просят приехать и править поселением *Дариен*, изменился, словно по мановению волшебной палочки. Но Никуэса, чьи несчастья не научили его благоразумию, теперь раскололся о скалу, о которую разбилось счастье Энсисо. Когда он услышал, что большое количество золота было сохранено частными лицами, он опрометчиво

заявил, что заставит их вернуть его. Этому слова было достаточно для послов, посланных колонистами, чтобы попросить его приехать и править ими. В результате, когда Никуэса прибыл в *Дариен* — он задержался по пути в экспедиции по захвату рабов, - вместо радушного приема, которого он имел все основания ожидать, его приняли с просьбой не терять времени и вернуться обратно в *Номбре—де-Диос*.

Никуэсе пришлось провести ночь на своем судне, и когда на следующий день ему разрешили сойти на берег, единственным другом, которого он нашел на своей стороне, был Васко Нуньес, который, будучи сам благородным кавалером, был тронут несчастьями другого. Однако единственными условиями, которых смог добиться Никуэса, было разрешение отплыть на старой бригантине, самой плохой в гавани. Семнадцать человек последовали за несчастным джентльменом на борт. Их судно отправилось в плавание 1 марта 1511 года и направлялось на *Эспаньолу*. Больше ничего не было слышно о Никуэсе и его спутниках, чья судьба добавила еще одну к бесчисленным тайнам глубин.

Теперь нам предстоит проследить за отважными приключениями одного из двух людей, снискавших бессмертную славу на развалинах катастрофических экспедиций, общая судьба которых была недавно описана. С тех пор как два губернатора-соперника, Охеда и Никуэса, отправились из *Сан-Доминго* в 1509 году, полные надежд и ликующие от власти, почти все их доблестные последователи погибли от отравленных стрел индейцев, в результате кораблекрушения или более медленного течения болезней или голода. Два лидера, претерпев длительные испытания и всевозможные страдания, сошли в могилу, по суше или по воде, в нищете; но двое смиренных последователей выжили, каждому из которых было суждено подняться на высшую ступень лестницы славы. Это были Васко Нуньес де Бальбоа и Франсиско Писарро. В первую очередь нас интересуют деяния первого.

Не успел Никуэса навсегда покинуть побережье *Дариена*, как община вернулась в свое прежнее состояние, когда ей не хватало правителя. Холостяк Энсисо снова выдвинул свои претензии, но он нашел в Васко Нуньесе могущественного и популярного соперника, обладавшего всеми качествами, которые могли дать ему влияние на непостоянное население. Нуньес также пользовался преимуществом своего положения *алькальда*. Действуя в соответствии с законом, он вызвал Бакалавра для предания суду по обвинению в узурпации полномочий *алькальда-мэра* за пределами территорий, находящихся под юрисдикцией Охеды. Поскольку обвинение было, по сути, справедливым, хотя и без какого-либо прямого злого умысла со стороны Энсисо, этот адвокат был признан виновным и брошен в тюрьму. Однако через некоторое время его освободили, и он получил разрешение вернуться в Испанию. Предвидя, что он не будет молчать о том, как с ним обошлись, Васко Нуньес убедил другого *алькальда* Самудио отправиться в Испанию на том же судне, чтобы он мог быть под рукой и ответить на любое обвинение, которое может выдвинуть Энсисо. Он также должен был рассказать об услугах, оказанных колонии Васко Нуньесом. На том же судне плыл его друг, *Регидор* Вальдивия, который должен был высадиться на *Эспаньоле*, и которому было поручено преподнести королевскому казначею Пасамонте прекрасный подарок, после доставки которого он должен был вернуться с провизией и рекрутами.

Теперь Васко Нуньес остался единолично управлять *Дарьеном*, и он немедленно приступил к выполнению обязанностей своего правительства с поразительной энергией, свойственной его характеру. Он послал две бригантины забрать сторонников Никуэсы, которые оставались в

Номбре-де-Диоси которые теперь были вне себя от радости, что их вызволили из их жалкого положения. Возвращаясь на перешеек, бригантины встретились с двумя испанцами, которые некоторое время назад сбежали с корабля Никуэсы и нашли убежище *укасики* по имени Карета, который отнесся к ним с поразительной добротой. Будучи испанскими авантюристами, они первым делом присоединились к своим соотечественникам, чтобы, как само собой разумеющееся, предать его. Васко Нуньес, взяв с собой сто тридцать человек, отправился в резиденцию *касики*, и был принят с обычным индейским гостеприимством. Однако, потребовав поставки провизии для колонии, *касик*, который, естественно, не чувствовал себя обязанным обеспечивать *бесплатно* целую банду голодных захватчиков, извинился по какой-то причине, которая, возможно, не была в точности правдивой. Испанец, казалось, согласился и удалился со всеми своими людьми, как будто направляясь к своему поселению. Вернувшись, однако, глубокой ночью, он окружил жилище Кареты и взял в плен *касику*, его жен и детей. Пополнив свой запас провизии, он затем вернулся на своих бригантинах в *Дариен*.

Вышеупомянутое печально известное судебное разбирательство закончилось лучше, чем можно было ожидать. Убитый горем Карета, оплакивая Нуньесу свою тяжелую судьбу, на самом деле до такой степени преуспел в том, чтобы убедить его в невежливости, если не в подлости его поведения, что согласился освободить его, при этом последний обязался быть его союзником и оставил свою дочь в жены Нуньесу. Затем испанский вождь отправился в *Койбу*, чтобы помочь Карете в борьбе с соседним вождем по имени Понка, которого он вынудил укрыться в горах. Находясь с дружеским визитом *укасики* из *Комагре*, Нуньес услышал от сына этого вождя о регионе за горами, на берегах могучего моря, которое можно было разглядеть с их вершин, где золота было так же много, как железа у испанцев. В ответ на его тревожные расспросы Васко Нуньес узнал, что задача проникнуть в это море и в золотой регион на его берегах была трудной и опасной. По словам сына *Комагре*, для этого потребуется по меньшей мере тысяча вооруженных людей. На пути стоял великий *касик* по имени Тубанама, чьи территории изобиловали золотом, но который могучими силами воспротивился их переходу. Таково было первое сообщение, полученное Васко Нуньесом о существовании Тихого океана.

По возвращении в *Дариен* вся душа испанца была поглощена идеей продолжить открытие моря за горами. Бригантина, вернувшаяся с Вальдивией с *Эспаньолы*, была снова отправлена в эту колонию с письмом к *дону* Диего Колумбу, в котором Васко Нуньес информировал его о полученных им сведениях и умолял его использовать свое влияние на короля, чтобы получить необходимую тысячу человек. В то же время Нуньес передал пятнадцать тысяч крон золотом, которые должны были быть переведены в качестве королевской пятой части того, что он собрал.

Примерно в это же время поселению *Дариен* угрожало разрушение в результате заговора со стороны некоторых индейских *касики*, который был сорван только из-за преданности Васко Нуньесу индейской девушки, которую он захватил в плен и которой ее брат раскрыл заговор. Будучи предупрежден о враждебных намерениях заговорщиков, Нуньес немедленно предпринял шаги, чтобы разгромить их, завладев личностями индийского генерала и нескольких его сообщников. Генерал был застрелен, а остальные лидеры повешены; в то время как в качестве дополнительной меры предосторожности в поселении был возведен деревянный форт.

Нуньесу приходилось бороться не только с туземцами; поскольку колония *Дариен*, еще не находившаяся под какой-либо властью, должным образом учрежденной короной, по-

видимому, была более чем обычно капризной. Дурные вести тоже дошли до Нуньеса из Испании. Его покойный коллега, *алькальд* Самудио, написал, что холостяк Энсисо подал свои жалобы на трон и добился вынесения приговора, по которому Васко Нуньес был признан виновным в судебных издержках и возмещении ущерба. Нуньес также должен был быть вызван в Испанию для ответа на выдвинутые против него обвинения в связи с его обращением с Никуэсой.

Капитан-генерал *Дарьена* — ибо до такого звания Нуньес был повышен по поручению королевского казначея *Эспаньолы* — сначала был ошеломлен этим сообщением; но, будучи храбрым человеком, он недолго оставался подавленным. В его умном и энергичном уме быстро возникла идея предвосхитить свое призвание в Испанию какой-нибудь доблестной службой, которая превратила бы его позор в триумф; и какая служба могла быть столь эффективной, имея в виду такую цель, как открытие Южного моря и богатых золотом владений у его берегов! Правда, у него не было тысячи солдат, о которых говорил юный *касик*, но, поскольку время поджимало, а на карту были поставлены слава и богатство, он должен был наилучшим образом использовать тех, кто у него был.

1513

Осмотрев группу авантюристов, которыми он был окружен, Нуньес отобрал сто девяносто человек из числа самых решительных. В дополнение к этим хорошо вооруженным людям, в его предприятии ему помогал отряд союзников-индейцев, а также несколько ищеек. С этим странным отрядом Васко Нуньес отправился из *Дариена* 1 сентября 1513 года на бригантине и девяти каноэ. Приземлившись в *Койбе*, он был встречен Каретой и снабжен проводниками. Оставив почти половину своих людей в *Койбе* для охраны бригантины и каноэ, он отправился в поход, предварительно отслужив мессу за успех своей экспедиции. Его поход, как и следовало ожидать, был трудным, так как испанцы были изнурены тяжестью своих доспехов, а также тропическим солнцем. Однако при восхождении на скалистые горы и пробирании через леса индейцы освобождали их от груза провизии и направляли в поисках тропинок. Время от времени им приходилось менять своих проводников, отправляя обратно тех, кто ранее сопровождал их. Им также приходилось делать частые привалы, чтобы восстановить здоровье некоторых из них после утомления.

Васко Нуньес обладал обаятельными манерами, которые завоевывали доверие каждого, с кем он соприкасался, и которые вызывали особое восхищение у индейцев. Когда Понка, враг Кареты (которого последний загнал в горы), был вынужден предстать перед ним, он не только не выказал к нему никакого недоброжелательства, но и свободно поделился с ним всей имеющейся у него информацией о странах, в которые направлялся Нуньес. Указав на высокую гору вдалеке, он сообщил ему, что, когда он взберется на ее вершину, то увидит раскинувшееся под ним море. Воодушевленный этим ободряющим известием и снабженный свежими проводниками, Нуньес возобновил свой поход, предварительно отправив обратно в *Койбутех* из своих людей, которых он счел слишком слабыми для этого предприятия.

Теперь путешествие стало настолько утомительным, что Нуньесу и его отряду потребовалось четыре дня, чтобы преодолеть десять лиг — тем временем они сильно страдали от голода. Теперь они прибыли на территорию *касика*, воевавшего с Понкой, который напал на испанцев с многочисленным отрядом воинов, думая, что из-за их малочисленности победа ему обеспечена. Однако при первом же выстреле из их огнестрельного оружия у него были причины

изменить свое мнение, и его люди были вынуждены поспешно бежать, оставив *касика* и шестьсот человек мертвыми на поле боя. *Брат касиков* и другие вожди, попавшие в плен, были одеты в белые одежды из хлопка; это обстоятельство привело к тому, что их обвинили в преступлениях, столь отвратительных для испанцев, что они отдали их на растерзание ищейкам. Утверждается, что среди заключенных, взятых по этому случаю, было несколько негритянских рабов. Если бы это было так, то их появление в Южной Америке в это время так и не было объяснено.

Васко Нуньес, распределив добычу, захваченную в деревне покойного *касика*, отобрал новых проводников из числа своих пленников. Его боеспособные испанцы теперь насчитывали всего шестьдесят семь человек, и с ними он отправился в путь на рассвете 26 сентября, чтобы подняться на последнюю высоту, которая лежала между ним и видением, к которому он стремился. Около десяти часов группа вышла из леса и остановилась на открытой вершине, на которую оставалось взобраться. Васко Нуньес, приказав своим последователям остановиться, отправился на вершину горы, чтобы стать первым европейцем, взглянувшим на вожденное море. При виде великолепной перспективы его первым побуждением было упасть на колени и излить свое сердце Небесам. Затем Он повелел своему народу вознестись, чтобы их глаза тоже могли возрадоваться и чтобы их сердца возрадовались. Это был торжественный момент в жизни каждого; и с глубоким религиозным чувством, которым были одушевлены эти первопроходцы открытий, они объединились в одной общей молитве к Богу, чтобы Он направил и помог им завоевать для своего короля море и земли перед ними, которых до сих пор их Святая Вера никогда не достигала. Его люди, со своей стороны, обняв Васко Нуньеса, пообещали следовать за ним до самой смерти. Среди них случайно оказался священник, который теперь возглавлял молитву "*Те, кто хвалит бога!*" Их последним действием перед тем, как покинуть это место, было засвидетельствование того, что Нуньес вступил во владение морем, его островами и прилегающими землями от имени монархов Кастилии, в знак чего был воздвигнут крест и груда камней, а имена кастильских монархов были вырезаны на деревьях.

Выполнив этот важный долг, Васко Нуньес теперь спустился в регионы, лежащие между горами и Тихим океаном. Он снова столкнулся с воинственным *каси́ком*, который запретил ему ступить на свою территорию. Результат, однако, первого натиска испанцев был таким же, как и в случае с их последним врагом. Когда индейцы обратились в бегство, Нуньес приказал своим людям воздержаться от бесполезной резни. *Касик*, которого привели к нему, преподнес золото весом в пятьсот фунтов в качестве мирного подношения. Разведывательный отряд обнаружил море на расстоянии двух дней пути, и к Нуньесу присоединились его люди, которых он оставил позади себя, теперь он разместил штаб в деревне этого *касика*, в то время как сам с небольшим отрядом отправился исследовать побережье. Проехав местность, покрытую густыми лесами до самой кромки воды, Нуньес прибыл в бухту, которой из-за даты он дал название *Святого Михаила*. Когда начался отлив, он вошел в воду и, размахивая своим знаменем, официально вступил во владение этими морями и побережьями, а также всем, что к ним прилежащим, от имени кастильских монархов. Он также вырезал кресты на трех деревьях в честь Трех Лиц Троицы.

Теперь испанцам предстояло столкнуться с новой опасностью, о природе которой они, несмотря на весь свой предыдущий опыт, и не подозревали. Добившись успеха в получении значительного количества золота, находясь в своей штаб-квартире в *Чьяпесе*, Нуньес решил исследовать границы соседнего залива; его не остановили и предупреждения хозяина об опасности выхода в море в начинавшийся тогда сезон штормов. Васко Нуньес, считавший себя

апостолом веры, твердо верил в особую защиту Бога и поэтому пренебрег данным предостережением. Хозяин-индеец, чей опыт плавания в штормовом заливе отнюдь не внушал ему подобной уверенности, был, тем не менее, слишком вежлив, чтобы не сопровождать отважного незнакомца, чей отряд из шестидесяти человек 17 октября погрузился на девять каноэ.

Когда испанцы были изрядно потрепаны и отступление казалось малодушным, мудрость *советасика* начала осознаваться. Ветер поднял волнение, которое разбивалось о скалы и рифы, которыми изобилывал залив. Даже индейцы, привыкшие к этим морям, проявляли признаки тревоги. Однако им удалось связать каноэ вместе, по двое, и таким образом уберечь их от опрокидывания, пока ближе к вечеру они не достигли небольшого острова. Высадившись здесь, они привязали каноэ к берегу и стали искать сухое место, где отряд мог бы отдохнуть. Но вскоре они были разбужены быстрым подъемом воды, на который они не рассчитывали; и наконец они оказались почти по пояс в воде. Ветер, однако, утих, море успокоилось, и через некоторое время оно начало стихать. Они обнаружили, что их каноэ серьезно повреждены, а одежду и еду унесло течением. Им ничего не оставалось, как починить каноэ, насколько это было в их силах, после чего они отправились обратно на берег. Им пришлось трудиться весь день напролет, терпя жестокий голод и жажду; но ночью они получили удовлетворение, добравшись до земли.

Оставив часть своих людей с каноэ, Нуньес отправился в соседнюю индейскую деревню, жители которой были изгнаны захватчиками из огнестрельного оружия и собак. Разбойники были вознаграждены большим количеством провизии, помимо жемчуга и золота; и на следующий день *касик*, которого так жестоко загнали в лес, был вынужден вернуться домой, поскольку грабитель пригласил его, желая выяснить, откуда он добыл свой жемчуг. Страх открыл сердце бедного индейца, который в своем благоговении перед чужеземцами-сверхлюдьми, какими он их считал, подарил Васко Нуньесу золотые украшения весом в шестьсот четырнадцать крон и двести жемчужин необычайной красоты; кроме того, он послал несколько своих людей ловить жемчуг для испанцев.

The *Касик* сообщил Нуньесу, что побережье, которое он видел перед собой, простиралось бесконечно, и что далеко на юге есть страна, изобилующая золотом; ее жители, по его словам (имея в виду *ламу*), использовали четвероногих для переноски тяжестей. Вдохновленный этими сведениями, Нуньес решил выйти из персидского залива и завладеть материком за его пределами. *Касик* снабдил его государственным каноэ, на котором он отплыл 29 октября, и индейцы довели его до выхода в залив, где он снова вышел в море и завладел им. Он увидел перед собой поднимающуюся над горизонтом береговую линию, которая, по словам индейцев, изобилвала жемчугом. Этому острову и окружающей его группе он дал название Жемчужных островов. 3 ноября он отправился посетить другие части побережья. Войдя в большую реку, по которой отряд с трудом поднимался, Нуньес на следующее утро напал врасплох на деревню на ее берегу и получил от *касика* в качестве платы за свою свободу еще золота и жемчуга, а также запас провизии.

С этого момента Васко Нуньес решил вернуться в *Дариен*. После трехдневного угощения у *касика*, которого он ограбил, он отправился в путь, хорошо снабженный провизией, которую несли подданные индейского вождя. Теперь его путь лежал через бесплодные горы, и он и его люди сильно страдали от отсутствия воды, потому что из-за палящей жары высохли все горные

ручьи. Однако индейцы мягко уговаривали разгоряченных испанцев продолжать путь, и в конце концов они были вознаграждены, прибыв в глубокую долину, в которой бил прохладный фонтан. Теперь они находились на территории вождя по имени Понкра, который слыл обладателем огромных богатств. При приближении испанских бандитов Понкра и его люди бежали из своей деревни, в которой Нуньес и его люди присвоили себе имущество стоимостью в три тысячи золотых крон. Понкра был схвачен и предстал перед Нуньесом вместе с тремя его подданными; но ни угрозы, ни пытки не смогли заставить его выдать местонахождение своих сокровищ. При таких обстоятельствах несчастный был обвинен своими врагами в определенных действиях, в которых он мог быть виновен, а мог и не быть. В любом случае Нуньес не имел никаких полномочий быть его судьей. Однако он был взбешен его упрямством, отказывавшимся раскрыть свои сокровища, и Понкра и трое его товарищей были отданы на растерзание ищейкам. Вскоре нам придется попросить читателя посочувствовать судьбе самого Васко Нуньеса; пока же, возможно, не мешало бы помнить о том, в каком зверском поведении он иногда мог быть виновен по отношению к другим.

Испанцы остановились на тридцать дней в деревне злополучная Понкра, и за это время к ним присоединились их товарищи, которые остались позади. И здесь можно заметить, что кажется несколько странным, что энергичный Васко Нуньес, над головой которого в то время висело серьезное обвинение, и который предпринял свою экспедицию в Тихий океан, чтобы предвидеть ее пагубные результаты, очевидно, потратил столько времени в этом месте, поскольку для него было важно, чтобы ни один час не был потерян для того, чтобы о его великольном открытии стало известно в Испании.

При отъезде из деревни Понкра испанцев сопровождал один из горных *касиков*, который не только поселил их и накормил, но и подарил им подарок стоимостью в две тысячи крон. Испанцы, покинув этот район, некоторое время держали курс вдоль реки *Комагре*. Когда они покинули его, из-за обрывистого характера берегов им пришлось полностью довериться своим индейским проводникам. Если бы они бросили их, они заблудились бы в густых лесах и невидимых болотах. В своем путешествии они стали жертвами собственной скупости, ибо нагроулили большую часть индейцев одним золотом, а теперь оказались без провизии. Многие из их индийских носильщиков, подавленные своей ношей, опустили на землю и погибли по дороге.

Испанцам предстояло еще пройти по территориям самого воинственного *касика* гор. Его репутация была настолько велика, что Нуньес боялся нападать на него со своими измотанными последователями; поэтому он прибегнул к хитрости. Взяв с собой семьдесят самых сильных членов своего отряда, он совершил форсированный марш в район резиденции *касика*, на которую в полночь он внезапно напал, захватив Тубанаму и всю его семью. *Касик*, которому угрожали смертью, согласился выкупить свою жизнь за золотые украшения стоимостью в три тысячи крон и дополнительно взимать со своих подданных вдвое большую сумму; после этого он был отпущен на свободу.

1514.

Нуньес, вернувшись в деревню, где он оставил своих людей, теперь возобновил свой поход на *Дариен*. Он и его спутники, сильно пострадавшие от климата, могли продвигаться вперед очень

медленно; но в конце концов они прибыли на морское побережье на территории своего союзника Комагре. Этот *касик* был теперь мертв, и ему наследовал его сын, юноша, который первым сообщил Нуньесу о существовании Южного моря. Затем Нуньес отправился в *Понку*, где услышал о прибытии корабля и *каравеллы* с *Эспаньолы*. Пospешив в *Койбу*, резиденцию своего союзника Кареты, он сел на бригантину 28 января 1514 года и прибыл в *Дариен* на следующий день. Он отсутствовал пять месяцев и был встречен самым радостным приемом со стороны всей колонии.

ГЛАВА III.

КОЛОНИЯ ДАРИЕН; СУДЬБА ВАСКО НУНЬЕСА.

1514-1517.

Снова оказавшись в *Дариене*, Васко Нуньес, не теряя времени, составил для короля отчет о своей экспедиции через горы к Южному морю, в котором он утверждает, что во время экспедиции он не потерял в бою ни одного человека. Но по странному стечению обстоятельств судно, на борту которого находился его друг и посланник Арболанш, который сам принимал участие в трудах и опасностях, о которых ему предстояло рассказать, отплыло из *Дариена* только в начале марта. Эта задержка разрушила растущее состояние Васко Нуньеса.

Холостяк Энсисо, как уже было сказано, донес свои жалобы на Нуньеса до подножия трона; и когда в мае 1513 года за ним последовали Каизедо и Кольменарес с их блестящим отчетом о провинции *Зенус* ее горными реками, протекающими по золотым пескам, их новости лишь ускорили назначение губернатора этого любимого региона. Королевский выбор пал, по рекомендации Фонсеки, епископа Бургоса, надона Педро Ариаса Давилу, обычно называемого Педрариасом, который 27 июля того же года был назначен правителем *Дариена*. Новым губернатором был пожилой дворянин высокого ранга, воспитанный в королевском доме и впоследствии отличившийся как солдат; но его хорошо прозвали, поскольку его последующие действия доказали, что он был “подозрительным, вспыльчивым, деспотичным стариком”. [F]

Послы Нуньеса попросили у короля Фердинанда тысячу человек, с которыми их повелитель мог бы совершить открытие Южного моря. Фердинанд полностью оценил важность этого предприятия, и, хотя он не предназначал его для Нуньеса, он выделил Педрариасу для его выполнения тысячу двести человек. Случилось так, что в это время Великий Полководец, знаменитый Гонсалво де Кордова, готовился вернуться в Неаполь, и рыцари Испании толпами стекались записываться под его знамена. Однако его вооружение было отменено, когда он собирался отплыть; и таким образом, большое количество молодых дворян и кавалеров, которые всем сердцем стремились завоевать свои шпоры, внезапно сорвали свои планы. У Педрариаса было множество добровольцев, стремившихся присоединиться к его экспедиции в страну, которая уже получила название *Кастилия-дель-Оро*, или Золотая Кастилия. Чтобы дать ему возможность удовлетворить пожелания этих просителей, ему было разрешено увеличить свои силы до полутора тысяч человек; но в конце концов около двух тысяч погрузились на борт. Педрариаса также сопровождали епископ и четыре главных офицера, одним из которых был бакалавр Энсисо, ныне назначенный *мэром альгуасиля*. Его также сопровождала его жена *Донья*

Изабелла де Бобадилья. Он получил инструкции не допускать в свою колонию никаких адвокатов — впоследствии эта инструкция неоднократно повторялась в отношении испано-американских колоний.

1514.

Едва его флот из пятнадцати судов отплыл из *Сан-Лукара* 12 апреля 1514 года, как прибыл Арболанш с известием о славных подвигах Нуньеса. Если бы он приехал всего несколькими днями раньше, насколько по-другому сложилось бы будущее этого кавалера! Король Фердинанд с восторгом взирал на жемчуга и золото, которые положил перед ним посланец Нуньеса, и его воображение было увлечено рассказом о неведомых морях и чудесных королевствах, которые вот-вот окажутся под его властью. Популярность Нуньеса внезапно стала безграничной, и слава о его подвигах разнеслась по всей Испании. Дурное впечатление, которое произвели на короля донесения Энсисо, было немедленно развеяно, и епископу Бургоса было поручено придумать какой-нибудь способ вознаградить его за выдающиеся заслуги. Но тем временем сам кавалер был далеко, и волны Атлантики быстро несли к *Дариену* ревнивого старика, который должен был видеть в Нуньесе только того, кто лишил его славы, которую он сам себе предложил, став первым первооткрывателем Южного моря и покорителем областей золота и жемчуга на его берегах.

Тем временем Васко Нуньес управлял подвластным ему регионом таким образом, чтобы доказать, что народный выбор, который возвел его на должность вождя, был оправдан его качествами мирного правителя не меньше, чем его подвигами воинственного авантюриста. В поселении насчитывалось более двухсот домов или хижин, и постоянные усилия капитан-генерала были направлены на то, чтобы привести окрестности в такое состояние культуры, чтобы сделать *Дариен* независимым от Европы в плане поставок продовольствия. Сейчас его население составляло около пятисот европейцев и полутора тысяч индейцев. Климат был удручающим, и Нуньес, который был прирожденным губернатором, использовал все средства, чтобы поддерживать у своих людей хорошее настроение, посвящая праздники национальным видам спорта и играм, в том числе состязаниям по тилтингу. Ему на редкость удалось заручиться дружбой и уважением туземцев, так что испанцы могли путешествовать, даже поодиночке, по всей округе в полной безопасности. Несомненно, это было несчастливое обстоятельство как для Испании, так и для жителей Перешейка, что, когда после стольких неудачных колонизационных экспедиций и стольких неспособных лидеров, наконец, было обнаружено, что один из них превосходно подходит как для условий мира, так и для войны, ему пришлось так скоро уступить место человеку, чей возраст не позволял ему выполнять обязанности лидера и чей характер не позволял ему признавать заслуги тех, кто действовал под его началом.

1514.

В июне флот Педрариаса прибыл в залив *Ураба*. Новый губернатор, зная характер и известность Нуньеса, несколько опасался, как бы он не отказался передать мирное владение своему правительству, и поэтому счел благоразумным бросить якорь примерно в полутора лигах от берега и заранее послать гонца сообщить о своем прибытии. Однако ему не следовало испытывать никаких опасений, поскольку Нуньес немедленно отправил обратно своего посыльного с поздравлениями по поводу его благополучного прибытия и с выражением его собственной готовности и готовности всей колонии подчиняться его приказам. Это правда, что

некоторые пламенные приверженцы популярного лидера выразили желание дать отпор незваному гостю; но их вождь сразу же принял их во внимание. Новый губернатор, высадившийся на берег в последний день июня, въехал в *Дариен* во главе двух тысяч вооруженных людей, с одной стороны он вел свою жену, а с другой - епископа Кеведо; в то время как свита молодых кавалеристов составляла его личную охрану. Навстречу ему вышел безоружный Васко Нуньес в сопровождении отряда своих покрытых шрамами ветеранов. Он проводил своих гостей в свое скромное жилище с соломенной крышей, где накрыл перед ними такую трапезу, какую только мог позволить себе этот зародыш лесного города, единственным доступным напитком была вода. Мы вполне можем предположить, что придворные кавалеры, составлявшие свиту губернатора, были несколько озадачены простотой своего первого развлечения в Золотой Кастилии.

Педрариас в день своего прибытия вызвал к себе Васко Нуньеса и провел с ним длительную приватную беседу, в которой ему помогал историк Овьедо. В соответствии с просьбой губернатора, Васко Нуньес в течение двух дней представил письменный отчет о своей администрации за последние три года. Он также описал реки и горы, где он нашел золото, *касики*, которые были его союзниками, и свое путешествие к Южному морю и на остров Жемчуга. Получив таким образом необходимую ему информацию, которую мог предоставить только Нуньес, Педрариас затем отправился в *резиденцию* покойного генерал-капитана, то есть он возбудил расследование его прошлого поведения, в результате чего за телесные повреждения, причиненные Энсисо и другим, Нуньес был приговорен к выплате крупной суммы, хотя и был оправдан по предъявленным ему уголовным обвинениям. Губернатор теперь был его объявленным врагом и отправил бы его в цепях в Испанию, чтобы судить за смерть Никуэсы, если бы епископ Кеведо, который был другом Нуньеса, не предупредил его, что его прибытие в Испанию станет сигналом его триумфа, и что результатом, по всей вероятности, будет его возвращение в *Панаму* с возросшей властью и положением. Нуньес также нашел защитника в лице жены губернатора, которая не могла не восхищаться его характером и подвигами. При таких обстоятельствах было сочтено, что лучше задержать его в *Дариене* под покровом ночи. Его имущество, на которое был наложен арест, было, однако, возвращено ему.

Нуньес в своем письме королю советовал создать поселения на территориях Комагре, Понка и Покороса с целью установления линии постов через горы между *Дариеном* и Южным морем; и теперь было решено осуществить этот план. Пока велись приготовления с этой целью, испанцы, сопровождавшие Педрариаса, начали сильно страдать от воздействия климата, а также жестоко страдали от голода. Колония никоим образом не была готова к такому увеличению своей численности; по соседству не было и дружественных индейцев, к которым можно было бы обратиться за провизией. Люди, воспитанные в роскоши и одетые в изысканные одежды, были рады раздобыть травы и корни или на самом деле умирали от голода. Один из главных *идальго* упал замертво на улице, уморенный голодом. В течение месяца погибло семьсот человек, в то время как сам Педрариас серьезно заболел. Привезенная провизия теперь была исчерпана, и ужасы голода стояли перед лицом всей колонии. При таком мрачном положении дел Педрариас был рад дать разрешение кораблю, набитому изголодавшимися искателями приключений, отправиться на Кубу и в Испанию.

Когда губернатор оправился от своей болезни, он настоял на экспедициях, которые планировал; но он был осторожен, чтобы не позволить Васко Нуньесу приобрести дополнительную известность, принимая в них участие. Этому кавалеру все еще было позволено оставаться под

покровом нависшего над ним судебного расследования. Несмотря на положение, запрещавшее допуск адвокатов в колонию, профессия юриста в *Дариене* в то время была настолько процветающей, что, по оценкам, к каждому колонисту было подано около сорока судебных исков.

Васко Нуньес, угнетенный этим бездействием, решил осуществить свои планы самостоятельно, не обращаясь к губернатору; и он отправил некоего Гарабито на *Кубу*, чтобы набрать людей для экспедиции через горы и основать колонию на Южном море. Пока Гарабито отсутствовал, Нуньес был обречен наблюдать, как его планы рушатся, только из-за неспособности и жестокости тех, на кого Педрариас возложил миссию по их осуществлению. Среди руководителей, нанятых губернатором, был некто Хуан де Айора, которого послали с четырьмя сотнями человек строить форты в странах, которыми правили Комагре, Покороса и Тубанама соответственно. Этот офицер проявил себя исключительным негодяем даже среди испанских трансатлантических авантюристов того времени. По словам Овьедо, который в то время был нотариусом колонии, он не только требовал от вождей и их подданных санкционированных реквизиций, чтобы предотвратить войну, но и, нападая ночью на *касики* и знатных людей, подвергал их пыткам в поисках золота. Некоторых он затем предал смерти; других отдал на растерзание собакам; в то время как другие снова были прибережены для новых форм мучений. Их жены и дочери были отняты у них и превращены в рабынь и наложниц по благоволению этой Айоры.

Одной из первых жертв этой экспедиции был сам Комагре, тот самый молодой *карик*, который сообщил Васко Нуньесу самую раннюю информацию о существовании моря за горами и который сказал ему, что для его открытия потребуется тысяча человек. Вряд ли он представлял себе, что сам станет одной из жертв тысячи человек, которые теперь были привлечены по его совету! Вожди, с которыми Васко Нуньес подружился, по очереди вышли, чтобы положить свое золото перед Айорой. Доблестный Тубанама, будучи менее покорного склада ума, взялся за оружие, но безрезультатно. Другой *карик*, укрыв своих женщин и детей, устроил засаду и напал на испанцев, ранив самого Айору.

Действия Айоры по отношению к другому *касику* так описывает юрист, посланный кардиналом Хименесом с миссией расследования в Вест-Индию несколько лет спустя. При приближении испанцев упомянутый *карик*, полагая, что он собирается приветствовать своего старого друга Нуньеса, приготовил для него лучшее угощение, какое было в его силах, включая жаркое, дичь и вино. Когда он спросил о шефе, ему указали на Айору, но он ответил, что это не Нуньес. Однако ему удалось хорошо познакомиться со своим нынешним гостем во время их короткого общения. Воспользовавшись его гостеприимством, Айора послала за ним и потребовала золота. Поскольку этого не поступало в достаточном количестве, *карик* был связан, и он пожелал, чтобы его вассалы принесли все золото, которое у них было. Сумма, однако, не удовлетворила захватчика, который приказал сжечь заживо *карика*. [G]

Не беспокоясь о средствах, которые он использовал для его получения, было вполне естественно, что этот негодяй собрал значительное количество золота; некоторое удовлетворение для морального чувства приносит осознание того, что ни Айоре, ни кому-либо другому от этого не стало лучше. Мысль о том, чтобы отдать свои добытые нечестным путем сокровища, была отвратительна алчности этого грабителя, который тайно сбежал с ними в

море, и больше о нем никто никогда не слышал. Колонию, которую он основал в *Санта-Крус*, постигла не лучшая участь. Гарнизон, нанеший индейцам большое оскорбление, ночью был атакован Покоросой и его людьми; завязалась отчаянная борьба, но когда наступило утро, только пятеро испанцев остались в живых, чтобы донести эту новость до *Дариена*. Здесь можно упомянуть, что Уртадо, посланный Педрариасом выяснить причины задержки возвращения Айоры, привел с собой в *Дариен* сотню мирных индейцев, от которых он избавился как от рабов. Несколько из них были предоставлены ему в качестве носильщиков *касиком* Каретой, другом и союзником Нуньеса.

1515.

В письме, адресованном Васко Нуньесу, король Фердинанд выразил высокую оценку его заслуг и назначил его *Аделантадо* Южного моря и губернатором провинций *Панама* и *Койба*. Однако он должен был находиться в подчинении у Педрариаса. В то же время последнему было также написано письмо, информирующее его об этой договоренности и требующее от него консультироваться с Васко Нуньесом по всем важным вопросам. Это сообщение было серьезным ударом по тщеславию ревнивого старика, и, получив его, он созвал совет, чтобы обсудить, какие действия следует предпринять. В конце концов было решено, что вышеупомянутые титулы и достоинства будут номинально присвоены Нуньесу, но что пока он не должен вступать во владение закрепленными за ним территориями.

В этот критический момент случилось так, что Карабито, агент Нуньеса, возвращался с *Кубы* с судном, груженным оружием и боеприпасами, на борту которого находилось семьдесят человек. Он бросил якорь на некотором расстоянии от *Дариена*, но сообщил о своем прибытии Нуньесу, и все это быстро стало известно Педрариасу. Подозрительный ум последнего встревожил его, и он немедленно приказал схватить Нуньеса и заключить под стражу; но епископ убедил его спокойно разобраться в этом деле, в результате чего, поскольку против него не было доказано ничего предательского, Нуньес был отпущен на свободу.

Затем епископ попытался убедить Педрариаса нанять Васко Нуньеса в экспедицию, которую тот собирался отправить в Южное море, на остров Жемчуг. Поскольку, однако, на этом можно было заработать много денег, Педрариас предпочел передать командование своему родственнику Моралесу, с которым он связывал Франсиско Писарро, участвовавшего в экспедиции Нуньеса в тот же регион. Соответственно, Гаспар Моралес отправился в путь с шестьюдесятью людьми и пересек горы более коротким путем, чем тот, по которому они шли ранее. Он прибыл на территорию *касика* по имени Тутибра, где оставил половину своих людей под командованием Пеньялосы, а с остальными отправился на каноэ к Жемчужным островам. По прибытии на *Остров Рика*, названный так Нуньесом, они испытали теплый прием со стороны *касика*, который четыре раза выходил против них в атаку, но так же часто терпел поражение. Его воины были парализованы огнестрельным оружием и ищейками, и *касик* был, наконец, вынужден просить мира. В знак примирения он преподнес своим гостям корзину, наполненную жемчужинами, две из которых были замечательного размера и красоты. Взяв Моралеса и Писарро на вершину деревянной башни, он с гордостью указал на длинную череду островов, подвластных его власти, и пообещал своим новым друзьям столько жемчуга, сколько они пожелают, при условии, что они будут продолжать дарить ему свою дружбу.

Повернувшись к материку, который простирался гора за горой, насколько хватало глаз, общительный вождь рассказал своим гостям о стране неисчерпаемых богатств, лежащей в том

направлении. Его слова и предложения не остались незамеченными ни для одного из двух мужчин, которые его слушали. *Касик* также согласился стать вассалом короля Кастилии и выплачивать ему ежегодную дань в размере ста фунтов жемчуга весом. Затем группа вернулась на материк в другом месте, чем то, в котором они высадились, когда Моралес послал отряд из десяти человек проводить Пеньялосу и его спутников из деревни *Тутибра*.

Во время отсутствия испанских лидеров на островах большое количество *каси́ков* на побережье организовали заговор с целью истребления всей банды захватчиков. Эта мера, несомненно, была результатом вопиющего тиранического поведения со стороны испанцев. Некоторые авторы приписывают провокацию Пеньялосе; другие - самому Моралесу, который, как утверждается, однажды наткнулся на индейский город или деревню в разгар празднества, когда мужчины и женщины сидели отдельно друг от друга, и воспользовался случаем, чтобы захватить самок. Мы не сильно ошибемся, если возложим на Пеньялосу и Моралеса всю ответственность за чудовищные деяния, приведшие к заговору.

Отряд, посланный на поиски Пеньялосы, остановился на ночь в деревне одного из заговорщиков; но глубокой ночью дом был объят пламенем, и большинство незнакомцев погибло. В это время с испанцами под командованием Моралеса находился *каси́к* по имени Чирука, который, узнав о вышеупомянутой резне, немедленно бежал ночью. Его преследовали и схватили, и, подвергнутый пыткам, он признался во всем заговоре. Моралес и Писарро были потрясены неожиданной опасностью, которой они подверглись. Они, однако, вынудили Чируку отправить каждому из *каси́ков* сообщение с приглашением его на конференцию. *Касики* попали в ловушку, и восемнадцать из них были закованы в цепи. В то же время Пеньялоса со своими тридцатью людьми прибыл из *Тутибры*. Имея такую силу, испанцы, не теряя времени, атаковали ничего не подозревавших индейцев, из которых семьсот были убиты. Восемнадцать захваченных *каси́ков*, а также Чирука были переданы ищейкам.

После вышеупомянутого происшествия Моралес ночью напал на воинственного *каси́ка* по имени Биру и поджег его город. Вождь, который сначала бежал, вскоре повернулся к своим преследователям и сражался целый день, который закончился не в пользу испанцев. Во время своего отступления Моралес подвергся преследованиям со стороны людей из двадцати *каси́ков*, которых он приказал убить. Находясь в сильном напряжении, он прибегнул к уловке - время от времени на ходу наносит удары ножом своим пленным индейцам, надеясь таким образом занять и задержать своих преследователей. Таким образом, говорит Овьедо, погибло девяносто или сто человек. Васко Нуньеса нельзя было назвать чрезмерно щепетильным командиром; но хотя в трудных обстоятельствах ему приходилось, насколько это было возможно, обеспечивать безопасность и нужды своих людей, по натуре он не был ни жестоким, ни вероломным. Было бы возмутительно называть его имя вместе с такими людьми, как Айора и Моралес, о действиях последнего, о которых он только что упомянул, он пишет королю, что о более жестоком поступке никогда не слышали.

В течение девяти дней за испанцами охотились в лесах и горах, по истечении которых они оказались в том месте, откуда отправились в путь. Это было все, что могли сделать их командиры, чтобы не дать им поддаться отчаянию. Войдя в густой лес, они снова подверглись нападению индейцев, с которыми теперь они сражались как дикие звери. В конце концов, они были обязаны своей безопасностью тому факту, что застали врасплох несколько каноэ, на которых пересекли залив *Святого Михаила*, высадившись в менее враждебной местности,

откуда снова отправились пересекать горы. После невероятных страданий они вернулись в *Дариенс* удовлетворением оттого, что привезли с собой свои драгоценные жемчужины из *Исла-Рики*, одна из которых впоследствии была подарена императрице Карлу V.

Другая экспедиция, отправленная Педрариасом, была еще более неудачной, чем упомянутая выше. Ею командовал Бесерра, и она состояла из ста восьмидесяти человек. Из этого отряда единственным выжившим был индийский юноша, который вернулся в *Дариен* почти умирающим с голоду. По его словам, его предводитель неизвестными путями проник в провинцию *Чену*, где индейцы были полностью готовы принять его. Его люди были ранены отравленными стрелами; пути были завалены срубленным лесом; и, наконец, когда люди Бесерры под руководством индейцев переправлялись через большую реку, последним удалось уничтожить их всех.

Примерно в это же время историку Овьедо стало настолько противно невыносимое поведение его соотечественников на *Дариенском* перешейке, что он решил вернуться в Испанию с целью передать информацию королю и для того, чтобы он мог жить в стране, более безопасной для его совести и его жизни. Интересно отметить, что губернатор обвинил его в подаче жалоб королю на епископа, а епископ - на губернатора. Педрариас, похоже, тоже начал принимать такое положение вещей близко к сердцу. Он приказал закрыть плавилиню и вместе с епископом вознес публичные молитвы о том, чтобы Бог удалил свой гнев от колонии. Злодеяний, несомненно, было достаточно, чтобы вызвать гнев Всемогущего. В одной экспедиции, отправленной Педрариасом под командованием *малькальда мэра* Эспиносы, был францисканский монах по имени Сан Роман. В письме главе доминиканцев Сан Роман умоляет последнего, ради любви к Богу, поговорить с властями *Сан-Доминго* и призвать их обеспечить восстановление *Terra Firma*, которую разрушали эти тираны. Это письмо было передано Педро де Кордовой Лас Касасу. По возвращении в Испанию тот же францисканец, надо надеяться, с некоторым преувеличением, заявил в Севилье, что в этой экспедиции Эспиносы он видел, как было убито мечом или брошено собакам более сорока тысяч душ. Эспиноса вернулся с двумя тысячами пленников, все из которых, как говорят, погибли при *Дариене*.

До сих пор мы видели результаты политики Педрариаса и его помощников в отношении жителей Перешейка. Теперь мы должны обратиться к его обращению с самым способным и выдающимся испанцем в колонии, а именно с *Аделантадо* Васко Нуньесом де Бальбоа. Посреди всеобщего мрака, которым было окутано поселение *Дариен*, Педрариаса постоянно преследовал страх, что способный *Аделантадо* однажды сместит его с занимаемой должности. Если бы выбор лидера зависел от народа, он знал, что Нуньес был бы избран путем всеобщего одобрения; и он лишь недавно получил доказательства высокой оценки его заслуг королем. Кроме того, он был осведомлен о мрачных рассказах о плохом правлении и вытекающих из этого страданиях, которые постоянно отправлялись в Испанию со ссылкой на его собственное правительство. Пока Педрариас пребывал в таком настроении, епископ Кеведо, близкий друг Нуньеса, подал ему новую идею, предложив заключить супружеский союз между *Аделантадо* и дочерью губернатора. Предложение показалось удачным и было с готовностью принято обеими сторонами, был заключен обычный контракт, и за молодой леди послали из Испании.

1516.

Теперь Васко Нуньес был союзником губернатора, чья ревность была упущена из виду в его желании продвигать интересы будущего мужа своей дочери. Нуньесу было поручено построить

бригантины и провести необходимые приготовления к исследовательской экспедиции в Южные моря. Город под названием *Акла* был основан в точке к западу от *Дариена*, откуда, как предполагалось, проходил самый удобный маршрут через горы. Здесь Нуньес начал свои операции, имея под своим командованием двести человек и получив аванс из казначейства. Ему также помогал со средствами нотариус из *Дариена* по имени Эрнандо де Аргуэльо. Нуньес продолжал свое начинание со свойственной ему энергией и за короткое время изготовил материалы для четырех бригантин. Древесина была срублена в лесу *Акла*, а затем вместе с якорями и такелажом перевезена на противоположный берег перешейка. На этой службе были задействованы испанцы, негры и индейцы. Поскольку здесь не было других дорог, кроме индейских тропинок через первобытные леса или вверх по труднопроходимым ущельям, работа транспорта была аналогична той, с которой мы познакомились в наши дни из дневников мистера Стэнли в Африке. Многие индейцы погибли при выполнении этой задачи, но в конце концов тяжелые грузы были перенесены к реке, впадавшей в Тихий океан.

Даже тогда труды Нуньеса и его людей были далеки от завершения; ибо, несмотря на все свои старания, испанцы обнаружили, что древесина, которую они доставили с такой ценой труда и жизнью, была бесполезна, поскольку была изъедена червями из-за того, что ее рубили вблизи соленой воды. Поэтому им пришлось срубить деревья у реки и начать работу заново. Но настойчивость и умелое руководство Нуньеса в конце концов преодолели все трудности. Поскольку еды было мало, он разделил своих людей на три отряда, поручив одному добывать провизию, другому - рубить и распиливать лес, а третьему - доставлять такелаж и железные изделия из *Аклы*.

Терпение рабочей группы предстояло испытать еще больше, ибо, когда начался сезон дождей, уровень воды в реке поднялся так быстро, что рабочие едва успели спасти свои жизни, забравшись на ближайшие деревья. Дерево, на которое они потратили столько труда, было либо погребено с глаз долой, либо унесено потоком. Та же причина не позволила группе фуражиров вернуться с едой; и рабочие, таким образом, были вынуждены питаться кореньями. Оказавшись в этой крайней ситуации, испанцы были обязаны своим спасением изобретательности индейцев, которые ухитрились связать несколько бревен вместе, соорудив таким образом плавучий мост, по которому они смогли перебраться на противоположный берег, где раздобыли провизию.

Когда вода в реке спала, рабочие возобновили свою работу, и после невероятных трудов Васко Нуньес имел удовольствие увидеть две бригантины на плаву по реке *Бальзас*. Как только они были оборудованы и укомплектованы для выхода в море, он вместе со своими спутниками отправился в плавание по могучему океану, который он был первым европейцем, открывшим для себя. Его первый круиз был к Жемчужным островам, на одном из которых он высадил большую часть своих людей, отправив обратно свои суда за остальными. По прибытии, взяв с собой сотню человек, он отправился в разведывательный поход на восток, в направлении, которое туземцы указали как местность, изобилующую золотом. Нуньес и его спутники отплыли примерно на двадцать лиг за пределы залива *Сан-Мигель*, причем моряки были встревожены количеством китов, которых они встретили. По этой причине он бросил якорь на ночь, намереваясь продолжить плавание в том же направлении на следующий день. Но с наступлением дня ветер переменился, после чего он взял курс на сушу. Это было в том месте, где недавно был убит отряд испанцев под командованием Моралеса; и поскольку индейцы были

настроены сражаться, Нуньес отомстил им за убийство своих соотечественников, после чего снова сел на корабль и вернулся на *Исла-Рику*.

Нуньес решил построить оставшиеся у него бригадины на этом острове и соответственно отправил людей в *Аклу*, чтобы привезти необходимый такелаж. Именно в это время до него дошел слух о назначении нового губернатора вместо Педрариаса. Его отношения с последним были теперь настолько хорошими, что он был немало встревожен слухами, о которых шла речь, поскольку не исключалось, что новый губернатор может прекратить исследовательскую экспедицию, которую он планировал, или может доверить командование ею какому-нибудь другому лицу. В этих обстоятельствах он посоветовался с некоторыми из своих друзей о том, что лучше сделать, и тот факт, что часть этого разговора была подслушана часовым, укrywшимся от дождя на веранде дома Нуньеса, оказал важное влияние на судьбу этого кавалера. Было решено, что в *Асла* следует направить надежного человека, по-видимому, по делу. Если он обнаружит, что слухи о приходе нового губернатора беспочвенны, он должен был объяснить Педрариасу ход их операций и попросить дальнейшей помощи. В противном случае он должен был немедленно вернуться на *Исла-Рику*, поскольку в этом случае было решено, что Нуньес и его группа должны немедленно отправиться в море в свою исследовательскую экспедицию.

Посланником, выбранным для отправки в *Асла*, был Гарабито, тот самый, которого Нуньес отправил на *Кубу* за новобранцами. Утверждается, что этим человеком владела тайная неприязнь к Нуньесу из-за того, что последний был обнаружен и упрекнул его за внимание к дочери *касика* Кареты, которая все это время жила с Нуньесом и к которой он, как говорят, был очень привязан. Говорят даже, что Гарабито в своей ревности зашел так далеко, что отправил анонимное письмо Педрариасу, в котором заявил, что Нуньес не собирался жениться на его дочери и что он просто разыгрывал роль, чтобы выиграть время. Несомненно, что Гарабито по прибытии в *Асла* подло предал своего доверчивого друга.

Из Испании действительно был прислан новый губернатор, чтобы заменить Педрариаса; но он умер в гавани *Дариена*. От Гарабито Педрариасу не составило труда вытянуть всю информацию, которой он располагал, и, более того, все, что он предполагал относительно планов Нуньеса. На самом деле подозрения ревнивого старого губернатора вновь возродились. Последний допустил прискорбную ошибку, допустив столь длительный перерыв, не отправив своему начальнику отчета о ходе своей экспедиции, и в *Дариене* не было недостатка в ревнивых и интригующих людях, которые еще больше настроили бы губернатора против него.

Когда Гарабито был арестован и у него изъяли документы, в *Дариене* поднялся большой переполох, и друзья Нуньеса стремились насторожить его. Главным среди них был Аргуэльо, вложивший большую часть своего состояния в это предприятие, и который теперь написал ему письмо, призывающее его без промедления выйти в море, и заявляющее, что он будет защищен отцами-герономитами из *Сан-Доминго*, которые были посланы кардиналом Хименесом со всеми полномочиями и которые с большим одобрением относились к исследованию Южных морей. К величайшему несчастью Нуньеса, это письмо попало в руки Педрариаса и что последний таким образом убедился в существовании заговора против его власти. Аргуэльо был теперь арестован; но губернатор, будучи полностью убежден в изменнических намерениях Нуньеса, счел необходимым прибегнуть к хитрости, чтобы заполучить последнего в свою власть. Если бы он открыто вызвал его к *Дариену*, он не сомневался, что тот, не теряя времени, выйдет за пределы его юрисдикции.

Разум Педрариаса, таким образом, был охвачен страхом и подозрительностью, и он написал дружелюбное письмо своему *Аделантадо*, прося его отправиться в *Аклу*, чтобы проконсультироваться с ним относительно экспедиции; в то же время он приказал Писарро собрать все войска, какие только сможет собрать, и арестовать Васко Нуньеса. Приказ явиться в *Acla* был немедленно выполнен; и, оставшись без какой-либо вооруженной силы, Нуньес, не подозревая о совершении какого-либо преступления, отправился навстречу своей гибели. По дороге через перешеек его откровенные и добродушные манеры так понравились посланцам Педрариаса, что последний в конце концов счел своим долгом предупредить его об опасности. Они не могли видеть, как этот доблестный кавалер попадет в расставленную для него ловушку, не сказав ни слова предупреждения, которым он мог бы воспользоваться для осуществления своего побега. Но Нуньес был настолько неосознан недобрых мыслей по отношению к Педрариасу, что отказался воспользоваться предоставленной ему возможностью. Вскоре после этого Писарро встретил его и арестовал.

Оказавшись у власти, злобный губернатор Нуньес, не теряя времени, призвал *алькальда-мэра* Эспиносу *возбудить против* Аделантадо, в отношении которого были применены самые строгие меры по закону. Обвинение против Нуньеса состояло в участии в изменническом заговоре, направленном на свержение королевской власти и установление независимого влияния на границах Тихого океана. Свидетелями против него были Гарабито и часовой, которые подслушали и неверно истолковали часть разговора, состоявшегося между Нуньесом и его офицерами в *Исла-Рике* дождливой ночью, когда было решено отправить Гарабито в *Acla*. По обвинению в государственной измене против короны Нуньес был совершенно невиновен. Все, что можно было сказать против него, это то, что на случай, если они узнают, что Педрариаса заменили, он договорился со своими офицерами, что они должны отправиться в экспедицию, которую санкционировал Педрариас, не дожидаясь новых приказов от нового губернатора.

1517.

Но напрасно Нуньес доказывал свою невинность; напрасно он с негодованием отверг выдвинутое против него обвинение, указав, что если бы он хоть на мгновение придерживался приписываемых ему взглядов, он никогда бы не позволил заманить себя в ловушку своего нынешнего положения. Ум Педрариаса был безнадежно предубежден против него, и мстительный старик изо дня в день давил на неохотного судью, выдвигая обвинение за обвинением, пока, наконец, обвиняемому не был вынесен смертный приговор. Судья рекомендовал помиловать его за оказанные услуги или умолял, чтобы, по крайней мере, ему разрешили подать апелляцию. Но Педрариас не обратил внимания на эти рекомендации, и Нуньес был приговорен к смерти. В тот же приговор были включены несколько его офицеров, а также Аргуэльо, который написал письмо, чтобы насторожить его. Информатор Гарабито был помилован. На общественной площади *Аклы*, от рук простого палача, первооткрыватель Южного моря в возрасте сорока двух лет искупил преступление, вызвав ревность узколобого официального начальника. Удар, который тогда обрушился, затронул не одного Нуньеса, но всю перуанскую нацию; ибо, если бы ему разрешили осуществить задуманную экспедицию, он, несомненно, предвосхитил бы открытия Писарро, и, принимая во внимание характеры этих двух людей, кто может сомневаться, что завоевание Перу имело бы совершенно иной результат?

ГЛАВА IV.

ЛАС КАСАС; ЕГО КОЛОНИЯ На ЖЕМЧУЖНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ.

1515-1521гг.

История северного побережья Южной Америки, от *Парийского* до *Дарьенского* перешейка, тесно связана с историей рабства в течение столетия, последовавшего за датой открытия Нового Света. Современное рабство в Европе (не включая османские владения), по-видимому, восходит к войне между испанцами и маврами, когда те из последних, кто попал в плен, при Фердинанде, как само собой разумеющееся, были проданы в рабство. Это был период, когда Церковь была всем во всем в отношении европейского государственного устройства. Все, что глава Церкви хотел сказать, было правильным и, следовательно, становилось правильным в глазах сынов Церкви. Воля Суверенного понтифика стала законом, и к ней обращались в качестве высшей инстанции во всем христианском мире.

Состояние общественной морали, существовавшее тогда среди христианских народов в отношении людей и рас, не входящих в черту христианства, было более или менее таким, каким оно было во времена крестовых походов. В лучшем случае между христианскими и мусульманскими державами в какой-то момент существовало просто перемирие. Их принципы были антагонистическими и несовместимыми. Еще не настали дни, когда одна христианская держава, воюющая против другой, должна была призвать турков в союзники.

При таком положении вещей, когда внезапно были открыты новые острова и континенты, никому в христианском мире и в голову не приходило подвергать сомнению абсолютное право папы распоряжаться ими по своему усмотрению; и в соответствии с этой точкой зрения линия была первоначально проведена папой Александром VI., установив границу испанских и португальских территорий соответственно, сначала в ста лигах к западу от *Азорских*, а впоследствии, по Тордесильяскому мирному договору, в трехстах семидесяти лигах к западу от островов *де Верде* мыса. Буллой от 2 мая 1493 года (через год после открытия Америки) испанские монархи получили те же права, привилегии и послабления в отношении вновь открытых регионов, которые были предоставлены португальцам в отношении их африканских открытий, при том же условии насаждения и распространения католической веры. Ни на минуту не принималось во внимание, что уроженцы новооткрытых регионов обладали вообще какими-либо правами, за исключением тех, которые могли быть предоставлены им их христианскими захватчиками, действующими по приказу католических королей, чьи притязания были санкционированы главой Церкви.

Это было всего лишь исполнением обетования Священного Писания о том, что язычники должны быть переданы народу Божьему в наследие, а самые отдаленные уголки земли - во владение; [Н] и, таким образом, согласно мнению лучших церковных и юридических авторитетов, было справедливо поработать таких уроженцев новых стран, которые могли противостоять вооруженным христианам, которые пришли, чтобы завладеть своими землями, или которые, будучи склонными к каннибализму, были за гранью человечности. Необходимо иметь в виду вышеприведенные факты, чтобы справедливо судить о поведении некоторых величайших людей того периода, включая принца Генриха Португальского и самого Колумба.

Принц Генри и Колумб были двумя великими создателями географических открытий того времени. Любой из них был глубоко религиозен, и в душе каждого стремление к распространению истинной веры существовало в равной степени со стремлением к открытиям. Странно и печально осознавать, что каждый из этих двух великих людей — в некоторых отношениях величайших людей своего времени — был создателем новой формы рабства. К принцу Генриху следует отнести происхождение порабощения африканских негров; к Колумбу - систему *энкомьенд*, или разделов индейцев среди испанских поселенцев. Любая из этих систем принесла невыразимые страдания широким слоям человечества, а в одном случае зло даже еще не вымерло, о чем свидетельствуют *Бразилия* и *Куба*. И все же мотивы принца Генриха, положившего начало африканскому рабству и санкционировавшего его, были, без сомнения, не только совершенно бескорыстными, но и продиктованы исключительно желанием духовного просвещения и цивилизации язычников. Мотивы Колумба, возможно, были более подвержены сомнению. Это правда, что он сам, когда во время своего последнего визита на *Эспаньолу* он увидел плачевные результаты системы, которую он создал, заявил своему суверену, что отправляя домой пленных индейцев для продажи в рабство, он руководствовался исключительно желанием их духовного благополучия и надеждой, что они вернутся, чтобы распространять цивилизацию среди своих соотечественников; но следует помнить, что мотивы великого генуэзца не были полностью чистыми, и что он сам неоднократно просил разрешения отправлять домой индейцев для продажи в рабство, чтобы уменьшить расходы короны в связи с этим. связь с колонией. Чистосердечная Изабелла справедливо упрекнула его, с негодованием приказав вернуть таких индейцев в их страну и проинструктировав адмирала, что их обращение должно быть осуществлено обычными средствами, а не путем порабощения.

Будет только справедливо по отношению к первым испанским поселенцам в Америке, рассказ о действиях которых по отношению к индейцам не может не вызывать чувства ужаса и отвращения, чтобы мы должным образом рассмотрели и взвесили чувства христианского мира той эпохи, в которую они жили, по отношению ко всем, кто находился за ее пределами. На самом деле это были чувства избранного народа по отношению к окружавшим его язычникам, которые заслуживали пощады только при условии, что станут рубить дрова и черпать воду. Верно, что в случае с рядом испанских вождей, включая самого Колумба и его брата *Дона Бартоломею*, индейцев следовало щадить и защищать при условии, что они примут наложенное на них иго и будут выполнять задачи, возложенные на них захватчиками; но при малейшем сопротивлении или уклонении от выполнения своих обязанностей все их естественные права были немедленно аннулированы, и они превратились в вьючных животных, которых можно использовать по желанию их погонщиков. Среди правителей и губернаторов королева Изабелла выделяется тем, что протестует против такого толкования обязанностей одной расы по отношению к другой, даже несмотря на то, что одни были христианами, а другие язычниками.

Но все же, стремясь сделать все возможные послабления, которые можно привести в качестве оправдания или смягчения, можно вынести только один вердикт относительно общего поведения испанцев по отношению к туземцам Америки, а именно, что они превзошли в безжалостной, и часто глупой и близорукой жестокости поведение любой завоевывающей или так называемой “высшей” расы по отношению к другой покоренной или “низшей” расе, о которой история сохранила какие-либо записи. В этом отношении мы не можем не думать, что современные авторы — не испанские, а иностранные - слишком снисходительно судили об испанцах как о расе. Например, несмотря на то, что Вашингтоном Ирвингом следует восхищаться за его ясные суждения и мастерство владения предметом, мы не можем

отделаться от мысли, что вряд ли он прав, приписывая несомненные бесчинства, совершенные испанцами в Новом Свете, просто кучке безжалостных авантюристов, отбросам их расы, а не испанцам в целом. Конечно, было бы в высшей степени несправедливо возлагать на целый народ ответственность за массовые злодеяния двух неграмотных авантюристов, таких как Писарро и Альмагро; но обвинение в возмутительной и невыносимой жадности и жестокости, к сожалению, не ограничивается классом, к которому принадлежат такие люди; оно в равной степени применимо ко всем рангам и ранжиру захватчиков, с некоторыми заметными исключениями — обычно, но не всегда, со стороны одного или нескольких церковников - больше всего в Лас Касасе.

Поведение Овандо по отношению к туземцам *Эспаньолы*, и особенно к жителям *Ксарагуа*, является одним из многих рассматриваемых примеров бесчеловечного обращения с индейцами со стороны испанца самого высокого ранга. Следует помнить, что однажды около восьмидесяти *каси́ков* были предательски схвачены и по простому необоснованному подозрению привязаны к столбам и преданы огню. Было подсчитано, что во время прихода испанцев на несчастном острове *Хайти* проживало около миллиона или тысячи двухсот тысяч человек — некоторые авторы считают, что население составляло гораздо больше, — однако за невероятно короткий период при правительстве Овандо оно сократилось до двенадцати тысяч, настолько, что рабочих пришлось привозить с других островов. И все же Овандо был специально выбран за его “благоразумие”, чтобы он мог исправить несправедливость, которой, как говорили, подверглись индейцы при правительстве Колумба и его брата, и королева Изабелла особо поручила индейцев его заботе.

Можно сказать, что поведение одного правителя-тирана не должно быть направлено на дискредитацию народа. Это был бы справедливый аргумент, если бы Овандо был немедленно отозван, когда весть о его зверствах в *Харагуа* достигла Испании, как это было в наши дни с губернатором Эйром, когда весть о его своевольных действиях на *Ямайке* достигла Англии. Действия Овандо действительно были настолько противны гуманному сердцу Изабеллы, что на последнем издыхании она потребовала от Фердинанда обещания отозвать его из правительства. Позже он был отозван, но только по прошествии четырех лет, и когда суд признал, что *дон* Диего Колумб имеет право на управление *Эспаньолой*. Длительный период, прошедший между судьбой Анакоаны и отзывом Овандо, показал, что ни его король, ни общественное мнение Испании в целом не были сильно потрясены действиями, которые оставили несмываемое пятно на его имени.

Но невозможно представить, что массовая депопуляция *хайти* возлагается только на одного или нескольких губернаторов. Это можно отнести без разбора ко всем колонистам в целом, и среди них было много кавалеров, которые отправились искать счастья в Новом Свете в свите Овандо. Если мы повернемся в других направлениях, то увидим просто повторение одних и тех же фактов. Кортес и многие из его товарищей были людьми знатной семьи; но в истории их деяний мы находим по крайней мере равную жестокость по отношению к туземцам, той, что сопровождала поступки таких низкородных авантюристов, как Писарро и Альмагро. В то время как в Испании постоянно принимались превосходные законы и подзаконные акты о благополучии и надлежащем обращении с коренными жителями Америки, мы нигде не читаем о полезных примерах, приводимых в пример правонарушителями, которые относились к этим законам как к мертвой букве. Даже законы и предписания, какими бы хорошими и благонамеренными они ни были, не были результатом реакции общественного мнения на

жестокое обращение с индейцами, а были введены в действие несколькими гуманными священнослужителями, которые были беспомощными очевидцами зверств, совершенных их соотечественниками, и которые вернулись в Испанию с надеждой пробудить совесть монарха и его советников к осознанию чудовищности, которая ежедневно совершалась от его имени. Это подводит нас к исторической роли, сыгранной Лас Касасом на континенте Южная Америка; но прежде чем описывать это, возможно, было бы неплохо дать краткое описание того, что уже было сделано другими церковниками в том же направлении.

Доминиканские монахи *Эспаньолы*, опечаленные варварством по отношению к туземцам этого несчастного острова, выразили возмущенный протест против обращения, которому подвергались вассалы королевы Изабеллы. Этих монахов было около двенадцати или пятнадцати человек, и вскоре они составили себе представление о жестокостях, которые творились вокруг них. Поскольку они решили, что их протест должен быть коллективным, они согласились с тем, что перед жителями *Сан-Доминго* должна быть произнесена речь, к которой все они должны присоединить свои имена. Проповедник, взяв за основу текст “Я глас вопиющего в пустыне”, пронзительными словами объявил своей аудитории, что они живут в смертном грехе из-за своей тирании по отношению к индейцам, и он спросил, какая власть существует для введения этого рабства и на каком основании ведутся эти войны? Проповедь была выслушана до конца, но, поразмыслив, главные лица из собравшихся отправились в монастырь, чтобы выступить с яростным протестом.

Они настояли на встрече с проповедником и потребовали, чтобы он отрекся от своих слов в следующее воскресенье. Наступило следующее воскресенье, и место богослужения было переполнено прихожанами, собравшимися, чтобы услышать ожидаемые извинения. Тот же проповедник снова взошел на кафедру; но отец Антонио лишь повторил свои прежние заявления и настаивал на своих выводах. Более того, он добавил, что доминиканцы не исповедуют ни одного человека, который совершил бы набеги на индейцев. Прихожане снова выслушали эту речь, но они решили послать жалобу королю, а затем послать францисканского монаха для обсуждения их дела в суде. Так были противопоставлены друг другу два ордена Церкви; один побуждался мотивами христианства и гуманности, другой - религиозным соперничеством.

Доминиканцы также решили прислать своего адвоката, и среди колонистов нашлось несколько набожных людей, которые оплатили расходы на его путешествие. Выбранным адвокатом был отец Антонио. Когда письма от властей *Сан-Доминго* достигли короля, его величество послал за главой их ордена в Испании и пожаловался ему на скандал, вызванный в колонии этой проповедью. Вскоре после этого прибыли послы, отец Алонсо, францисканец, был хорошо принят властями и имел свободный доступ к королю, в то время как двери приемной были закрыты для доминиканца. Отец Антонио, однако, не торопясь, добился желанной аудиенции. Король Фердинанд был невыразимо потрясен его заявлением и отдал приказ немедленно тщательно изучить этот вопрос. Он был верен своему слову и созвал *хунту* для рассмотрения этого вопроса. Этот совет был сформирован частично из королевского совета и частично из богословов.

По словам Лас Касаса, *хунта* пришла к решению - “Что индейцы свободные люди; что их следует наставлять в христианской вере; что им можно приказывать работать, но так, чтобы их работа не мешала их обращению и была такой, какую они могут вынести; что у них должны быть

собственные коттеджи и земли, а также время работать на себя; что их следует заставить поддерживать связь с христианами; и что они должны получать заработную плату, выплачиваемую не деньгами, а одеждой и мебелью для их коттеджей”. Таков был ответ *хунты* королю. Тем временем отец Антонио, будучи сильно опечален тем, что не получил достаточного слушания, решился на смелый ход убеждения своего оппонента-францисканца. Он сказал ему, что другие всего лишь использовали его как инструмент; что он рискует получить награду в виде святой жизни, выполняя дьявольскую работу, не получая даже дьявольского жалования, и сослался на свой собственный опыт, рассматривая бесчеловечность, свидетелем которой он был. Как ни странно, францисканец был полностью покорен и отдал себя под руководство своего соперника.

Получив ответ от *хунты*, королевские министры обратились к этому органу с просьбой разработать свод законов в соответствии с утвержденными ими принципами; но они отказались это сделать. Тем временем совесть короля, по-видимому, стала беспокойной в связи с этим вопросом, и он пожелал, чтобы этот вопрос был дополнительно рассмотрен. Он письменно запросил мнение двух своих проповедников; и поскольку оно совпало с мнением *хунты*, оно было принято королем, и ничего не оставалось, как привести его в исполнение. Соответственно, некоторыми членами совета был разработан свод законов, которые взяли за основу сохранение системы *энкомьенд*. Законы были следующего содержания: “Сначала индейцы должны были быть доставлены к испанцам; по отношению к *касикам* использовались все мягкие средства, чтобы убедить их прийти добровольно. Затем на каждые пятьдесят индейцев их хозяева должны построить четыре *бохио* (большие хижины). *Бохио* должны были иметь тридцать футов в длину и пятнадцать в ширину. Три тысячи *монтоне* (холмики, которые использовались для защиты растений от переизбытка влаги) *юки*, из которой делали *маниоковый* хлеб, две тысячи *монтоне* из *ямса*, с определенным пространством для выращивания *пименто* определенным количеством домашней птицы, должны были быть выделены для пропитания этих пятидесяти индейцев”.

Каждый испанец, у которого была *энкомьенда* индейцев, должен был построить что-то вроде часовни, в которой утром и вечером читались молитвы, и воздвигнуть церковь для всей округи. Было предписано, что индейцы должны были работать на рудниках в течение пяти месяцев подряд, после чего у них должно было быть сорок дней на обработку своей земли, после чего они должны были вернуться на рудники. Были приняты определенные правила относительно их питания, которые Лас Касас полностью осуждает. Работа индейцев на рудниках не только поощрялась, но и настаивалась. Каждому индейцу ежегодно должно было выдаваться по одному *песо* золота на покупку одежды.

В каждое испанское поселение должны были быть назначены по два посетителя; но поскольку им разрешалось иметь *энкомьенды*, вряд ли можно было ожидать, что их действия будут беспристрастными. У *касики* должно было быть не более шести индейцев, выделенных отдельно для их службы, и *карик* и его сопровождающие должны были отправляться к тому испанцу, у которого было наибольшее количество представителей того же племени, выделенное ему. Они должны были быть наняты в легких службах.

Таково краткое изложение законов, обнародованных в Бургосе в декабре 1512 года, и которые с тех пор называются Законами Бургоса.

Когда король обратился к доминиканскому провинциалу с осуждением проповедей отца Антонио, провинциал написал главе ордена на *Эспаньоле*, после чего Педро де Кордова прибыл в Испанию и предстал перед двором. Когда он прочитал законы Бургоса и выразил свое недовольство ими, король Фердинанд сказал ему: “Тогда возьми на себя, отец, обязанность исправить их; этим ты окажешь мне большую услугу; и я прикажу, чтобы то, что ты решишь, было принято”. С необъяснимой робостью викарий ответил: “Умоляю ваше высочество, не приказывайте мне”. И таким образом он упустил прекрасную возможность осуществить реформы, ради которых он проделал весь путь с *Эспаньолы*.

Получив этот преступный и прискорбный ответ, король Фердинанд созвал другую *хунту*, чтобы посмотреть, можно ли улучшить законы. Педро де Кордова помогал, но многого не добился, хотя то небольшое, что было сделано, соответствовало его взглядам. Дополнения к законам были сделаны главным образом с целью укрепления приличий и семейных уз среди индейцев.

Лас Касас был поселенцем на острове *Куба*, и к нему было приставлено несколько индейцев в *репартимьенто*. Он сам утверждает, что был так же, как и другие, занят отправкой своих индейцев на рудники и получением прибыли от их труда; но в то же время он относился к ним с добротой и обеспечивал их пропитанием. Однако он признается, что уделял их религиозному воспитанию не больше внимания, чем другие испанцы. Размышления о проповеди доминиканцев против греха владения индейцами привели его непредвзятый ум к выводу, что система *репартиментос* была незаконной, и что он тоже должен проповедовать против нее. Первым практическим пунктом, который необходимо было определить в свете того, что теперь направляло его, было то, что он должен делать со своими индейцами. Ему, очевидно, не следовало больше удерживать их; и он не жалел о потере, которую ему пришлось из-за этого понести; но он чувствовал, что никто не будет так снисходителен к ним, как хозяин, которого они вот-вот потеряют, и что они будут работать до смерти. И все же с его стороны было бы тщетно проповедовать против *репартимьентос*, пока он сохраняет своих индейцев.

Лас Касас начал свою проповедь против рабства индейцев на *Кубе*; но вскоре он решил отправиться в Испанию, чтобы сразиться с этим злом в самом его истоке. Несомненно, настало время сделать какое-то независимое заявление испанскому правительству относительно положения индейцев *Кубы*, которое было настолько плачевным, что они были вынуждены искать убежища бегством; и когда даже в этом убежище им было отказано — за ними гнались ищейки, — они прибегли к самоубийству. По прибытии на *Эспаньолу* Лас Касас обнаружил, что Педро де Кордова, вождь доминиканцев, отправился в путешествие с целью основания монастырей на Жемчужном побережье.

Два доминиканца, судьба которых поучительна, поскольку показывает колониальные нравы того периода, обосновались примерно в двадцати лигах от *Куманы* называемой *Маракапана*, где они были гостеприимно приняты индейцами. Вскоре после прибытия Франсиско де Кордовы и Хуана Гарсеса испанское судно, занимавшееся ловлей жемчуга, подошло к тому же месту. Можно отметить, что материк был специально выбран в качестве поля для миссионерской деятельности, чтобы усилия священников не были сведены на нет дурным примером светских колонистов. Как правило, появление испанского судна служило для туземцев сигналом к бегству; но в этом случае доминиканские миссионеры рассматривались как заложники, и *икасик* этого места со своей семьей и слугами, насчитывающими семнадцать человек, принял приглашение подняться на борт испанского корабля. Когда они благополучно поднялись на

борт, судно снялось с якоря и подняло паруса. Как и следовало ожидать, индейцы на берегу, которые были свидетелями этого предательства, решили убить двух доминиканцев, и их отговорили от этого только заверения последних в том, что *касик* и его семья будут возвращены в течение четырех месяцев.

На другом испанском судне, которое вскоре после этого появилось у побережья, два миссионера смогли сообщить о своих обстоятельствах главе своего ордена в *Сан-Доминго*. По прибытии в это место первого судна было объявлено, что, поскольку оно не было снабжено надлежащей лицензией, оно должно быть конфисковано как приз; и поэтому *касик* и его семья были разделены как рабы между апелляционными судьями! Через несколько дней после этой сделки пришли письма двух миссионеров, после чего капитан-воришка укрылся в монастыре. Доминиканцы, не теряя времени, сообщили обстоятельства поимки *касики*, но апелляционные судьи отказались выдать своих рабов, и по истечении оговоренных четырех месяцев два несчастных миссионера были казнены!

1515.

В сентябре 1515 года Лас Касас в сопровождении двух братьев отплыл в Испанию. По прибытии он был представлен архиепископу Севильи, который, в свою очередь, снабдил его письмами к королю, с которым он добился беседы. Лас Касасу посчастливилось завоевать симпатии духовника короля Фердинанда; но он нашел врага своему делу в Фонсеке, епископе Бургоса, который был министром по делам индейцев и который сам был владельцем индейцев. Вскоре после этого, в январе 1516 года, король скончался.

Надежды Лас Касаса теперь были возложены на регента, кардинала Хименеса, у которого ему посчастливилось снискать расположение и который созвал *хунту*, чтобы выслушать его заявления и аргументы. В результате кардинал назначил Лас Касаса и двух помощников разработать план обеспечения свободы индейцев и организации их правления. Чтобы исполнять согласованные законы, Хименес решил нанять монахов-иеронимитов, поскольку они не были замешаны в спорах, возникших между францисканцами и доминиканцами относительно пригодности индейцев к свободе. Трем избранным отцам-иеронимитам было поручено по прибытии в *Сан-Доминго* созвать колонистов и объявить, что причиной их приезда стало сообщение о жестоком обращении с индейцами, и спросить их предложений по исправлению такого положения вещей. Они также должны были пойти к главным *касики* сообщить им, что их послали выяснить правду, наказать за прошлые проступки и обеспечить безопасность на будущее. Губернаторы Испании хотели, чтобы с индейцами обращались как с христианами и свободными людьми.

Отцы-иероним должны были посетить каждый остров, чтобы установить количество индейцев и выяснить, как с ними обращались, делая заметки о природе местности с целью создания поселений вблизи рудников. Такие поселения должны были состоять примерно из трех сотен человек, с необходимыми зданиями, и земли должны были быть распределены между каждым поселением, причем каждый человек получал участок. В каждое одно или два поселения должен был быть назначен один администратор. Другие правила касались религии, образования, больниц, труда на фермах и рудниках, а также пастбищ и раздела золота. Чтобы в какой-то мере возместить испанцам потерю индейского рабского труда, которую они понесут,

им должны были заплатить за землю, которая потребуется для строительства поселений, в то же время им должно было быть разрешено добывать золото на льготных условиях для себя. Им также разрешалось по четыре-пять рабов каждому из *карибов*, которые были каннибалами. Этот последний пункт, несомненно, привел бы к большим злоупотреблениям, поскольку охотникам за рабами было необходимо только объявить своих пленников каннибалами, чтобы оправдать свои действия. Это положение было введено вопреки желанию Лас Касаса. В конце концов, он сам был назначен “Защитником индейцев”. Следуя этим правилам и с благословения кардинала, Лас Касас выехал из Севильи.

1516.

В декабре 1516 года отцы-иеронимиты и Защитник индейцев прибыли в *Сан-Доминго*, совершив путешествие на разных судах. Едва они прибыли, как начали проявлять себя не совсем теми инструментами, которые он выбрал бы для осуществления своих желаний. Как само собой разумеющееся, их осаждали колонисты, которые представляли Лас Касаса всего лишь провидцем, и в своих беседах с ним они вскоре начали оправдываться за бесчеловечность колонистов. Кроме того, хотя они лишили отсутствующих лиц их индейцев, они не сочли необходимым применять то же правило к судьям и другим должностным лицам. Через короткое время адвокат, назначенный Хименесом для *проживания* — другими словами, для расследования поведения — всех судей в Индии, прибыл на *Эспаньолу*. Затем Лас Касас предпринял смелый шаг - подал в суд на судей, которых он обвинил как в том, что они вывезли индейцев с *Лукаянских* островов, так и в том, что они стали причиной смерти двух доминиканцев в *Кумане*, что было неприятно иеронимитам, которые предпочитали вести дела тихо.

У Отцов Церкви не хватило смелости принять в полном объеме меры, которые были в их власти; но, тем не менее, они приложили значительные усилия для улучшения положения индейцев, опубликовав соответствующие распоряжения и поощряя туземцев обращаться к ним со своими жалобами. Они также написали Педрариасу, губернатору *Дариена*, приказав ему больше не предпринимать экспедиций и прислать отчет о захваченном золоте и рабах. Он также должен был выяснить справедливость поимки своих индейцев и вернуть тех, кто, как выяснилось, был захвачен незаконно. Отцы также основали несколько индейских поселений, которые, однако, просуществовали недолго, отчасти из-за разрушительного воздействия оспы.

Действия отцов-иеронимитов были, однако, слишком вялыми по своему характеру, чтобы удовлетворить пылкую душу Лас Касаса, который теперь решил вернуться в Испанию, чтобы пожаловаться на них, и в этом отношении он был утвержден доминиканским приором, а также специальными судьями. Отцы были сильно смущены этим переездом и послали одного из своих представителей представлять их при дворе. Лас Касас добрался до Кастилии, чтобы найти своего покровителя Хименеса при смерти, но бесстрашный Защитник индейцев обратился со своим делом к Великому канцлеру, который рассказал о нем королю и получил от него приказ проконсультироваться с ним относительно средства правовой защиты правительства Индии. Один из результатов этой консультации, безусловно, был исключительным. В то время как предлагалось отправлять на *Эспаньолу* испанских рабочих в значительных количествах за плату правительства, сам Лас Касас предположил, что в дополнение может быть ввезено определенное количество негритянских рабов. Автор этого предложения дождался до того, чтобы признать его несправедливый характер и выразить сожаление по поводу него.

До этого периода негритянские рабы ввозились в испанские владения в Америке, и король Карл лишь недавно выдал лицензии определенным лицам на ввоз африканцев на *Эспаньолу*. Отцы-иероним также рассматривали ввоз африканцев, которые могли лучше переносить тяжелый труд, как средство от судебных процессов над индейцами, и эта мера получила одобрение судьи *резиденции*. Предложение, сделанное Ласом Касасом, было одобрено. Число негров, которого, как считалось, было бы достаточно на данный момент, составляло четыре тысячи; и соответственно Де Дреза, фламандец, получил лицензию от короля на эту цель — грант, который сопровождался гарантией монополии на восемь лет. Результатом монополии стало то, что цены на негров значительно выросли, а предложение об отправке испанских колонистов в Индию не было реализовано.

Канцлер в это время умирал, и влияние Лас Касаса еще раз пошатнулось. Фонсека, епископ Бургоса, снова вернулся к власти, и, как следствие, отцы-иероним были отозваны. Лас Касасу посчастливилось заручиться поддержкой от имени индейцев джентльмена, непосредственно преданного королю; и его заявления время от времени подкреплялись получаемыми сообщениями о каких-нибудь новых зверствах, совершенных испанцами в Америке. Доминиканскому приору Педро де Кордова было что рассказать своему коллеге об охоте испанцев на рабов на *Тринидаде*, и он предложил, чтобы король выделил сто лиг на побережье *Куманы* в качестве территории, на которой францисканцы и доминиканцы могли бы проповедовать Евангелие, не беспокоясь о присутствии мирян.

Лас Касас, не сумев пока получить такой грант, вернулся к своему плану испанской эмиграции, и около двухсот человек были фактически высланы из Севильи, что не привело к каким-либо положительным результатам, поскольку по прибытии эмигрантам было предоставлено самим обеспечивать себя за счет собственных ресурсов. Теперь был назначен новый великий канцлер; и в его глазах Лас Касас также снискал расположение. Гаттинаре Защитник индейцев представил новый план колонизации. План состоял в том, чтобы создать нечто вроде религиозного братства, состоящего из пятидесяти рыцарей, и с их помощью Лас Касас должен был заселить страну на тысячу лиг вдоль побережья от *Париу*, расстояние, которое впоследствии было сокращено до двухсот шестидесяти лиг. С помощью королевских проповедников эта идея Лас Касаса была фактически воплощена в жизнь.

1520.

После обычного для испанских *хунт* хода и долгих споров было решено, что земля, которую искал Лас Касас, должна быть предоставлена ему, хотя на каждом шагу его предложению противодействовал епископ Бургоса. Непосредственно перед отъездом Карла из Ла-Коруньи в мае 1520 года, чтобы быть коронованным императором Германии, король подписал необходимый дарственный акт Лас Касасу. Земля, которую он таким образом приобрел, простиралась от провинции *Пария* на востоке до провинции *Санта-Марта* на западе и должна была пройти через континент до Тихого океана. Лас Касас сел на корабль в *Сан-Лукаре* 11 ноября 1520 года, взяв с собой нескольких скромных работников. После удачного путешествия он прибыл в *Порто-Рико*, где ему было суждено узнать поразительные новости, оказавшие значительное влияние на судьбу предпринятой им экспедиции.

Уже говорилось о том, как два доминиканских миссионера приняли мученическую смерть в *Кумане*; но их судьба несколько не помешала их братьям пойти по их стопам. Соответственно, в 1518 году несколько францисканцев и доминиканцев основали два монастыря на Жемчужном

побережье, где к ним присоединились другие монахи, и где они жили в мирных отношениях с индейцами. Таким образом, существовала реальная перспектива существования некоторых поселений в Новом Свете без принудительного труда или другой жестокости по отношению к туземцам. Но этому не суждено было сбыться. На соседнем острове *Кубагуа* жил некий Охеда, который занимался ловлей жемчуга и который нанес визит на материк с целью приобрести несколько рабов. Прибыв в поселение *Марикапана*, он решил купить немного кукурузы у одного из племен и, что вполне естественно, попросил прислать пятьдесят человек, чтобы они помогли перенести ее на его судно. Оказавшись на берегу, заблудшие люди подверглись нападению испанцев, и многих из них подняли на борт корабля. Приятно сознавать, что, когда Охеда в следующий раз приземлился, за ним следили и убили.

Естественным результатом вышеуказанных операций стало то, что через несколько дней после этого доминиканский монастырь подвергся нападению, а его обитатели были преданы смерти. Францисканский монастырь в *Чирибичи* также подвергся нападению. Всего было убито восемьдесят испанцев, а остров *Кубагуа* был эвакуирован. Эти события произошли в конце 1519 года, и "Аудиенция" в *Сан-Доминго* подготовила экспедицию по наказанию и порабощению индейцев Жемчужного побережья, и эта экспедиция под руководством Окампо встретила с Лас Касасом в *Порто-Рико*. Тщетно он пытался, демонстрируя командиру свои "способности", отвлечь его от намеченной цели. Все, что мог сделать Лас Касас, - это поспешить в *Сан-Доминго*, оставив своих работников в *Порто-Рико*.

Защитник индейцев теперь вызывал всеобщую ненависть у колонистов, которые, казалось, объединились, чтобы помешать его планам. Он приказал обнародовать королевский приказ, носителем которого он был, о том, что никто не должен причинять вреда никому из уроженцев предоставленных ему провинций; и, в соответствии с этим приказом, он потребовал отзыва флота и прекращения войны. Власти не могли открыто отказать в соблюдении; но им требовалось время для размышления, а тем временем Окампо делал свою работу. Судно, на котором плыл Лас Касас, также было объявлено немореходным и было осуждено, что причинило его владельцу большие убытки и лишило его возможности передвигаться.

Лас Касас вскоре узнал об успехе Окампо по количеству рабов, которые были отправлены им на *Эспаньолу* для продажи. Это зрелище привело его в такое негодование, что "Зрители" предложили заключить с ним условия, предложив передать экспедицию Окампо под его командование и разделить с ним прибыль с территории, которой он должен был управлять. Следует отметить, что, согласившись на это соглашение, Лас Касас во второй раз скомпрометировал себя в вопросе рабства, поскольку одним из способов получения прибыли в этом предприятии была работорговля. Защитник индейцев должен был выяснить, кто из них каннибал, а кто должен отказаться иметь какие-либо дела с испанцами или евангелием. На таких людей должны были напасть и обратить в рабство; но, соглашаясь на это, Лас Касас просто соглашался принять власть, которой он не собирался пользоваться. Без этого пункта соглашение не было бы принято другими участниками.

1521.

Его суда были готовы и хорошо снабжены провизией, Лас Касас отплыл в июле 1521 года и направился в *Порто-Рико*, где его ждало новое разочарование. Последователи, которых он оставил там, все рассеялись, и ему пришлось отправиться на *Твердую Землю*, где вскоре он остался с несколькими слугами и чернорабочими, поскольку Окампо и его люди

воспользовались прибытием судов, чтобы вернуться в *Сан-Доминго*. В таком состоянии Лас Касас, по крайней мере, утешился тем, что обнаружил, что францисканский монастырь был восстановлен. Он присоединился к общине и с помощью жены *касики*, которая была знакома с испанским языком, установил дружеские отношения с индейцами. Однако на его пути был камень преткновения в окрестностях острова *Кубагуа*. Поскольку на этом острове не было пресной воды, испанцы, промышлявшие ловлей жемчуга на его побережье, постоянно посещали *Terra Firma*, чтобы пополнить запасы.

Все проповеди колониста-миссионера снова оказались бесполезными для туземцев из-за частых визитов его земляков-похитителей людей; и в конце концов Лас Касаса вопреки его собственному желанию убедили вернуться в *Сан-Доминго*, чтобы пожаловаться “Аудитории” на бесчинства, творимые испанцами из *Кубагуа*. Его заместитель, нарушив оставленные им письменные инструкции, отослал единственные две лодки, которыми располагала колония, для перевозки жемчуга и золота. В их отсутствие монастырь подвергся нападению индейцев и, находясь в незащищенном состоянии, был подожжен. Однако заключенным, за исключением двух или трех человек, удалось сбежать на каноэ, на котором им посчастливилось доплыть до испанского судна. Так закончилась попытка создать моральную испанскую колонию на материке, которая стоила Лас Касасу столько лет труда, несмотря на насмешки и противодействие. Теперь несчастный филантроп отказался от своей затеи как от безнадежной и укрывся в доминиканском монастыре.

Кумана больше не была ареной миссионерских усилий. Последнее оскорбление индейцев, конечно, было отомщено, и невольничьи рынки *Кубагуа* и *Сан-Доминго* были снова заполнены. Но поскольку индейцы почувствовали себя в большей безопасности во внутренних районах страны, все побережье опустело, и провинции, которые Колумб находил такими красивыми и густонаселенными, теперь представляли собой просто леса для экспедиций по охоте на рабов, которые отправлялись из *Арикапаны*. Последнее названное место стало штаб-квартирой пиратской испанской банды численностью в несколько сотен человек, которые жили исключительно за счет грабительских экспедиций, о масштабах которых можно судить по тому факту, что итальянский путешественник Бенцони был свидетелем возвращения одного из них с четырьмя тысячами рабов — выживших из гораздо большего числа — которые были отправлены на *Кубагуа* для утилизации.

Примечание.—Главы I.- IV. тома I. по большей части основаны на следующих работах, а именно:—

Navarrete (Don M. F. de); *Viages y Descubrimientos de los Españoles desde fines del Siglo XV.*, 5 vol. sm. 4to.

Amerigo (Vespucci), *Viaggi*.

Веспуций (А.) Навигационный эпитет.—*Гриней; Кановау; Рамузио, i .; Броссес.*

Martyris (Petri ab Angleria);—*De Insulis nuper repertis—Grynæi Orbis*. Восемь десятилетий океана.—Хаклюйт, В.

Испанское завоевание Америки; автор Артур Хелпс. Джон У. Паркер и сын, 1855.

Las Casas, Hist. Ind.

Ист. del Almirante.

Oviedo, Cronica de las Indias.

Muñoz, Hist. Nuevo Mundo, lib. ii.

Бенцони, "История Нового Света", переведено: Общество Хаклюйта.

Жизнь и путешествия Христофора Колумба; вместе с путешествиями его спутников. Вашингтон Ирвинг. Лондон: Джон Мюррей, 1849.

ГЛАВА V.

БРАЗИЛИЯ; ТАРЕЛКА; И ПАРАГВАЙ.

1499-1557гг.

1500.

В 1499 году Висенте Яньес Пинсон из Палоса, один из трех братьев, которые семь лет назад отправились вместе с Колумбом в его первое плавание, получил от короля Кастилии необходимое разрешение отправиться в исследовательскую экспедицию по Атлантике. Пинсон, которого сопровождали два племянника, а также несколько моряков, плававших с Колумбом, отправился на четырехкаравеллах из порта Палос, выйдя в море в начале декабря. Миновав Канарские острова и мыс *де-Верде*, экспедиция направилась на юго-запад. Проплыв около семисот лье, они пересекли экватор и потеряли полярную звезду из виду. Пересекая линию равноденствия, они столкнулись с ужасной бурей; но сбитые с толку моряки тщетно искали ориентира, которым можно было бы управлять. Пинсон решительно держал курс на запад и, проплыв еще около двухсот сорока лиг, находясь тогда на восьмом градусе южной широты, 20 января увидел мыс, который он назвал *Утешением*, но который теперь известен как мыс *Св. Августин*, в провинции *Пернамбуку*. Море было бесцветным, и при зондировании они обнаружили шестнадцать морских сажень воды. Пинсон, как и положено по долгу службы, высадился на берег с нотариусом и официально вступил во владение территорией для короны Кастилии. Туземцы, которых он видел по соседству, отказались иметь какие бы то ни было дела с чужаками; и, не обратив внимания на их внешний вид, командир на следующий день отплыл и держал курс на северо-запад, пока не достиг устья реки, где снова встретил множество обнаженных индейцев, с которыми у его людей произошла отчаянная стычка, в ходе которой несколько испанцев были ранены или убиты. Обескураженный таким приемом, мореплаватель теперь находился в сорока лигах к северо-западу, снова находясь вблизи линии равноденствия. Здесь вода была такой сладкой, что он наполнил ею свои бочки.

Пораженный этим явлением, он высадился на берег и прибыл на несколько островов, население которых он нашел гостеприимным и несколько не боящимся общения с чужеземцами. Постепенно Пинсон осознал тот факт, что эти острова лежат в устье огромной реки, реки настолько огромной, что ее размеры едва ли могут быть осознаны человеком, привыкшим даже к самым крупным европейским рекам, таким как Дунай или Волга, и тем более

тем, чьи представления о внутреннем потоке были сформированы Гвадалквивером. Моряк действительно высадился в устье самого могучего из могучих потоков Нового Света, реки, которая вливает в океан больше воды, чем даже *Миссисипи* или *Плата*; он достиг *Амазонки*, ручья, который, открытый в устье одним испанцем, несколько лет спустя был прослежен на протяжении большей части своего течения вплоть до океана другим испанцем, злополучным Орельяной.

The *Амазонка* в своем устье имеет ширину не менее тридцати лиг, объем воды, протекающей через нее, проникает в море на сорок лиг, прежде чем потерять свою сладость. Находясь в устье этой реки, Пинзон столкнулся с внезапным разливом реки, который, встретившись с океанским течением, вызвал подъем более чем на пять морских сажений, а горные волны угрожали разрушением его кораблям. С немалым трудом избавив свои суда от этой опасности, Пинзон, убедившись, что нет смысла задерживать его в этом регионе, показал, что он не менее цивилизован, чем другие испанские мореплаватели того времени, в вопросе отплаты за гостеприимство, уведя в рабство тридцать шесть туземцев.

Имея в качестве ориентира полярную звезду, моряк продолжил свой путь вдоль побережья, миновав устье *Ориноко* и войдя в залив *Парайя*, где он наткнулся на бразильский лес и из которого вышел у знаменитого *Бока-дель-Драго*. Впоследствии он достиг Палоса примерно в конце сентября того же года, потеряв два своих судна у *Багамских островов*. Висенте Пинзон прославился тем, что был первым европейцем, пересекшим линию равноденствия в Западной Атлантике, и тем, что открыл *Бразилию*.

1500.

Позже, в том же году, когда Пинзон открыл мыс *Св. Августина* и завладели соседним побережьем от имени монархов Кастилии, произошло событие, которое иллюстрирует, как иногда в человеческих делах эффект случайности может почти предвосхитить расчеты и открытия гения. [1] Едва ли прошло восемь лет с тех пор, как Колумб отправился в это путешествие, которое, согласно девизу под его гербом, открыло новый свет Кастилии и Леону, когда король Португалии Эммануил снарядил другую экспедицию, командуемой которой, не имея ни малейшего представления об открытии земли к западу, случайно высадился на побережье Южной Америки.

Но хотя у Кабрала мало заслуг в том, что он был одним из двух первых независимых первооткрывателей *Бразилии*, все же было бы несправедливо утверждать, что случайность была полностью ответственна за его открытие, и что научные исследования не имели к этому никакого отношения. Научное исследование в данном случае было, однако, заслугой не Кабрала, а принца Генриха Португальского, великого покровителя морских исследований вдоль западного побережья Африки, который, хотя и не дожил до того, чтобы узнать об этом, проложил путь к великому достижению Васко де Гамы. Именно для того, чтобы продолжить открытия героя "*Лузиады*", король Эммануил снарядил эскадру, которая с подобающей помпой и торжественностью покинула Белем на Тежу в марте 1500 года нашей эры. Командующий взял с собой знамя, благословленное епископом Сеуты, и отправился в путь под королевский салют флота. Примечательно, что эта экспедиция, призванная укрепить позиции Португалии на Востоке, должна была привести к основанию Лусийской империи на Западе.

Кабрал направился к мысу *де Вердес*, а затем на запад, спасаясь от “Депрессии” или затишья на африканском побережье; и так, плывя, он 25 апреля увидел землю недалеко от гавани, носящей его имя. Сам он теперь двигался к своей первоначальной цели на восток, но отослал назад одно из своих судов, чтобы сообщить своему королю о своем открытии на Западе, для продолжения которого в следующем году была отправлена экспедиция.

1501.

Америго Веспуччи, находившийся теперь на службе Португалии, высадился на побережье Бразилии к югу от экватора; но обнаруженные им дикари-каннибалы отказались иметь какие-либо дела с незванными гостями, которых их владения не могли не привлекать. Леса были похожи на цветочные сады, на деревьях цвели все цвета, контрастирующие с совершенством, которое можно встретить только в природе. Паразиты заполнили промежутки между деревьями и ветвями, в то время как орхидеи висели на них в воздухе, а птицы с тропическим оперением щебетали среди гранатовых и апельсиновых деревьев. Когда Веспуччи и его спутники плыли на юг, его удивленному взору открылись новые небеса, Южный Крест взирал на них во всем своем великолепии. Достигнув восьмого градуса южной широты, они обнаружили, что местные жители стали более сговорчивыми. Им везде были рады, и таким образом они получили возможность исследовать побережье. Они плыли вперед до тридцать второго градуса, когда вышли в море, пройдя еще двадцать градусов в том же направлении. Здесь они столкнулись со штормовой погодой и сильными холодами, так что Веспуччи счел целесообразным вернуться в Лиссабон, куда он благополучно добрался после шестнадцатимесячного путешествия. Именно благодаря этому путешествию Америго Веспуччи стал считаться первооткрывателем материковой части Южной Америки. Сначала его имя было применено к этим южным регионам, но впоследствии распространилось на весь континент. Веспуччи не знал, что *Бразилия* ранее была открыта как Пинзоном, так и Кабралом. Его отчет о путешествии, адресованный Лоренцо де Медичи, был опубликован в Страсбурге в 1505 году. Говорят, что он был напечатан в Венеции в 1504 году.

1504.

Весной следующего года (1503) Веспуччи снова отплыл из Лиссабона с эскадрой из шести судов, из которых, однако, он командовал только одним кораблем. После многих катастроф и потери одного судна эскадры он добрался до *Бразилии* на одном только своем корабле в знаменитой бухте Всех Святых, *Баия*. Там он оставался два месяца в надежде, что к нему присоединится остальная часть флота. Затем он отплыл на двести шестьдесят лиг к югу, где оставался в течение пяти месяцев, строя форт и принимая груз бразильского дерева. В форте он оставил гарнизон из двадцати четырех человек и отплыл в Лиссабон, куда прибыл в июне 1504 года. Об остальных четырех кораблях эскадры впоследствии никто ничего не слышал.

В начале следующего года Америго Веспуччи был в Севилье, направляясь к испанскому двору в поисках работы, и доставил письмо Колумба своему сыну Диего, в котором великий мореплаватель, говоря о Веспуччи, говорит: “Фортуна была неблагоприятна к нему, как и ко многим другим. Его труды не принесли ему той пользы, какую они разумно должны были бы принести.... Он отправляется с решимостью сделать для меня все, что возможно”. Трогательно слышать, как великий первооткрыватель так отзывается о человеке, чье имя должно было занять место Колумба на двух континентах Нового Света.

Груз бразильского дерева, который Америго привез в Лиссабон, пользовался таким большим уважением, что торговля им сразу же развернулась, и в результате побережье, откуда его доставляли, и, наконец, вся соседняя страна стали называться *Бразилией*. Португальское правительство решило колонизировать эти земли и, соответственно, отправило туда, в первую очередь, часть преступного населения Португалии.

1508.

Америго Веспуччи, вновь оказавшийся на службе у короля Кастилии, где он получил звание главного пилота, которое занимал до своей смерти, решил воспользоваться своими предыдущими открытиями, и в 1508 году Пинсон и Солис отправились в экспедицию к мысу *Св. Августин* и оттуда на юг, завладев несколькими пунктами, в которых они высадились, от имени короля Испании. Как и до этой даты, папа Александр VI. определив кастильской и лузитанской коронам, соответственно, границу, за которой их соответствующие открытия могли в любом случае перейти во владение, португальский король теперь жаловался, что действия этой последней испанской экспедиции к побережью Южной Америки были нарушением гранта, предоставленного ему Суверенным понтификом. Несмотря на это, король Кастилии в 1515 году отправил Хуана де Солиса в очередную экспедицию на юг в надежде найти средства сообщения с океаном, которых более чем за год до этого по суше достиг Васко Нуньес де Бальбоа. Результатом этой экспедиции стало открытие ручья, которому Солис дал название Ласковое море, поскольку обширность его пресных вод не позволяла ему предполагать, что это река. Ласковое море было названо последующим мореплавателем Серебряной рекой по украшениям из этого металла, найденным среди людей на берегах *Парагвая*, впадающего в *Парану*, которая вместе с *Уругваем* образует *Плату*, и теперь известна нам как *Плата* или река *Плейт*. Это открытие стоило Де Солису жизни, ибо, высадившись по неосторожности на острове *Мартин Гарсия*, он был атакован туземцами и убит.

1519.

И здесь необходимо упомянуть великого мореплавателя, который должен стоять рядом с Колумбом в деле открытия Южной Америки. Фернандо Магальянс (по-испански Магальянес), более известный как Магеллан, родился в Порту в конце пятнадцатого века. Он поступил на службу в португальский военно-морской флот в обычном раннем возрасте и служил в Индии под командованием Альбукерке. Полагая, что его заслуги в *Малакке* остались незамеченными, он ушел со службы в Португалии и обратился с предложениями о новых открытиях к кардиналу Хименесу. Он разделял точку зрения Колумба о том, что где-то должен существовать западный проход к морям за пределами Америки, которые видел Васко Нуньес де Бальбоа. Поддавшись соблазну заполучить *Молуккские острова*, отплыв на запад, поскольку по договору между Испанией и Португалией все страны, открытые на 180 ° западнее *Азорских*, должны были принадлежать первой стране, он получил флот из пяти судов с экипажем в двести тридцать четыре человека, который отплыл из Севильи под его командованием 10 августа 1519 года.

Они взяли курс на *Бразилию*, и в середине следующего декабря он вошел в реку *Плата*. Обнаружив, что это не пролив, он направился на юг и нашел убежище в гавани на побережье *Патагонии* на 49-м градусе Южной широты, которой он дал название Порт *Сан-Хулиан*. Во время своего пребывания здесь ему пришлось подавлять заговор среди четырех командиров своей эскадрильи, которые были испанцами и которые возмущались тем, что его

поставили над ними. Из них двое были повешены, третий зарезан, а четвертый выброшен на берег.

1520.

Только в августе 1520 года Магеллан, который ранее завладел портом *Сан-Хулиан* от имени короля Испании, двинулся на юг и 21 октября вошел в пролив, который отделяет *Патагонию* от *Огненной Земли* который носит его имя. 20 ноября он очистил пролив со своей эскадрой, которая из-за дезертирства одного корабля и потери другого теперь сократилась до трех судов. Триумфально выйдя на бескрайние просторы за его пределами, он был первым мореплавателем, доплывшим до них из Атлантики, и имел право присвоить им название *Тихого океана*. [J]

1526.

Имя, которое, наряду с именем Де Солиса, заслуживает упоминания в связи с открытием *Ла-Платы*, принадлежит Себастьяну Кэботу, сыну Джона Кэбота, генуэзского мореплавателя, который, находясь тогда на службе у Генриха VII, был первым европейцем, ступившим на североамериканскую землю. Говорят, что Себастьян Кэбот родился в Англии, местом его рождения указан Бристоль. В 1497 году он прошел вдоль берега от *Лабрадора* до *Флориды*. В 1526 году Кэбот, в то время главный лоцман короля Испании, принял командование эскадрой из четырех судов, снаряженных севильскими купцами. В апреле того же года он отправился в плавание с целью достичь Китая и Японии, которые тогда назывались Китаем и Чипанго, через проливы, открытые Магелланом в 1520 году; но из—за вспыхнувшего мятежа под его командованием он отказался от своего более амбициозного предприятия и решил довольствоваться продолжением открытия, сделанного злополучным Де Солисом.

Войдя в “Ласковое море”, Кэбот шел дальше, пока не достиг острова, который он назвал в честь *Габриэля*. Там, оставив свои суда, он исследовал с лодки побережье материка. Была обеспечена безопасная якорная стоянка на северном берегу, где он нашел одного из испанцев, высадившихся вместе с Де Солисом и спасшихся от каннибалов. Соорудив небольшой земляной вал, чтобы защитить часть своих людей, он приступил к исследованию верхней части реки. Достигнув слияния *Параны* и *Уругвая*, он отправил одного из своих офицеров с судном вверх по последнему течению, а сам поднялся вверх по первому, пока не достиг *Каркараньи* или *Терсеро*, где он воздвиг небольшой форт под названием *Сан-Эспириту*, оставив в нем гарнизон из семидесяти человек. Продолжая следовать своим курсом, он, преодолев бесчисленные трудности, должным образом достиг слияния *Параны* с *Парагваем*, почти в девятистах милях от моря. Исследовав *Парану* еще на сто пятьдесят миль, он затем вернулся к перекрестку и поднялся вверх по последнему ручью, и там неожиданно получил долгожданное подкрепление из Испании. Следующие два года Кэбот провел в дружеских отношениях с *гуарани*, от серебряных украшений которых произошло название *Ла-Платы*, а оттуда и *Аргентинской республики*, название которой было применено Кэботом к реке, которая сейчас называется *Парагваем*. Теперь этот способный и проникательный человек отправил в Испанию двух своих самых доверенных сторонников с отчетом о *Парагвае* и его ресурсах, а также за авторитетом и подкреплением, необходимыми для их приобретения. Их просьба была благосклонно принята,

но исполнена с таким опозданием, что в отчаянии выдающийся мореплаватель покинул район своих открытий с пятилетней задержкой.

1534.

Двое первых исследователей *Платы* были профессиональными мореплавателями; командир третьей великой экспедиции в этот регион был придворным и богатым рыцарем. *Дон Педро де Мендоса*, несомненно привлеченный названием Серебряного потока, взялся поселить испанскую расу на его берегах на следующих условиях, а именно: что регион, простирающийся от *Плиты* до *Магельянского пролива*, бесплодная территория, должен был находиться под его управлением; что он должен был продолжать свой путь мирными или военными средствами через континент, пока не достигнет океана; что он должен был получить титул *Аделантадо* и жалованье в четыре тысячи дукатов; что он должен был быть бессрочным *Алькальд* одного из трех фортов, которые он должен был основать; что за его наследниками должна быть закреплена должность первого *альгвасила* города, где он должен был устроить свою резиденцию; и что, если он захватит еще одного *Монтесуму* или *Атауальпу*, он и его солдаты получают две трети королевского выкупа. В качестве комментария к этим амбициозным взглядам Мендоса также взял с собой восемь священников для обучения и распространения бескорыстных доктрин христианства. Его отряд состоял примерно из двух тысяч человек и ста лошадей. Остановившись на своем пути в *Рио-де-Жанейро*, он оттуда проследовал вдоль побережья и вверх по реке *Плата* на расстояние в сто миль. Плоский южный берег находился тогда во владении *квиранди*, племени, которое давным-давно исчезло до появления цивилизации. Зеленые равнины, не покрытые лесами и не прерываемые холмами, не представляли собой никаких природных особенностей, по которым рыцарь мог бы получить название для своего города; но поскольку климат казался ему наилучшим, он решил назвать его *Буэнос-Айрес*.

1534.

Некоторое время соплеменники снабжали захватчиков продовольствием, но, с непостоянством варваров, однажды они отправили обратно своих гонцов растерзанными и с пустыми руками. Это был повод для войны. Брат Мендосы выступил против туземцев с тремя сотнями пехотинцев и тридцатью всадниками. До сих пор испанская кавалерия в своих столкновениях с американскими аборигенами неизменно добивалась успеха. Воины в кольчугах Кортеса или Писарро не раз перевешивали чашу весов победы; но кавалеры, атаковавшие *Диего Мендосу*, были встречены оружием, которое теперь впервые было применено против лошади и ее всадника. *Болас*, или каменные шары, прикрепленные друг к другу по три вместе полосками шкуры, были брошены в наступающего кентавра, который, запутавшись и остановившись, кубарем полетел на землю. *Дон Диего* и несколько всадников были убиты, а двадцать пехотинцев встретили свою смерть, прикрывая отступление своих конных товарищей. Дисциплина пехоты, однако, позволяла им оставаться хозяевами поля боя.

После этой встречи последователям Мендосы, казалось, грозил голод, и экспедиция, отправленная вверх по реке в поисках пищи, повсюду была встречена враждебно. Теперь Мендоса решил плыть вверх по течению и на острове нашел переводчика в лице одного из последователей *Кэбота*. *Буэнос-Айрес* тем временем частично успокоился после возвращения экспедиции, которая была отправлена за провизией с побережья *Бразилии*. Такова была степень, в которой светлым видениям Мендосы было суждено осуществиться. Измученный

телом и сломленный духом, рыцарь покинул место своих несчастий. На обратном пути его все еще преследовал голод, и рассудок изменил ему еще до того, как смерть пришла ему на помощь.

Мендоса передал свои полномочия своему лейтенанту Айоласу, который поднялся на *Парану* и достиг *Парагвая*, потеряв там один из своих кораблей. Те, кого он доставил, отправились по суше и встретили племя, в некотором отношении цивилизованное. *Укариос* были кукуруза и сладкий картофель, а на их фермах водились страусы, овцы и свиньи. Их столица была окружена кольями. Туземцы предложили захватчикам провизию при условии их ухода. Поскольку это предложение не было принято, завязалась драка, и туземцы бежали. Затем Айолас основал город, в котором взял себе, как нам рассказывают, семь жен, разрешив по две каждому из своих последователей. Город назывался *Асунсьон*.

1537.

Задержавшись на несколько месяцев в своем новом поселении, Айолас решил отправиться в направлении *Перу*; и, взяв с собой достаточный отряд, он оставил одного из своих офицеров, Иралу, с пятьюдесятью испанцами в *Канделарии* на *Парагвае*, в качестве вспомогательного отряда на случай своего отступления. Последующие месяцы были заняты им в странствиях по первобытному лесу, где он получил от одного племени радостную весть о наличии золота и серебра в прилегающих регионах. Айолас и его спутники были, однако, вынуждены искать обратный путь, когда их постигло разочарование из-за того, что они не встретили Иралу, который, отчаявшись в их возвращении, после шестимесячного ожидания вернулся в *Асунсьон*. Айолас и его люди вскоре после этого были убиты племенем *Пайагуас*. Ирала тем временем, отремонтировав свои суда, вернулся в *Канделарию* и предпринял новые, но, конечно, бесплодные попытки найти Айоласа, за смерть которого, когда он убедился в этом, он жестоко отомстил некоторым *Паягуа*.

1537.

Узнав историю о сокровищах, которые можно найти внутри страны, Ирала теперь сосредоточил свое внимание на их обнаружении. В *Буэнос-Айресе* богатство могло быть наградой только за трудолюбие, и поэтому поселение, основанное Мендосой, было заброшено, и вся испанская колония устремилась вверх по реке в *Асунсьон*. Они собрали шестьсот душ, и *Асунсьон* таким образом, стал самым ранним постоянным городом в регионе *Ла-Платы*.

1540.

В Испании считали, что до установления факта смерти Айоласа пост *Аделантадо* из *Ла-Платы* был назначен *доном* Альваром Кабесой де Вака, который провел десять лет в плену у туземцев *Флориды*. Кабеса де Вака отплыл из Испании с четырьмя сотнями последователей в 1540 году и к следующему марту высадился в *Санта-Каталине*, острове на побережье *Бразилии*, напротив *Парагвая*, где получил подтверждение о смерти Айоласа. После этого он смело двинулся с места на берегу недалеко от *Санта-Каталины*, направляясь по суше прямо в *Асунсьон*. Он взял с собой двести пятьдесят человек и двадцать шесть лошадей, остальных отправил водным путем в *Буэнос-Айрес*. В течение девятнадцати дней Кабеса шел по лесам, прежде чем достиг поселения *Гуарани*, у которого он смог раздобыть в изобилии еды для своих людей.

Во время отдыха с этими дружелюбными людьми исследователю посчастливилось встретиться с местным жителем по пути из *Асунсьона* в *Бразилию*, который взялся проследить за ним и проводить его к месту назначения. Покидая регион, где существовала определенная степень цивилизации — где выращивали кукурузу и мандарину, где люди жили в домах и разводили домашнюю птицу и уток, — испанскому лидеру пришлось еще раз доверить себя и своих людей трудному и рискованному походу через первобытный лес, через который, преодолев бесчисленные трудности, они, наконец, приблизились к своей цели. В течение одного дня они должны были построить целых восемнадцать мостов для проезда своих лошадей. Этот поход в основном проходил по течению реки *Игуазу*, притока *Параны*, которая берет свое начало недалеко от Атлантического океана. Чтобы избежать встречи с племенем, которое, как сообщалось, было враждебным, Кабеса де Вака сел с частью своего отряда на каноэ, намереваясь таким образом добраться до *Параны*, в то время как остальные его люди должны были пройти вдоль берега реки к месту слияния двух потоков. Но на его пути возникло препятствие, которое помешало осуществлению этого плана. *Игуазу*, ширина реки которой составляет около мили, протекая через бразильский лес, внезапно сужается на небольшом расстоянии выше ее слияния с *Парана*, достигая ширины чуть менее тысячи ярдов. Затем он разбивается на несколько каналов и устремляется по серии спусков, самый высокий из которых составляет сто семьдесят два фута. Об этом водопаде, который, хотя и малоизвестен, является, пожалуй, самым грандиозным в Южной Америке, узнают по реву вод и по поднимающемуся туману, который покрывает водопад на высоту более ста футов.

Индейцы, через поселения которых проходил Кабеса, хотя и казались дружелюбными, позволили ему подняться на *Игуасу* над водопадами, не предупредив об опасности, которая подстерегала его. Каноэ, которые были предоставлены исследователю, со страшной быстротой понесло по течению, и скорость их плавания увеличивалась по мере приближения к месту опасности; но отдаленный шум падающей воды предупредил Кабесу, что нужно держаться берега, вдоль которого на расстоянии полулиги его последователи вели свои каноэ, снова сажались у водопада и затем без остановок продвигались к месту слияния *Игуасу* с *Парана*.

Кабесе де Вака посчастливилось обезвредить любые враждебные намерения, которые, возможно, вынашивало против него войско *гуарани*, выстроившееся вдоль дальнего берега великой реки. Они даже помогли ему переправиться через реку на территорию, которая сейчас является *Парагваем*. Отправив на попечение дружественного индейского вождя и с охраной из пятидесяти солдат тех из своих людей, которые не смогли бы вынести утомительного перехода в *Асунсьон*, испанский вождь продолжил свой путь по суше; и, еще раз убедившись в трудностях путешествия по столь густо поросшей лесом местности, он, наконец, 11 марта имел удовольствие достичь поселения своих соотечественников.

1542.

После ухода Кабеса де Вака из *Параны* те из его людей, с которыми он расстался, были обречены испытывать неизменное непостоянство дикарей. Страх перед наказанием и надежда на получение подарков были в равной степени устранены, *гуарани* пытались всеми доступными им средствами избавиться от больных и их охраны; но благодаря помощи дружелюбного индейского вождя, заботам которого они были вверены, они смогли продолжить свой путь в безопасности и, спустившись по *Паране* до *Трес Бокас*, или трех устьев *Парагвая*, они поднялись по последней реке и достигли *Асунсьона* через месяц после своего предводителя. .

В то время, когда это сухопутное исследование региона между Атлантическим океаном и рекой *Парагвай* столь успешно проводилось под руководством Кабесы де Вака, другая экспедиция, имеющая еще большее географическое значение, проводилась в другом месте на том же Континенте; но прежде чем описывать открытие *амазонок*, необходимо вернуться к обстоятельствам, одним из результатов которых оно стало. Проследивая ход исследований на огромном континенте, невозможно связать события каждого года в точном порядке, в котором они происходили. Нужно описывать открытия одного региона за другим, возвращаясь при необходимости назад, чтобы рассказать о других исследованиях в других местах, которые, возможно, происходили одновременно с уже описанными. Поэтому, возможно, было бы желательно здесь проследить за разбирательствами по делу Кабеса де Вака в *Парагвае*. Его первой заботой было отправить корабли в *Буэнос-Айрес* на помощь той части его войск, которая была отправлена морем из *Санта-Каталины* в последнее место. Очевидно, что восстановление поселения *Буэнос-Айрес* имело первостепенное значение для общественных интересов. Без какого-либо порта у моря поселенцы во внутренних районах страны никогда не смогли бы найти средств сообщения с Испанией. Суда из *Санта-Каталины* достигли *Буэнос-Айреса* задолго до прибытия судов, отправленных из *Асунсьона*, и за это время испанцы, доставленные первыми, едва не погибли от голода. Силы из *Парагвая* прибыли вовремя, чтобы дать им возможность противостоять мощной атаке местных жителей. Они попытались выполнить приказ губернатора о восстановлении города, но в конце концов непрекращающийся дождь обескуражил их, и, оставив эту попытку, они отплыли в *Асунсьон*.

Кабеса де Вака заключил союз с *гуарани* и вместе с ними продолжил атаку на другое племя, *гуайкуру*, на противоположном берегу реки. Они, как и следовало ожидать, пришли в замешательство при виде его вооруженных лошадей и всадников и с готовностью согласились стать его союзниками. С их помощью он приготовился следовать курсом на исследование *Перу*; и пока строились суда для речного судоходства, он отправил Иралу вперед с экспедицией по суше. Вскоре последовав лично и миновав поселение в *Парагвае*, называемое *Пуэрто-де-лос-Рейес*, основанное Иралой, он проник в глубь страны; но из-за нехватки провизии ему пришлось вернуться в *Парагвай*. Там он и его люди в полной мере испытали все тяготы, сопутствующие жизни исследователей. Пока они были истощены голодом, изнурены лихорадкой и измучены москитами, на них напали грозные банды туземцев, победив которых, *Аделантадо* был рад снова повернуться лицом к *Асунсьону*. Однако по прибытии его ожидали новые неприятности. За время его отсутствия был составлен заговор. Его личность была схвачена, а власть узурпирована, Ирала был провозглашен губернатором вместо него. После одиннадцатимесячного заключения Кабеса де Вака был отправлен заключенным в Испанию вместе с двумя официальными лицами, которые должны были выдвинуть против него необоснованные обвинения; однако, несмотря на его невиновность и его заслуги, ему, как и Уоррену Гастингсу в более поздний период, пришлось в течение восьми лет ожидать оправдательного приговора.

Падение Кабесы де Вака не положило начало воцарению мира в *Асунсьоне*. Ирала был призван к власти в результате всенародных выборов, но его власть была ограничена притязаниями определенных официальных лиц, которые были выдвинуты на свои должности из Кастилии. Возникали споры и раздоры, но через некоторое время они утихли перед лицом объединения двух туземных племен против испанцев, наказать которые было поручено Ирале. Избранный лидер колонистов показал себя на высоте положения. Он успешно защитил колонию, которую в последующие два года использовал для укрепления. Но длительный период, посвященный

мирным занятиям, был не по вкусу человеку, отлитому по образцу Васко Нуньеса или Кортеса. Отправившись в путь с тремястами пятьюдесятью испанцами и двумя тысячами вспомогательных войск, он поднялся по *Парагваю* до *Сан-Фернандо*. Там основная часть экспедиции покинула русло реки, их лодки были переданы на попечение нескольких испанцев. Ирала вполне подходил на роль руководителя такой исследовательской экспедиции. Активный и опытный, он был в то же время осторожен, и его никогда не заставляли неподготовленным в чрезвычайной ситуации. После месяца или более странствий его слух наконец уловил звуки испанской речи из уст перуанца. Таково было первое сообщение, которое состоялось между испанцами, прибывшими из *Ла-Платы*, и теми, кто прибыл из Тихого океана.

1547.

Ирала, в соответствии с распоряжениями президента *Перу* Гаски, вернулся в *Асунсьон*. Там он раздавал своим последователям *репартиментос*, или партии земли и рабов, — мера, которая значительно увеличила его популярность. Он также основал новое поселение под названием *Сьюдад-Реаль*, недалеко от границы испанских и португальских территорий. В 1547 году *Асунсьон* стал резиденцией епископа, и примерно в то же время в *Санта-Крус-де-ла-Сьерра* была основана важная промежуточная станция между *Парагваем* и *Перу*, в то время как *испанская цивилизация также начала распространяться вниз от Парагвая* в направлении моря.....

Доходившие до Испании благоприятные слухи о климате и возможностях *Парагвая* были таковы, что привлекли туда многих эмигрантов, которые в противном случае обратились бы лицом к *Мексике* или *Перу*. Ирала постоянно стремился нивелировать различия, отделявшие испанцев от туземцев, и поощрять межличностные браки между ними. Эта политика со временем привела к заметному результату, а именно к тому странному сочетанию внешней цивилизованности и примитивной простоты, которое можно было найти в современной парагвайской расе, пока она не была уничтожена при младшем Лопесе. “Это был, ” цитирует мистера Уошберна, который прожил среди них восемь лет, “ аномальный народ, подобного которому никогда не видели ни в одной другой стране Америки. Причину этого можно найти в том факте, что ни в одной другой колонии первые колонисты в большом количестве не перенимали родной язык и не брали в жены индианок”.

1557.

Ирала, по сути, создал нацию. Колония под его управлением стала многочисленной и богатой. С момента его первого прибытия в Новый Свет и до самой смерти его карьера была полна активности, тяжелого труда и приключений, всегда связанных с добросовестным выполнением своего долга перед своим сувереном и теми, кто его окружал. Он был жизнью и душой колонии, и его смерть, произошедшая в 1557 году в деревне *Има* недалеко *Asuncion*, when he had attained the age of seventy years, was lamented alike by Spaniards and *Guaranís*, По оценке мистера Уошберна, он был первым и последним великим человеком, когда-либо известным *Ла-Плате*.

Начиная с этой даты, история Парагвая на длительный период лишена всех значимых событий, кроме одного. На самом деле, она состоит главным образом из учреждения и прогресса Ордена Иисуса в этой стране. Рассказ о происхождении и продвижении этого замечательного движения следует отложить до следующей главы.

ГЛАВА VI.

ОТКРЫТИЕ ПЕРУ.

1521-1528гг.

1521.

Под давлением огромного ажиотажа, вызванного открытиями Колумба, все восточное побережье американского континента, от *Лабрадора* на севере до *Огненной Земли* на юге, было исследовано примерно за тридцать лет, начиная с 1492 года нашей эры. В 1520 году португальский мореплаватель Магелъяйнш, или Магеллан, плывший под испанским флагом, нашел, как уже было сказано, западный путь через проливы, носящие его имя. Следует помнить, что первое отчетливое сообщение о существовании *Перу* было сделано Васко Нуньесом де Бальбоа, первооткрывателем Южного моря, примерно в 1511 году. Попытки этого выдающегося исследователя проникнуть к перуанскому побережью были обречены на неудачу, но идея достичь золотой земли не была упущена из виду его преемниками. *Дариен* был признан неподходящим местом для проведения экспедиций по *Тухому*, the capital of Central America was in the year 1518 transferred to *Panamá*, the governor being still Pedrarias; but several years elapsed before serious efforts of discovery were made in a southern direction, though meanwhile communication had been established through Central America with *Mexico.*.,

1522.

Только в 1522 году из *Панамы* на Юг была отправлена очередная экспедиция, и ее руководитель проник не дальше Бальбоа.

1524.

Но в 1524 году в колонии были найдены трое мужчин, чьи соответствующие характеристики указывали на то, что они идеально подходят для совместного открытия и завоевания, не менее ослепительного и чудесного, чем то, которое было совершено Кортесом. Это были Франсиско Писарро, Диего Альмагро и Эрнан де Луке, викарий *Панамы*, который, однако, был всего лишь уполномоченным лиценциата Эспинозы, поставлявшего средства.

Знаменитый Писарро был уроженцем Трухильо в Эстремадуре, и на момент открытия *Перу* ему было значительно больше пятидесяти лет. В юности его не учили ни читать, ни писать, но его воображение было пленено странными рассказами о Новом Мире за морем, которые он слушал. Отправившись вместе с другими искателями приключений из Севильи, он добрался до *Эспаньолы*, а затем до *Дариена*, откуда он сопровождал Бальбоа в походе через горы, который привел к открытию Южного океана. Позже он вместе с резиденцией правительства переехал из *Дариена* в *Панаму* и отличился в завоевании племен на севере. Из сообщников Писарро Альмагро, как и он сам, был неграмотным солдатом удачи и жил в том же возрасте, в то время как Луке обеспечил большую часть мозгов и средств, необходимых для их совместного предприятия.

На долю Альмагро выпало заняться приготовлениями к путешествию. В *Панаме* были снаряжены два небольших судна, первое из которых отплыло из этого порта с примерно сотней человек на

борту под командованием Писарро в ноябре 1524 года: Альмагро должен был следовать на втором. Писарро, причалив к *Жемчужному острову*, пересек залив *Сан-Мигель* и, обогнув порт *Пинас*, вошел в реку *Биру*, современное название этой части света, как полагают, является искажением этого слова. Проплыв вверх по течению две лиги, Писарро приказал своему небольшому отряду высадиться на берег и продолжил исследовать местность. Был сезон дождей, и земля представляла собой обширное болото, окаймленное густым подлеском, за которым простиралась холмистая местность, неровная и каменистая. Временами стояла невыносимая жара. При таких обескураживающих обстоятельствах, когда его люди были голодны и измучены, Писарро вернулся на свое судно, которое, спустившись по реке в океан, продолжило свой путь на юг. На расстоянии нескольких лиг он снова причалил, чтобы набрать дров и воды, после чего снова двинулся на юг. Теперь он столкнулся с ужасающим тропическим штормом, и в течение десяти дней экипажу требовались все усилия, чтобы предотвратить затопление корабля. Они также страдали от крайней нехватки пищи и воды и не жалели о том, что вернулись в порт, где высадились в последний раз.

С тем же обескураживающим видом местности, который встретил их на *Биру*, они теперь столкнулись здесь. В их голодном и жалком состоянии красота запутанных зарослей, с их сетью ползучих растений и цветущих лоз, была отброшена прочь от их глаз; они не знали ничего, кроме непрекращающегося дождя, невыносимой грязи и непрекращающегося одиночества.

Однако дух Писарро был непокорен. По требованию своих последователей он согласился отправить судно обратно на Жемчужный остров, чтобы пополнить запасы провизии, но с условием, что он сам тем временем исследует прилегающую страну. Однако никакие следы человеческого жилья не увенчались успехом в его поисках, в то время как единственным источником пропитания для его народа были моллюски, которых они могли подобрать на берегу, или ягоды и травы, которые можно было найти в лесу. Он был неутомим в заботе о нуждах своих людей или в попытках облегчить их страдания; однако более двадцати из них умерли в течение томительных недель, последовавших за отплытием судна.

Однажды, находясь в таком жалком положении, Писарро был обрадован неожиданным сообщением о свете, замеченном в соседнем лесу. Взяв с собой группу своих людей, он немедленно последовал в том направлении и, выбравшись из лабиринта кустарников, набрел на туземную деревню, жители которой, напуганные неожиданным появлением, немедленно разбежались. Они оставили провизию в своих хижинах испанцам, для которых она была отсрочкой от смерти. Продуктами питания были кукуруза и какао-орехи.

1525.

Поскольку по отношению к туземцам не было применено никакого насилия, они вскоре вернулись и вступили в сношения с чужеземцами, чьи глаза теперь радовали золотые украшения, которые носили перуанцы. Таким образом, Писарро получил подтверждение старым сообщениям о существовании золотой земли на юге, и теперь он узнал, что ею правил монарх, живший на расстоянии десяти дней пути за горами.

Через шесть недель после отплытия судно вернулось, привезя с собой обильный и долгожданный запас провизии. Он был задержан штормовой погодой и неблагоприятными ветрами.

Надежда и пища теперь объединились, чтобы вернуть испанцам их стремление к открытиям; и Писарро, вновь поднявшись на борт своего судна, покинул место, которому он дал название *Порта Голода*, и снова поплыл на юг. Не руководствуясь картами или лоцманами, он медленно прокладывал свой путь вдоль неизвестного побережья, приземляясь в каждой удобной точке. В открытой бухте он высадил несколько человек и на небольшом расстоянии от берега наткнулся на туземную деревню, жители которой при приближении чужаков бежали к своим холмам. В их хижинах испанцы нашли как запасы еды, так и несколько золотых украшений. Однако они были в ужасе от открытия, что находятся в стране, населенной каннибалами. Снова погрузившись на корабль, Писарро и его люди все еще держали путь на юг, пока не достигли мыса, который он назвал *Пунта-Кемада*, и где он отдал приказ бросить якорь и высадился с большей частью своего войска.

Продвинувшись примерно на лигу вглубь страны, он нашел, как и ожидал, туземный город, довольно большой и способный к обороне; но жители, как обычно, бежали, оставив свои припасы и украшения. Теперь Писарро считал необходимым отослать свое судно для ремонта в *Панаму*, а сам тем временем обосновался в этом индейском поселении, отправив отряд на разведку местности.

Теперь произошло первое столкновение между туземцами и захватчиками. Первые увидели возможность атаковать разведывательный отряд, будучи отделенными от основных сил. Захваченные врасплох испанцы сначала пришли в беспорядок и потеряли троих убитыми и нескольких ранеными; но, собравшись с силами, они ответили на выпуск стрел из своих арбалетов, а затем бросились в атаку с мечами в руках, гнав туземцев перед собой.

Перуанцы, будучи, конечно, знакомы с этой местностью, направились к позиции Писарро, которой достигли до того, как его лейтенант смог вернуться, и начали штурмовать его. Но условия ведения боя были несправедливо сбалансированы. Обнаженные и раскрашенные перуанцы, какими бы храбрыми они ни были, могли произвести лишь слабое впечатление на осторожных испанцев, облаченных в доспехи и которыми командовал опытный солдат. Писарро сделал вылазку со своими людьми, и туземцы на какое-то время отступили перед ним. Вернувшись в атаку и выделив Писарро, они нанесли ему семь ран и вынудили отступить. Однако он был спасен от поражения своевременным прибытием своего лейтенанта, который, атаковав туземцев с тыла, привел их в замешательство и вынудил уступить место своим противникам, которые потеряли двоих убитыми, помимо множества раненых.

В этих обстоятельствах было необходимо пересмотреть намерение отправить судно обратно, и в целом было сочтено лучшим, чтобы все вернулись на нем в *Панаму*, недалеко от которой Писарро высадился на берег с большей частью своих людей, в то время как его казначей продолжал представлять губернатору свой отчет вместе с собранным золотом.

Во время этой первой экспедиции Писарро его сподвижник Альмагро, наконец снарядив их второе судно, отправился вслед за своим лидером с отрядом примерно из семидесяти искателей приключений. Прокладывая свой путь по деревьям, которые были обозначены в качестве ориентиров, он вовремя прибыл в *Кемаду*, где, как и Писарро, столкнулся с враждебностью туземцев. Альмагро, высадившись, захватил это место с мечом в руке и, поджигая жилища, загнал туземцев в лес. Затем он продолжил свое путешествие и побывал в нескольких местах, где, хотя и был вознагражден находкой золотых украшений, больше не обнаружил никаких следов присутствия Писарро. В этой неуверенности он тоже вернулся на

Перешеек и вскоре присоединился к своему другу, который поручил ему отправиться в *Панаму* и договориться с губернатором о дальнейшем продолжении их предприятия.

1526.

Под влиянием Луке был заключен новый договор о завоевании *Перу*, командование экспедицией было возложено совместно на Писарро и Альмагро на равных условиях, что глубоко огорчило первого и оказалось зародышем будущих неприятностей. Конфедераты, не теряя времени, приступили к осуществлению своего предприятия. Между ними был заключен договор, в котором было заявлено, что, поскольку стороны обладают всеми полномочиями открывать и подчинять страны и провинции, лежащие к югу от Персидского залива, принадлежащие Империи *Перу*, и поскольку Фернандо де Луке авансировал средства для этого предприятия в золотых слитках стоимостью в двадцать тысяч *песо*, они взаимно обязуются разделить поровну между собой всю завоеванную территорию. Оба капитана торжественно обязуются посвятить себя исключительно настоящему предприятию до тех пор, пока оно не будет выполнено; и в случае невыполнения своей части соглашения они обязуются возместить Луке его авансы, ответственность за которые возлагается на все имущество, которым они владеют, и это заявление должно быть достаточным основанием для исполнения судебного решения против них таким же образом, как если бы оно исходило из постановления суда. Военачальники, Писарро и Альмагро, поклялись именем Бога и Святых Евангелистов свято соблюдать этот завет, поклявшись в этом на молитвеннике, на котором они собственными руками начертили священную эмблему Креста. [К] Следует отметить, что этот договор, датированный 10 марта 1526 года, был подписан только Де Люком из трех договаривающихся сторон, две другие были представлены свидетелями, поскольку обе не умели писать. Это замечательное соглашение, посредством которого христианский священник и два авантюриста договорились об условиях, на которых они должны были разделить между собой огромную империю со всеми ее богатствами, не соответствовало бы духу эпохи, если бы оно не носило религиозный характер. Он был составлен во имя Святой Троицы и Девы Марии, и в его соблюдении была дана клятва на Кресте, в то время как по его заключению договаривающиеся стороны по отдельности приняли таинство Причащения.

Когда эти предварительные приготовления были завершены, были приобретены и оснащены два судна; но возникли некоторые трудности с подбором людей. Однако было собрано около ста шестидесяти искателей приключений и куплено несколько лошадей. Таким образом, Писарро и Альмагро снова покинули *Панаму*. Больше не прижимаясь к побережью, они направились к самой дальней точке, ранее достигнутой Альмагро, и без происшествий добрались до реки *Сан-Хуан*, берега которой были застроены местными жилищами. Писарро начал здесь свой разбойный акт с того, что напал врасплох на деревню и утащил нескольких туземцев и много золотых украшений. После этого первого успеха было решено, что Альмагро должен вернуться на перешеек, где вид золота мог соблазнить новых рекрутов; в то время как лоцман, взяв другое судно, разведает побережье к югу, Писарро тем временем останется у реки.

Лоцман Руис плыл на юг до бухты, ныне известной под названием *Святого Матфея*, когда его поразило странное появление судна значительных размеров. Когда он приблизился, оказалось, что это плот из нескольких огромных бревен светлого дерева, плотно связанных вместе, с двумя мачтами, на которых висел квадратный хлопчатобумажный парус, а управлялся он с помощью

грубо сделанного руля. Можно мимоходом упомянуть, что эту простую форму судна и в наши дни можно увидеть на перуанском побережье. Лоцман обнаружил на борту как мужчин, так и женщин, на которых были надеты изделия из кованого серебра и золота, их платья были сшиты из шерстяной ткани тонкой фактуры и расшиты разноцветными птицами и цветами. От этих ничего не подозревающих туземцев он узнал, что на их полях пасутся стада животных, которые дают им шерсть, в то время как в их стране изобилуют золото и серебро. Руис, будучи не менее беспринципным, чем его товарищи, задержал нескольких туземцев, чтобы они повторили и продемонстрировали на примерах эти чудеса и, выучив испанский, получили квалификацию переводчиков. Когда барку разрешили продолжить свое плавание, Руис двинулся на юг и стал первым европейцем, пересекшим границу *Тихого* океана. Достигнув *Пунта-де-Пасад*о, он вернулся обратно и присоединился к Писарро.

1526.

Возвращаясь к этому авантюристу: после отъезда Руиса и Альмагро он направился в глубь страны, где не столкнулся ни с чем, кроме трудностей. Лес был настолько густым, что казался почти непроходимым, и холм поднимался за холмом чередой хребтов, далеко вдалеке ограниченных барьером из *Анд*. Из-за этих трудностей многие испанцы погибли, в то время как некоторые были подстерегаемы и отрезаны туземцами. Вдобавок ко всему этому наступил голод, и им пришлось поддерживать жизнь на тех кореньях или плодах, которые давал лес. Можно упомянуть, что в отчетах этой экспедиции мы находим самое раннее упоминание об овоще, играющем столь важную роль в нашей современной домашней экономике, - картофеле; который, таким образом, известен европейцам с 1526 года, и первыми европейскими первооткрывателями которого были Писарро и его группа. Из этого жалкого положения в лесу или на берегу авантюристов вывело возвращение Руиса, за которым вскоре последовал Альмагро с запасом провизии и подкреплением в количестве восьмидесяти рекрутов.

Воодушевленные таким образом, искатели приключений снова поднялись на борт; но только после того, как было преодолено множество опасностей, они наконец нашли убежище на острове *Галло*, который посетил Руис. Здесь они оставались две недели для ремонта своих судов, после чего возобновили плавание и достигли залива *Святого Матфея*. Когда они продвигались вдоль побережья, их поразили свидетельства цивилизации и привлекательный вид страны. Были обнаружены участки обработанной земли, на которых росли кукуруза и картофель.

В *Такамесе* испанцы увидели город, насчитывающий две тысячи домов, мужчины и женщины в котором носили на себе вожденные золотые украшения. Туземцы, однако, не проявляли склонности спокойно отдавать свое имущество и сокровища захватчикам; напротив, они проявляли явные признаки враждебности. Писарро высадился на берег с несколькими своими людьми, но, хотя и был настроен мирно, не смог предотвратить столкновение. Испанцы подверглись сильному натиску, и говорят, что своим благополучным отступлением они были обязаны ужасу, вызванному среди туземцев падением одного из всадников со своего коня. Перуанцы, никогда прежде не видевшие коня без всадника, были поражены разделением двух частей кентавра, каждая из которых оставалась живой сама по себе, и в смятении отступили перед этим явлением.

Перед лицом враждебности, с которой, как предвидели испанцы, им придется столкнуться, теперь было необходимо все обдумать; и соответственно был созван военный совет, на котором

были высказаны противоречивые мнения, причем Писарро и Альмагро придерживались противоположных взглядов, и им с некоторым трудом помешали обнажить мечи друг против друга. Спор, однако, закончился соглашением, согласно которому Альмагро, как и прежде, должен был отправиться в *Панаму* за помощью, в то время как Писарро с частью своих людей должен был ожидать его возвращения на острове *Галло*, недалеко от побережья. Последователи последнего, однако, решительно протестовали против этого соглашения и тайно сообщили о своем недовольстве властям *Панамы*.

Возвращение искателей приключений в это место вызвало большое смутнение. Губернатор не только решительно отказался от всякой дальнейшей помощи в этом вопросе, но и немедленно послал два судна, чтобы вернуть Писарро и его сторонников с острова, на котором они тем временем терпели крайние страдания. Но суда, спасавшие его последователей от голода, доставили Писарро письма от двух его сподвижников, умолявших его не считать предприятие проигранным. Укрепленные этим выражением надежды, Писарро, пилот Руис и двенадцать других решили оставаться там, где они были, и ожидать того, что им уготовила судьба. Им понадобилась вся их сила духа. Построив плот и перебравшись на другой соседний остров, под названием *Горгона*, где им было легче защищаться, им пришлось оставаться там в течение семи томительных месяцев, прежде чем к ним на помощь прибыло судно. Хотя он не привез свежих рекрутов, его прибытие, тем не менее, было встречено с радостью, и вскоре Писарро и его люди снова были на плаву под руководством лоцмана Руиса. Им предстояло утомительное трехнедельное плавание, прежде чем они прибудут в *Гуаякильский залив*. Побережье здесь было усеяно городками и деревушками, над которыми возвышались *Чимборасо* и *Котопакси*. Ведомые двумя туземцами, которых они взяли с собой из *Болсы*, они теперь держали курс на город *Тумбес*, место значительных размеров. Связь с жителями была налажена с помощью находившихся на борту переводчиков, которым было поручено заверить своих соотечественников в мирных намерениях незнакомцев. После этого им доставляли провизию из *бальзамов*, нагруженных бананами, индийской кукурузой, сладким картофелем, ананасами и какао-орехами, к которым добавляли дичь, рыбу и *лам*, или перуанских овец. На одном из *бальзамов* также находился перуанский вождь, которому, естественно, было любопытно узнать, что привело Писарро и его последователей к этим берегам. Писарро, согласно испанскому историку, ответил, что он был слугой величайшего из государей и что он прибыл в эту страну, чтобы утвердить законное господство своего господина над ней и донести до ее жителей свет единственной истинной религии.

Здесь уместно было бы мимоходом отметить моральный аспект экспедиции, руководителем которой был Писарро, который не может быть оправдан, если измерять его даже по шкале морали греков или римлян; ибо они, хотя и не проявляли чрезмерной щепетильности по отношению к естественным правам тех, кого они называли варварами, по крайней мере позаботились о том, чтобы обеспечить *casus belli*. Для завоевания *Перунельзы* использовать никаких подобных оправданий. Случилось так, что эта преданная страна находилась в границах, отведенных папой Александром VI Испании; но было бы несколько затруднительно обвинять Церковь в вине и позоре массового грабежа и резни, которыми сопровождалось испанское завоевание. Церковь проявляла похвальное желание расширить сферу своего влияния; и если считать, что цель оправдывает средства, она, без сомнения, могла бы поздравить себя с тем, что те обширные регионы, где никогда не произносили имя Иисуса, теперь вот-вот окажутся в пределах ее досягаемости. Как католика, Писарро можно простить за то, что он стремился к дальнейшим планам, освященным главой Церкви; в то время как как

верноподданный, он в то же время стремился расширить владения своего суверена. Ответственность за разрешение и одобрение экспедиций, подобных той, во главе которой он был, должна лежать на папе или императоре или на тех, кто действовал в соответствии с их полномочиями. И все же Писарро был там не для того, чтобы обращать в свою веру или просто завоевывать, и уж тем более не горел, подобно Колумбу, рвением к развитию науки. Его целью в основном было добыть золото; и, как бы мы ни восхищались его упорством и энергией, великолепные масштабы, с которыми совершались его грабежи, не должны заставлять нас рассматривать его в каком-либо ином свете, кроме как как флибустьера.

Было неизбежно, что со временем Южная Америка должна была быть исследована так же, как сейчас исследуется Африка; но мир следует поздравить с тем, что по прошествии веков уважение цивилизованных народов к более слабым расам становится несколько больше, хотя в этом отношении все еще есть много возможностей для улучшения.

Перуанский вождь был задержан на борту до обеда и вежливо отпущен, Писарро на следующий день отправил двух своих людей на берег с подарком для губернатора. Они вернулись с таким чудесным рассказом, что Писарро, несколько не доверяя ему, на следующий день послал на берег человека, чьим показаниям он мог бы больше доверять, но который по возвращении лишь подтвердил то, что говорили другие о чудесах *Тумбеса*, — города, который, будучи самым важным местом на границах *собственно*, мог похвастаться великолепным храмом с обителью Дев Солнца. В

При получении этого известия чувства Писарро были двоякого рода — восторг от того, что он наконец-то действительно оказался в пределах видимости золотых трофеев, ради получения которых он через столько прошел, и горькое сожаление о том, что в такой момент его последователей не было поблизости, чтобы позволить ему завладеть ими. Не имея перед собой другого выхода, он неохотно покинул *Тумбес* — добычу, которая должна была дождаться более удобного времени года. Плывая еще дальше на юг, он заходил в различные пункты, и везде его принимали с гостеприимством, пока, достигнув почти девятого градуса южной широты и убедившись в неопровержимых доказательствах существования великой империи, он не уступил желаниям своих последователей и не вернулся обратно в *Панаму*. Следует упомянуть, что, посетив *Тумбес* на обратном пути, он оставил там нескольких своих спутников в качестве гостей местных жителей, в то время как ему было разрешено взять с собой двух или трех перуанцев, которым предстояло стать переводчиками.

1528.

По прибытии в *Панаму*, где он уже давно считался пропавшим без вести, его встретили с большой радостью, но даже после того, как история о его открытии была повторена, губернатор упрямо отказывался оказать какую-либо помощь в дальнейшем осуществлении его предприятия. Это был тяжелый удар по Писарро и двум его сообщникам. Теперь ничего не оставалось, как обратиться непосредственно к короне. После некоторых трудностей необходимые средства были собраны, и весной 1528 года Писарро и один из его товарищей, взяв с собой нескольких уроженцев *Перу* и кое-какие продукты этой страны, отправились рассказывать свою историю при кастильском дворе.

Примечание.— В качестве примера повторения истории можно отметить, что в одном из мест, куда заезжал Писарро по возвращении в *Панаму*, его принимала высокопоставленная

перуанская дама, которой он изложил свои мотивы посещения страны. В заключение он развернул флаг Кастилии, который потребовал, чтобы его хозяйка и ее слуги подняли в знак своей преданности его суверену, хотя они, конечно, не подозревали о характере совершаемого ими действия. Разве мы не помним о недавнем разбирательстве дела М. де Бразза по *Конго*?

ГЛАВА VII.

ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРУ.

1529-1542гг.

Писарро, вернувшись в Испанию, застал императора Карла V. в Толедо и был встречен любезным приемом. Суд с интересом выслушал рассказ о его морских и сухопутных приключениях и с интересом осмотрел продукты *Перу*, которые он привез с собой. Его рассказам о богатстве, свидетелем которого он был, охотнее верили благодаря опыту другого испанца, которого он теперь встретил при дворе, знаменитого завоевателя *Мексики*. Однако дела в Испании продвигались с вошедшей в поговорку медлительностью, и только по истечении года со дня его прибытия в страну была подписана капитуляция, определяющая полномочия Писарро.

1529.

По этому соглашению ему было предоставлено право открытия и завоевания в *Перу*, или Новой Кастилии, с титулами генерал-капитана провинции и *Аделантадо*, или лейтенант-губернатора. Он также должен был получать значительное жалованье и иметь право возводить определенные крепости под своим правительством, короче говоря, осуществлять прерогативы вице-короля. Альмагро был просто назначен комендантом крепости *Тумбес* в звании *идальго*, в то время как отец Луке стал епископом того же места. Луке также должен был стать “защитником индейцев” с ежегодным жалованьем, которое, как и у его соратников, должно было поступать из доходов завоевываемой страны.

Писарро, со своей стороны, должен был собрать в течение шести месяцев силы численностью в двести пятьдесят человек, в то время как их правительство обязалось оказать некоторую помощь в закупке артиллерии и припасов. Руис получил титул Великого лоцмана Южного океана; Педро де Кандиа, сопровождавший Писарро, был назначен начальником артиллерии; а остальные одиннадцать товарищей, оставшихся с ним на пустынном острове, получили звание *идальго*, или джентльменов. В соглашение были включены либеральные положения, поощряющие эмиграцию в *Перу*, и Писарро было предписано соблюдать действующие правила для хорошего управления и защиты коренных жителей Америки. “Будет только справедливо по отношению к испанскому правительству, - говорит Прескотт, - признать, что его положения в целом руководствовались гуманной и осмотрительной политикой, которая столь же регулярно срывалась алчностью колонистов и капризной жестокостью завоевателей”. Но можно спросить, какое оправдание имеет испанское правительство в том, что оно вообще предприняло или санкционировало завоевание *Перу*; в нападении на безобидный народ и уничтожении его страны путем упреждающего маневра? Если бы перуанцев оставили в покое,

не было бы необходимости обеспечивать их защиту; и каким бы желательным ни было их обращение, осуществление этого с помощью меча могло быть санкционировано Кораном, но уж точно не Новым Заветом.

Можно отметить, что, хотя Писарро был обязан сопровождать определенное количество священнослужителей, ему в то же время было строго запрещено разрешать присутствие адвокатов в новых поселениях. В целом, условия этого соглашения не способствовали усилению веры в честность Писарро, который, действуя в качестве их посланника, строго обязал себя действовать совершенно справедливо в обеспечении интересов своих партнеров; но абсурдно искать в протоколах сделки, которая от начала до конца была хищением и мошенничеством, что-либо в форме честности.

1530.

Эта торжественная помолвка была завершена к удовлетворению нового рыцаря ордена Сантьяго, и он нашел время нанести краткий визит в свой родной город Трухильо, где его ждали четыре сводных брата, которым предстояло сыграть заметную роль в *Перу*; из этих четверых трое были Писарросами, из которых только один, Эрнандо, который был его старшим, был законнорожденным. Четвертый был незаконнорожденным сыном матери Франсиско Писарро. Трех из них, как и его самого, ждала насильственная смерть в *Перу*. Он столкнулся с немалыми трудностями в соблюдении условий соглашения в указанный срок. Он, однако, ухитрился отправиться из Севильи в январе 1530 года, его брат Эрнандо последовал за ним *нарандеву* в *Гомере* на Канарских островах; и в назначенное время он достиг порта *Номбре-де-Диос*, где к нему присоединились Луке и Альмагро. Последний из них был в немалой степени разочарован назначенной ему должностью. Писарро извинился, как мог, заявив, что он сделал все, что мог; что правительство возражает против разделения властей; и что страна, лежащая перед ними, достаточно велика для обоих.

1531.

Теперь в конфедерацию, предпринявшую завоевание *Перу*, вошел новый элемент. Эрнандо Писарро имел все, чтобы извлечь выгоду из исключительного превосходства своего брата, и с самого начала это едва не привело к разрыву между ним и Альмагро. Последний действительно зашел так далеко, что вступил в переговоры о покупке судов, чтобы продолжить экспедицию без помощи "Писарро"; но от этого курса его отговорили представления Луке. Когда это временное примирение было достигнуто, не было потеряно времени на подготовку к путешествию. Были предоставлены три судна взамен тех, что остались на противоположной стороне перешейка; было собрано войско численностью около ста восьмидесяти человек с двадцатью семью лошадьми; и Писарро в начале января 1531 года в третий и последний раз отправился к побережью *Перу*. Ранее его отъезда, проповедь была проповедана в силу один из доминиканцев, выбранным для миссии; масса была выполнена, и Святое Причастие проводилось каждое из солдат это крестовый поход—крестовый поход вдохновлен рвение к богатству, нежели религия, и направлено не против агрессивной сарацин, но безобидных американцы, чьим единственным преступлением было богатство.

Оставив своего коллегу Альмагро собирать рекрутов, Писарро направился в *Тумбес*. Однако встречные ветры вынудили его бросить якорь в заливе *Сент-Мэтью*, где он решил высадить свои войска и продвигаться вдоль побережья. Переход был нелегким, поскольку ручьи были

полноводными, и их приходилось пересекать там, где они были шире всего. Однако жизнерадостный дух Писарро преодолевал все трудности. В первой же значительной деревне туземцы были захвачены врасплох, и большая добыча, включая множество изумрудов, попала в руки испанцев. Золотые и серебряные украшения были сложены в общую кучу; королевская пятая часть была вычтена за корону, а остальное было распределено между офицерами и солдатами. Этот обычай господствовал на протяжении всего завоевания, и любой, кто его нарушал, карался смертной казнью. Теперь Писарро отправил обратно в *Панаму* суда, которые сопровождали его до сих пор вдоль побережья и которые увезли значительное количество золота, вид которого мог привлечь новобранцев.

В течение оставшейся части похода к *Гуаякильскому* заливу испанцы жестоко страдали как от смертельной эпидемии, так и от сильного солнечного жара. Однако они не встретили сопротивления со стороны туземцев, которые, встревоженные их действиями, при их приближении бежали в лес. Достигнув окрестностей *Тумбеса*, Писарро решил остановиться на некоторое время на маленьком острове *Пуна*, где произвольный акт наказания с его стороны вскоре вовлек его в ожесточенную борьбу с островитянами. Здесь, как и везде, испанская дисциплина одержала верх, несмотря на огромные трудности; и все же он не сожалел о том, что его тяжелое положение было облегчено прибытием двух судов, доставивших несколько лошадей и сотню рекрутов, с которыми, в дополнение к его прежним силам, он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы вернуться на континент и возобновить свои агрессивные операции.

Жители *Тумбеса* на этот раз не встретили испанцев с прежним радушием. Напротив, один из *бальзамов*, перевозивших их, был схвачен, а три человека унесены в соседний лес и убиты. Войдя в город, Писарро был поражен, обнаружив его не только заброшенным, но и почти полностью разрушенным. Только несколько солидных зданий — и то без украшений — остались на месте правительства *Альмагро* и епископства *Луке*! Писарро, отправив небольшой отряд в погоню за беглецами, был настолько удачлив, что попал в руки местного губернатора, от которого он получил объяснение, что полуразрушенное состояние города было результатом ожесточенной борьбы с жителями *Пуны*. Он также узнал, что двое последователей, которых он оставил во время своего предыдущего визита, погибли. Однако один из них завещал ему свиток, который Писарро получил от ничего не подозревающего туземца и на котором были написаны слова: “Знай, кем бы ты ни был, если тебе доведется ступить в эту страну, что в ней больше золота и серебра, чем железа в *Бискайе*”. Однако этих сведений, какими бы обнадеживающими они ни были, оказалось недостаточно, чтобы восстановить боевой дух солдат, которые полностью рассчитывали на добычу в *Тумбесе*.

1532.

Писарро чувствовал настоятельную необходимость активно использовать своих солдат, но в то же время он боялся продвигаться дальше вглубь страны, не имея полной информации. Он выбрал средний путь. Оставив позади часть своих людей, он сам с оставшимися разведал внутренние районы. В мае отряд под его собственным командованием продолжал наступление по более равнинной местности, в то время как меньший отряд огибал склоны *Анд* под командованием Эрнандо де Сото, кавалера, впоследствии прославившегося как первооткрыватель Миссисипи, чей портрет можно увидеть в Ротонде Капитолия в Вашингтоне. Испанский вождь, осознав необходимость без необходимости не провоцировать враждебность туземцев, поддерживал строгую дисциплину и приказал своим людям воздерживаться от любых

актов насилия. Своим снисходительным поведением он вскоре изгладил прежние неблагоприятные впечатления о нем, и его радушно принимали в деревнях под *Кордильерами*. Повсюду провозглашая, что он пришел от имени папы Римского и короля Испании, простые туземцы невольно видели себя подданными последнего, в качестве предварительного условия для того, чтобы стать членами веры, главой которой был первый.

После месяца, проведенного в разведке, Писарро остановил свой выбор на долине *Тангарала* в качестве места своего нового поселения. Эта богатая местность, пересеченная судоходными реками со стороны моря, находилась на расстоянии тридцати лиг от *Тумбеса*, и туда он отправил людей, которых оставил там для ремонта. Не успели они прибыть, как начались приготовления к строительству поселения. Древесины и камня было в избытке, и вскоре *Сан-Мигель* мог похвастаться церковью, журналом, залом правосудия и фортом. Было организовано муниципальное управление; соседние земли были разделены между жителями; и к каждому колонисту было приставлено несколько туземцев в качестве рабочих, — эта последняя мера, как считалось, способствовала их приобщению к истинной вере. Луке, “защитник индейцев”, остался в *Панаме*.

Совершив эту важную операцию, Писарро приказал переплавить награбленные им золото и серебро. После того, как пятая часть была вычтена из суммы в крону, солдат убедили пока отказаться от своей доли, и она была отправлена обратно в *Панаму*, чтобы заплатить судовладельцам и поставщикам снаряжения для экспедиции. Тем временем вождь добыл важную информацию, касающуюся *Перу*. Эта несчастная земля недавно была предметом соперничества между двумя братьями, и победитель со своим войском теперь стоял лагерем на расстоянии десятидневного перехода от *Сан-Мигеля*. Писарро рассудил, что в целом было бы лучше повести своих людей на действительную службу, а не позволять их пылу угасать в ожидании дальнейшего подкрепления. Эти силы были действительно небольшими, чтобы попытаться завоевать могущественную империю. Они состояли примерно из ста семидесяти человек, за вычетом пятидесяти для защиты его поселения. Но никто не может обвинить Писарро в нерешительности. Он решил нанести прямой удар *поинке* и в сентябре покинул *Сан-Мигель* во главе имевшихся у него людей.

Перуанская империя сейчас отдыхала после внутренней борьбы между сыновьями Уайны Капака, завоевателя *Кито*, который оставил два королевства своей империи своим сыновьям Уаскару и Атауальпе. Пять лет спустя братья вступили в войну друг с другом, и их двухлетнее соперничество лишь недавно было решено в пользу последнего, который теперь надел алую *борлу*, или диадему *инков*. Покинув *Сан-Мигель*, Писарро и его отряд двинулись маршем по девственным лесам, кое-где прерываемым бесплодными зарослями *Анд*. Страна была столь же плодородна, сколь и прекрасна, и возделывалась с немалым мастерством. Куда бы ни приезжали испанцы, туземцы встречали их с неподдельным гостеприимством, которым ради них самих они старались не злоупотреблять. В каждом значительном месте был обнаружен королевский *караван-сарай*, или место хранения провизии, в котором *инка* имел обыкновение останавливаться во время своих королевских путешествий. Остановившись на пятый день, Писарро обнаружил, что его отряд насчитывает сто семьдесят семь человек, из которых шестьдесят семь были всадниками. Однако из них девяти, будучи малодушными или равнодушными, было разрешено вернуться в *Сан-Мигель*. Остальные вызвались следовать за своим капитаном, куда бы он их ни повел.

Снова возобновив свой марш, Писарро приблизился к *Андам*. Де Сото был заранее отправлен на разведку, но на восьмой день он вернулся в сопровождении посланца *инки*. Перуанец привез с собой несколько ценных подарков для Писарро, которого Атауальпа приветствовал в своей стране и пригласил навестить его в своем лагере. Марш возобновился, и испанский вождь отправил вперед одного из своих индейцев в королевский лагерь за горами с инструкциями наблюдать и докладывать о маршруте, особенно о том, охраняются ли перевалы. После трехдневного дальнейшего перехода основание *Анд* было достигнуто, и теперь Писарро стоял перед окончательным выбором: двигаться на юг по широкой и ровной дороге в *Куско*, южную столицу, или карабкаться по крутой и узкой дороге через *Кордильеры* к лагерю Атауальпы. Как и следовало ожидать от его смелого характера, он выбрал последнее.

Те, кто путешествовал по Северной Турции, Малой Азии или Персии, могут легко представить трудности перехода испанцев по горным тропам, которые были проложены для проезда только *ламы* более вьючного животного, чем она. Оступиться во многих местах означало быть разбитым вдребезги о пропасти внизу; и если бы их продвижению воспротивились, маленький отряд Писарро, должно быть, был бы отброшен или уничтожен, тем более что по углам дороги возвышались мощные каменные сооружения. Однако, как бы то ни было, испанцы и их лошади с трудом преодолели крутой подъем и наконец достигли гребня *Кордильер*, где холод был таким сильным, что люди были рады защите палаток и теплу костров. Здесь к Писарро присоединился один из посланных им вперед гонцов, который сообщил ему, что дорога не охраняется, и что посольство от *инки* направляется в его лагерь. Перуанский посланник повторил приветствия своего господина, который снова пригласил Писарро и его спутников в *Кашамалку*, куда он прибыл вечером 15 ноября 1532 года.

1532.

Несмотря на поздний час, Писарро немедленно отправил своего брата Эрнандо вместе с Де Сото и отрядом всадников в *лагерь* инки. Их приняли вежливо, и Атауальпа соизволил пообещать нанести визит испанцам завтра, после чего Де Сото и его спутники вернулись, чтобы рассказать своим товарищам такой отчет о состоянии и военной мощи перуанского монарха, который привел их в смятение. В этот критический момент главный дух Писарро заявил о своем превосходстве. Теперь дело дошло до такого поворота, что все должно было быть поставлено на риск жребия. Пройдясь среди своих людей, он призвал их не унывать, поскольку из-за их чудесных успехов до сих пор они явно находились под особой защитой небесных сил, и, следовательно, численность против них ничего не значила. Затем он созвал совет офицеров и впервые изложил им свой проект, который заключался ни больше ни меньше, как в захвате *инки*. То, что следует далее, настолько выходит за рамки обычного легковерия, что автор художественной литературы не отважился бы на это, если бы не предполагал сверхъестественного воздействия.

Когда наступило утро субботы, 16 ноября, звуки трубы призвали испанцев к оружию, и их предводитель ознакомил их со своим дерзким планом, который должен был быть приведен в исполнение в тот же день. Затем они были тщательно размещены в просторных зданиях *Кашамалки*, чтобы быть скрытыми от посторонних глаз до тех пор, пока не прозвучит сигнал об их появлении. Все, сказал Писарро, зависит от концертности, хладнокровия и стремительности. Неутомимый вождь не упустил из виду ничего, даже то, что лошади были снабжены колокольчиками, что еще больше смутило перуанцев. Разумеется, была отслужена

месса, и в защиту вероломных разбойников нечестиво воззвали к Богу битв. Однако лишь к вечеру в перуанском лагере было заметно какое-либо движение; и когда Атауальпа и его войска наконец приблизились к *Кашамальке*, *инка* послал Писарро сообщение, что из-за позднего часа он разобьет лагерь на открытом месте на ночь и нанесет свой визит следующим утром.

Его сообщение, как мы можем легко предположить, в немалой степени встревожило испанского лидера; но он был человеком со многими ресурсами, среди которых предательство ни в коем случае не бросалось в глаза. Его люди весь день были при оружии, и их силы могли зайти слишком далеко. Поэтому он прислал ответное сообщение о том, что подготовил на этот вечер представление для *инки* и надеется, что тот не будет разочарован его приходом. Обманутый этими мягкими словами, ничего не подозревающий монарх немедленно отдал приказ изменить план и, оставив своих воинов на равнине, направился в *Кашамалку* с невооруженной охраной, заранее отправив гонца к Писарро с извинениями за простоту своего визита.

Незадолго до захода солнца авангард королевской процессии достиг *Кашамалки*, и когда первые ряды вышли на большую площадь, где не было видно ни одного испанца, доминиканец Вальверде, впоследствии епископ *Куско*, вышел вперед с библией и распятием и попытался объяснить изумленному перуанцу запутанное учение о Троице, простирающееся, как нам сказали, от сотворения человека до представителя Князя Апостолов. На то, что, должно быть, показалось ему, услышавшему это впервые при таких странных обстоятельствах, непостижимым, *инка* с презрением ответил, что его бог, указывающий на заходящее солнце, живет в небесах над ними, после чего он швырнул библию на землю. Это оскорбление священной книги возмутило Вальверде, который, подняв ее и поспешив к Писарро, призвал его больше не медлить с подачей условленного сигнала. Вслед за этим вождь взмахнул шарфом; раздался выстрел сигнального ружья, и испанцы, выскочив, как тигры из своего логова, бросились на свою добычу. Несколько тысяч безоружных перуанцев вошли вместе с *инками*, но они были совершенно бессильны против напавших на них мясников. Ворота города были закрыты при их въезде, но простой численностью они прорвались сквозь хрупкие стены, и таким образом многие из них спаслись. Ожесточенная борьба, однако, разгорелась вокруг золотых носилок *инки*, личность которого Писарро намеревался сохранить живой и в результате которой он сам получил единственное ранение, которым испанцы могли похвастаться в тот позорный день, слава о котором, несомненно, принадлежит перуанцам. Несколько тысяч из них пали — все или большинство безоружными — из-за своей преданности своему монарху, которого Писарро, будучи пленником, смог угостить на пиру, на который тот его пригласил.

Некоторые легкомысленные люди провели параллель, основанную только на цифрах, между нападением банды Писарро на перуанцев и обороной Фермопил от персов бессмертными тремя сотнями. Более оскорбительного сравнения невозможно было себе представить. Леонидас и его группа посвятили себя защите своей страны, свободы и цивилизации и были уверены, что встретят смерть от превосходящих вооруженных сил. Испанцы, с другой стороны, могут претендовать на сочувствие или уважение не больше, чем банда современных греческих разбойников, которые, как и они, заслуживают похвалы за предприимчивость, умеренность, терпеливое перенесение тяжелых лишений и самое постоянное соблюдение религиозных обязанностей. Что касается личной опасности, то испанцы, участвовавшие в убийстве безоружных перуанцев, присутствовавших при пленении *инки*, подвергались риску не большему, чем мясник среди такого количества овец.

Однако следует признать, что, если не брать в расчет моральный аспект, свержение Атауальпы было мастерским политическим ходом. К его персоне относились с такой святостью, что с его поимкой рухнула вся деятельность его правительства. Держа этого заложника, испанцы были всемогущи, ибо малейшая попытка восстания или спасения немедленно стоила бы *инке* жизни. Находясь в плену у испанцев, он содержал свой двор в плену, и высшие лорды и сановники его королевства относились к нему с церемонным почтением, которое составляло часть сокровеннейшей сущности всех, кому принадлежала его теократическая власть. Но, несмотря на уважительное обращение, которым *инке* было позволено пользоваться, он не мог не тосковать в своем плену, и его мысли сами собой обратились к средствам получения свободы. Он был тем более встревожен в этом отношении, что опасался, как бы его недавно потерпевший поражение старший брат Уаскар не воспользовался своим заключением, подкупив тюремщиков, чтобы те выпустили его на свободу и возвели на перуанский трон.

При таких обстоятельствах плененный *инка* однажды предложил Писарро выкупить свое освобождение ценой заполнения комнаты, в которой он стоял, в свой рост — помещение было семнадцать на двадцать два фута — золотом, а смежную комнату поменьше вдвое больше серебром, и это предложение было принято, при этом на выполнение соглашения было дано два месяца. *Инка* не обманулся в своих предчувствиях относительно поведения Уаскара, который действительно заигрывал с испанцем, предлагая еще большую взятку, чем его брат. Однако он находился в руках последнего, который, узнав о его действиях от своих созданий, отдал приказ предать его смерти. Тем временем *выкуп для инки* был собран, но прежде чем он достиг *Кашамалки*, положение дел существенно изменилось благодаря неожиданному прибытию Альмагро с подкреплением примерно в сто семьдесят человек. С ними Писарро теперь оказался в силах двинуться на юг и завершить порабощение страны. Но встал вопрос: что же делать с *инками*? Освободить его, очевидно, означало бы восстановить сплоченность правительства, которое рухнуло, и таким образом отменить то, что уже было сделано. С другой стороны, если они удержат его в плену, силы, необходимые для охраны столь ценного заложника, серьезно подорвут операции завоевателей.

В этом тяжелом положении испанцы не затруднялись найти оправдание линии поведения, которая могла бы оправдать меру, на которую решился их командир. Учитывая их опыт и все вероятности, было придумано всеобщее перуанское восстание; и, несмотря на то, что *инка* заплатил выкуп, оцениваемый в три с половиной миллиона фунтов стерлингов, он предстал перед судом по самым абсурдным обвинениям, в отношении которых, поскольку указанные обстоятельства имели место до их прибытия, испанцы в любом случае не могли претендовать на юрисдикцию. Они, однако, настолько глубоко увязли в этом деле, что у них едва ли был выбор, кроме как пробираться от преступления к преступлению. *Инка* был приговорен к смертной казни, и, чтобы довести мрачный фарс до конца, его приговор в конце концов был заменен сожжением заживо на удушение при условии, что он признает себя христианином. Заслуга в этом обращении принадлежит доминиканцу Вальверде, который дал согласие на его казнь.

Смерть *инки*, как и следовало ожидать, послужила сигналом к беспорядкам по всему Перу. Покойный монарх действительно своими собственными действиями во время победы над своим братом проложил путь к такому результату, ибо он отдал приказ уничтожить всех членов императорского дома. Перуанской империи с ее цивилизацией, создание которой стоило так дорого и которая, возможно, была эквивалентна японской, теперь пришел конец. Провинции, удаленные от Куско, не теряя времени, отказались от своей лояльности. В начале сентября

Писарро и его последователи, которых к тому времени насчитывалось около пятисот человек, отправились в столицу Перу, взяв с собой младшего брата Атауальпы, которого они провозгласили номинальным *инкой*. Их поход был тяжелым, и у *Ксауксы* им пришлось столкнуться с сопротивлением многочисленных, но бессильных сил. С этого момента их продвижение было затруднено; и вряд ли это удалось бы Де Сото, которого послали вперед, если бы он, окруженный перуанцами после отчаянного сражения в *Сьерра*, не получил своевременной помощи от Альмагро. В *Ксауксе* Писарро оставил небольшой гарнизон из сорока человек, которые должны были охранять сокровища, которые он не считал благоразумным брать с собой в поход.

1533.

Теперь Писарро ожидал приятный сюрприз в виде прибытия *Манко*, брата Уаскара, который был законным наследником перуанской короны. Никакое событие не могло произойти лучше, чем это отвечало интересам Испании. Прощение принца о защите было немедленно удовлетворено, и он сопровождал захватчиков в *Куско*, в который они вошли 15 ноября. Он уже был в значительной степени лишен своих сокровищ, которые пошли на часть выкупа Атауальпы, но все же представлял собой добычу, за которую стоило ухватиться, поскольку в нем, вместе с пригородами, насчитывалось около двадцати пяти тысяч домов. *Куско* был густонаселенным, хорошо построенным и благоустроенным городом с каменными домами, полностью или частично, и длинными правильными улицами, пересекающимися одна другую под прямым углом и сходящимися на большой площади, которая через них сообщалась с большими дорогами империи. Через столицу протекала река чистой воды, берега которой на протяжении двадцати лиг были облицованы камнем и через которые через определенные промежутки времени были перекинuty мосты.

Здесь, как обычно, едва ли не первой заботой испанцев после их прибытия было собрать сокровища, которые, по расчетам, составляли около шестисот *песо* золотом и двести пятнадцать марок серебром. Следующей целью Писарро было создание гражданского правительства, и с этой целью молодой *инка* был коронован с соблюдением формальностей, которые были бы соблюдены, если бы ему действительно было суждено прийти к власти, в то же время были назначены испанские *алькальды* и *регидоры*, двое из которых были братьями Писарро. Но в *Перуне* все было спокойно, и Альмагро вскоре пришлось выступить в поход, чтобы свергнуть одного из двух генералов покойного *Инки*, который, потерпев от него поражение в этом случае, отступил в *Кито*, где он бросал вызов испанцам, пока не был убит своими войсками. Вскоре после этого Писарро посчастливилось приобрести у губернатора *Гватемалы* за сто тысяч золотых флот из двенадцати судов, больших и малых, с войсками, припасами и боеприпасами.

Перу теперь, казалось бы, было завоевано, и следующей заботой губернатора был выбор подходящего места для будущей столицы этой огромной колонии. После долгих размышлений он остановил свой выбор на месте примерно в шести милях от устья реки *Римака*, почти на широте *Куско*, на котором с поразительной быстротой возник прекрасный город *Лима*. Писарро был уже несколько преклонных лет, и развитие нового города с его восхитительным расположением составляло непосредственный интерес на всю оставшуюся жизнь, он

вкладывал в эту цель ту же энергию, которой когда-либо отличался в исследованиях или на войне.

Следует помнить, что старший брат Писарро, Эрнандо, был отправлен в Испанию, чтобы сообщить о продвижении своих соотечественников и пленении *инки*. Он был любезно принят императором, который проявил большой интерес как к тканям и другим изделиям, которые он привез с собой, так и к золоту и серебру, к которым у него был более насущный повод. У авантюристов, вернувшихся с ним, тоже были такие истории, что он без труда нашел добровольцев вернуться с ним в *Перу*. Он также привез своему брату патент на звание маркиза с разрешением распространить свое правление на семьдесят лиг к югу; а Альмагро - разрешение открыть страну и оккупировать ее еще на двести лиг дальше, поскольку сам он был удостоен звания рыцаря *Св. Яго*. Случилось так, что в то время никто не мог сказать точную широту *Куско*, и, следовательно, оставалось открытым вопрос, находится ли он во владениях, выделенных Писарро, или в пределах дарования Альмагро, что вскоре привело к гражданской войне среди завоевателей. Однако это было отложено на некоторое время, и Альмагро согласился отправиться на завоевание *Чили*.

1535.

Несмотря на случайные враждебные столкновения в разных местах, успех испанцев был настолько равномерным, что едва ли не последним событием, которого они ожидали, было всеобщее восстание жителей *Перу*. Следовательно, они были соответственно удивлены, когда *инка* Манко бежал из *Куско*, а его подданные по его приказу поднялись как один человек, чтобы противостоять испанскому игу и, по возможности, уничтожить захватчиков. Испанцы подвергались нападениям со всех сторон, и многие из них, которые, будучи полностью уверенными в своей безопасности, обосновались в изолированных владениях по всей стране, были без труда отрезаны туземцами. Но их грандиозные усилия были направлены на взятие *Куско*, где испанцы под командованием Эрнандо Писарро были осаждены в течение нескольких месяцев. Хотя численность последних не превышала двухсот человек, не считая тысячи туземных вспомогательных войск, им пришлось в ходе осады подвергнуться испытаниям голода; кроме того, им повезло, что они не были охвачены пламенем, которому город был предан благодаря хитрости осаждающих. Они были доведены до ужасного положения и, будучи отрезаны от всякого сообщения за стенами, были лишены надежды на помощь и знания места убежища. Писарро действительно отправил им на помощь не менее четырех экспедиций, но они были либо отбиты, либо уничтожены.

1535.

Из этого отчаянного положения их, наконец, вывели осаждающие. Был август месяц — шесть месяцев с начала осады, — и *инка* Манко, чье многочисленное войско уже испытывало нехватку провизии, увидел, что, если его последователи не вернутся на свои поля во время посевной кампании, результатом станет голод. Соответственно, он отдал приказ, чтобы большая часть его войск вернулась в свои дома, чтобы вновь собраться после окончания сельскохозяйственных работ. Эта мера, которая, возможно, была необходима для перуанцев, была для испанцев отсрочкой от смерти. С энергией, обостренной опасениями и голодом, их отряды фуражиров теперь прочесывали окрестности в поисках провизии, и, обладая жизнерадостностью, естественной после такой депрессии и длительного бездействия, Эрнандо Писарро не замедлил перейти в наступление. Он даже предпринял смелую попытку, предприняв

энергичную атаку глубокой ночью, захватить *инку* лично. Он потерпел поражение, и перуанцы преследовали его до стен *Куско*; но из-за необходимости, которая вынудила его приказать своим воинам сменить мечи на орала, *инка* потерял последнюю надежду, которая оставалась у его соотечественников на изгнание испанских захватчиков.

Поход Альмагро, предпринятый с целью овладения его будущим правительством *Чили*, был одним из самых трудных, какие только можно было себе представить. Холод, с которым он и его люди столкнулись на перевалах *Анд*, был невыносимым, в то время как трудности, в которые были загнаны от голода как испанцы, так и сопровождавшие их индейцы, были настолько велики, что первые радовались трупам лошадей, ставших жертвами климата, в то время как вторые были вынуждены питаться телами своих павших товарищей. Отчеты, также полученные от разведывательной экспедиции, которая была отправлена заранее, не предвещали немедленной добычи; так что при этих обстоятельствах его советникам не составило труда убедить Альмагро вернуться в *Куско*. Вспомнив о своем недавнем переходе через горные ущелья, он на этот раз решил следовать вдоль побережья; но он избежал одной группы трудностей, чтобы столкнуться с другой, возможно, не менее серьезной, поскольку его маршрут пролегал через великую пустыню *Атакама*. Добравшись до города *Арекипа*, Альмагро впервые узнал о восстании перуанцев, и ему так повезло, что на пути в *Куско* он нанес *инкам* окончательное поражение.

Но прежде чем он смог овладеть этим городом, ему пришлось столкнуться с еще одним врагом. Это был слишком важный приз, чтобы уступить его без борьбы. Переговоры, правда, велись между Альмагро и братьями Писарро, которые командовали войсками; но в конце концов пришлось прибегнуть к оружию, в результате чего первый остался хозяином города *инков*, в то время как Эрнандо Писарро и его брат были его пленниками.

1537.

Эти успехи Альмагро не преминули возбудить зависть Писарро, но в конце концов к посредничеству между ними прислушались, и Эрнандо был освобожден по торжественному соглашению о том, что между ними больше не должно быть раздоров. Однако едва Эрнандо добрался до лагеря своего брата, как они сразу же предприняли враждебную экспедицию против Альмагро, командование которой должен был принять Эрнандо Писарро. Альмагро был слишком слаб, чтобы встать во главе собственных войск, командование которыми он поручил Оргоньесу. В окрестностях *Куско* произошла ожесточенная схватка между ними и его соперником. Писарро одержал победу, и после битвы, в которой Оргоньес, проявив чудеса доблести, пал, сам Альмагро попал в плен. Он слишком глубоко ранил гордость Эрнандо Писарро, чтобы его можно было простить; тот же фарс с инсценировкой судебного процесса, который был разыгран в случае с Атауальпой, теперь разыгрался над сообщником Писарро. Судебный процесс был пустой тратой времени, поскольку приговор был предreshен заранее, и ветерану Альмагро пришлось принять ту же смерть предателя, что и *инке*. Но он не должен был остаться неотомщенным. Его положение было слишком значительным, чтобы обстоятельства его судьбы могли ускользнуть от расследования, и Эрнандо Писарро, который внезапно уехал в Испанию, где ему могли пригодиться его богатства, был приговорен к двадцати годам тюремного заключения.

1541.

Гражданская война, произошедшая в *Перу*, привлекла внимание испанского правительства к этой стране, и член королевской аудиенции Вальядолида был отправлен туда в качестве королевского судьи, обладающего определенными полномочиями по координации действий с Писарро и с орденом принять на себя управление страной в случае его смерти. Он достиг *Перу* в конце 1541 года. Дела колонии настоятельно требовали его присутствия, поскольку *инка* Манко тем временем продолжал беспорядочную войну в укреплениях *Кордильер*, из которых испанцы не смогли его вытеснить, в то время как местные жители по всей стране, видя, что испанцы воюют между собой, были более чем когда-либо встревожены. Теперь губернатор попытался исправить это положение вещей, основав провинциальные поселения. Один из них возник в *Гуаманге*, а другой - в шахтерском районе *Чаркас*, называемом *Вилья-де-ла-Плата*, в то время как город *Арекипа* был основан на берегу моря. Писарро продолжал демонстрировать свою незаурядную энергию на посту губернатора, поощряя торговлю с колониями к северу от *Перу* и содействуя мерам по налаживанию внутренних сношений. Земледелие стимулировалось импортом европейских зерновых, которые, как он с удовлетворением наблюдал, процветали в стране, почва и климат которой были такими продуктивными и разнообразными. Но главным объектом внимания было развитие шахт, продукция которых очень скоро привлекла большое количество европейских иммигрантов. Их прибытие позволило Писарро отправить две важные экспедиции в противоположных направлениях — одну в *Чили* под командованием Вальдивии, другую под командованием его брата Гонсало из его правительства *Кито*, регион которого был завоеван Беналькасаром, в неизвестную страну на востоке. Последней экспедиции было суждено привести к результатам, которые те, кто ее отправлял, были далеки от предвидения.

1540.

Гонсало Писарро с энтузиазмом приступил к выполнению своей миссии и за короткое время собрал триста пятьдесят испанцев и четыре тысячи индейцев, из которых сто пятьдесят были конными. Вначале возникло несколько трудностей, но едва они оказались в горах *Анд*, как на каждом этапе их ждали нехватка, голод, сильный холод, а также лишения и непрестанный труд. Когда они спускались по восточным склонам, холод гор сменился тропической жарой и проливными тропическими дождями. Несколько месяцев этого изнурительного труда привели их, наконец, в страну коричневых деревьев (*Canelas*), которые они искали. Драгоценная кора лежала перед ними, покрывая целые леса деревьев, но из-за отсутствия транспортных средств она была бесполезна. Их манили вперед баснословные рассказы о лежащей перед ними золотой земле; но слухи оказались обманчивыми, и с каждым шагом они обнаруживали, что все больше запутываются в первобытных лесах колоссального роста, буйство растительности было таким, что поражало воображение любого, кроме тех, кто был свидетелем этого. Теперь их положение было крайне плачевным. Их провизия и домашний скот были израсходованы, и им пришлось питаться тушами тысяч собак, которых они привезли с собой, многие из которых предназначались для охоты на туземцев. Когда и этот источник пищи закончился, им пришлось довольствоваться теми травами и корнями, которые были в лесу.

Если что-то и может смягчить ужас, с которым мы смотрим на жестокость испанских завоевателей Америки, так это тот факт, что если они никогда не щадили других, то были столь же беспощадны к самим себе. Они не боялись ни разоблачения, ни усталости, ни опасности и были столь же предприимчивы, сколь и безжалостны.

Гонсало Писарро, снова отправившись в путь из долины, где он остановился, подошел к полноводной реке *Напо*, которую ему необходимо было пересечь. Его ширина в самом узком месте составляла двадцать футов, берега были обрывистыми и достигали около двухсот морских сажень в высоту. Его людям удалось перекинуть балку, и при переходе по этому мосту *Аль-Сирато* один солдат провалился в ад под ним. Остальные продолжали путь по болотам, мимо топей и озер, пока их провизия не истратилась. На берегу реки они решили построить плот, на котором могли бы разместиться больные и перевезти всю группу с одного берега на другой, если обстоятельства сочтут нужным. Удила и стремена лошадиной сбруи служили гвоздями для плота; лес заменял смолу камедью, а одежда солдат использовалась вместо пакли. Сконструированное таким образом судно перевозило больных и припасы, в то время как основная часть экспедиции шла пешком по течению ручья, через заросли, пещеры, плантации и затопленные поля. Гонсало Писарро опроверг бы свое имя, если бы не усыпал свой трек напоминаниями о своей жестокости. Хорошо принимали его вожди племен, мимо которых он проезжал, или нет, но их неизбежной участью было сопровождать его, хотя он проводил различие между теми, кто оказал ему дружеский прием, и теми, кто этого не сделал, заковывая в цепи только последних. Но однажды эти *касик* — как прикованные, так и раскованные — воспользовались случаем и прыгнули в реку, решив, что риск смерти предпочтительнее нежной милости Писарро. К этому времени погибло более тысячи перуанцев из отряда, и поскольку, по рассказам местных жителей, они находились не более чем в восьмидесяти лигах от места слияния ручья с большой рекой, Орельяне было приказано проследовать на судне к месту встречи, взяв с собой пятьдесят человек. В течение трех дней Орельяна достиг места, где *Кока* впадает в *Напо*, где, не найдя провизии, он убедил своих людей в необходимости двигаться вниз по реке, предоставив Писарро его судьбе. Молодой рыцарь из Бадахоса, чьи рыцарские идеи восстали против этого акта предательства, был оставлен один у воды, чтобы выживать, насколько это возможно, до прибытия Писарро.

1541.

В последний день 1541 года началось это путешествие, и еще до его окончания исследователи оказались в таком затруднительном положении, что им пришлось варить свои кожаные пояса и обувь, чтобы есть с травами, которыми они питались. Наконец послышался бой барабана и показались четыре каноэ, когда Орельяна, высадив своих людей, атаковал индейцев со стремительностью волков. Награбленное имущество на время снабдило исследователей продовольствием, и были получены дополнительные запасы для путешествия. С помощью индейского языка между Орельяной и его хозяевами произошло некоторое словесное общение, и отсюда возникло название, под которым реке, по которой они спускались, суждено было впоследствии стать известной. Ниже по течению — так говорили индейцы — была страна, населенная племенем женщин-воинов. Испанцы смастерили себе другую лодку и спустились по реке, проплыв мимо устьев многочисленных притоков и через территории многих *касиков*. Они высадились в нескольких местах и официально вступили во владение ими для своего монарха. В конце концов им пришлось вступить в битву, в которой, как утверждалось, приняли участие десять или двенадцать женщин. Эти женщины, из которых, по словам священника исследователей, испанцы убили семь или восемь, были высокими и хорошо сложенными; у них был светлый цвет лица; на них были только пояса; и они сражались с отчаянием.

1542.

Это плавание продолжалось до 26 августа 1542 года, когда торжествующие испанцы появились в устье реки и мужественно отдали свои хрупкие барки морским течениям и волнам. Держа курс на север, они хотели достичь острова *Кубагуа*. Недавно открытая река сначала была названа в честь *Орельяны*, но вскоре после этого получила свое устойчивое название от реальных или воображаемых женщин—воительниц - “*Амазонок*”.

1542.

Вернуться к Гонсало Писарро: После тщетного ожидания в течение нескольких несчастных недель возвращения Орельяны Гонсало решил отправиться в то же путешествие по суше; но два месяца было потрачено на пробирание через лес, прежде чем они достигли места слияния *Напо* с *Кокой*, которое Орельяна преодолел по воде за три дня. Там они нашли Варгаса, которого высадили на берег, и от него узнали, что их бросили товарищи. Теперь их положение было действительно плачевным, но они не поддались отчаянию, и после трудного обратного похода, занявшего более года, часть измученного пути отряда снова прибыла в *Кито*. Их отсутствие длилось более двух с половиной лет. Их лошадей больше не было; их одежду заменили шкуры диких животных; и сами они из цивилизованных существ превратились в лесных дикарей с истощенным телосложением, почерневшими лицами и спутанными локонами. Из четырех тысяч сопровождавших их индейцев вернулась только половина, в то время как от трехсот пятидесяти испанцев осталось теперь восемьдесят.

Необходимо записать еще одно событие, чтобы завершить этот очерк происхождения испанского *Перу*. Среди людей с такой горячей кровью и такими незаконными манерами, какими были завоеватели, едва ли было вероятно, что последователи Альмагро будут покорно ожидать какого бы то ни было возмездия за его смерть, которое могло быть осуществлено в Испании; и для того, чтобы юный сын Альмагро был более безобиден, Писарро лишил его значительной части его имущества, а также правительства *Чили*. Результатом стал заговор против жизни маркиза, а известие о назначении коллеги Писарро в правительство придало уверенности его врагам. Прибытие этого офицера задерживалось из-за суровой погоды, и заговорщики решили больше не ждать общественного правосудия, а взять закон в свои руки. Группа из восемнадцати человек сформировала комитет по его исполнению. Они напали на Писарро в его дворце и после отчаянной защиты с его стороны и со стороны друзей, которые его окружали, обрекли его на судьбу, которая стала подходящим завершением его бурной карьеры.

ГЛАВА VIII.

ЧИЛИ.

1535-1550гг.

Подлинная история *Чили*, согласно аббату Молине, восходит не более чем к пятнадцатому веку. Самые ранние упоминания о чилийцах содержатся в перуанских летописях. *Инки* расширили свою империю от экватора до тропика Козерога, а оттуда до желанной земли *Чили*, которая простирается на тысячу двести шестьдесят миль вдоль Тихого океана. Цепь *Кордильер*, которая ограничивает его с востока, снабжает его множеством ручьев, смягчая климат и удобряя почву. Предполагается, что в то время, когда опустошительное присутствие испанцев

впервые появилось на этой земле, население было многочисленным. Господство перуанцев над этим регионом было достигнуто не без ожесточенных боев; и подобным же образом ранним испанцам пришлось ощутить силу оружия местных племен. *Чили*, действительно, разделился на две части; одна была свободной, другая подчинялась перуанскому господству.

Согласно цитированному выше автору, чилийцы в момент прибытия испанцев ни в коем случае не были столь грубы в манерах, как обычно предполагают. Они уже давно перешли от состояния охотника, которым является современный патагонец, к более высокоразвитому состоянию пастуха. Эту вторую стадию цивилизации они тоже преодолели и теперь были расой земледельцев; они не достигли более продвинутого положения торговцев. В стране, где дичи было мало и где домашние животные также были редкостью, переход к состоянию земледельцев, вероятно, по необходимости, был быстрым. Следует помнить, что, когда Эрнандо Писарро отправился в Испанию после пленения *инки* Атауальпы, территория на двести лиг южнее правительства его брата была передана Альмагро, который предпринял поход через *Анды* в *Чили*.

Когда трудности этого ужасного перехода были преодолены, Альмагро и его люди оказались в стране, изобилующей провизией. На самом деле, как нам говорят, у чилийцев были кукуруза, различные виды бобовых, картофель, тыква, перец, клубника и множество других элементов растительной пищи. Из животных у них были кролик и арауканский верблюд, а также, как гласит предание, свинья и домашняя птица. Можно предположить, что страна была хорошо заселена, исходя из того факта, что повсюду преобладал один язык, а не различные диалекты нескольких отдельных племен. Во многих частях города были искусно построены акведуки для орошения полей. Один из них сохранился в окрестностях столицы, примечательный своей протяженностью и прочностью. Чилийцы ели свое зерно вареным, либо используя для его приготовления глиняные горшки, либо обжаривая его в горячем песке. Они также готовили из него два различных вида муки: сушеную, из которой делали кашу, и сырую, из которой выпекали хлеб и лепешки в маленьких отверстиях, сделанных наподобие печей. Они пользовались чем-то вроде сита и были настолько цивилизованны, что использовали закваску. У них также было несколько видов спиртных напитков, получаемых из зерна или ягод.

Чилийцы, приняв оседлый образ жизни, собирались семьями в районах, наиболее приспособленных для ведения сельского хозяйства, где они обосновывались в больших деревнях. Эти поселения состояли из множества нерегулярно расположенных хижин. В каждой деревне был вождь по имени *Ульмен*, подчинявшийся верховному правителю племени. Это достоинство передавалось по наследству, что свидетельствует об определенной древности, а также о мирном, а не воинственном образе жизни, поскольку в последнем государстве военное превосходство склонно превалировать над наследственным принципом. Право частной собственности было полностью признано. Каждый человек был абсолютным собственником поля, которое он обрабатывал, и продукта своего труда, который он мог передать своим детям. Дома, имевшие четырехугольную форму и крытые тростником, были обнесены деревянными стенами, обмазанными глиной, а иногда и стенами из кирпича, искусству изготовления которых они научились в *Перу*. Из верблюжьей шерсти они изготавливали ткань для одежды, используя прялку и веретено. Они были знакомы с иглой и настолько продвинулись во вкусе, что восхищались вышивкой.

Глина этой страны пригодна для искусства другого рода - для изготовления тарелок, чашек, кувшинов и т. Д., Для покрытия которых использовалась определенная минеральная земля. У чилийцев также были сосуды из твердого дерева и мрамора. Земля давала золото, серебро, медь, олово и свинец. Из своего колокольного металла они изготавливали топоры, топоры и другие острые инструменты; и они единственные из всех рас или наций Америки знали слово, обозначающее железо, хотя следует добавить, что в *Чили* до сих пор не обнаружено никаких железных орудий. Туземцы также были знакомы с искусством добычи соли. У них были красители всех цветов, не только растительные, но и минеральные; вместо мыла они использовали кору *килау*, а масло получали из семян *мади*. Из различных овощей они изготавливали корзины и циновки, а из других - нити для веревок и рыболовных сетей. Для рыбной ловли они использовали корзины и крючки, а на морском побережье - деревянные поплавки или надутые тюленьи шкуры.

Охота была для них, как и для нас, развлечением. В этой погоне они использовали стрелу, пращу и петлю, а также силки нескольких видов. Удивительно, что две расы, живущие так далеко друг от друга, как те, что населяют Китай и Чили, использовали один и тот же прием для ловли диких птиц на воде, а именно, чтобы человек скользил среди них, пряча голову в дырявой тыкве. Они были знакомы с использованием чисел, в их языке были слова, обозначающие десять, сто и тысячу соответственно, и, как и у римлян, они останавливались на этом числе. Их сделки отмечались мотками ниток разных цветов с множеством узелков. Они не овладели искусством письма, хотя в их языке есть слово, означающее делать наброски или рисовать. Однако в последнем искусстве они были чрезвычайно примитивны. Но их главный прогресс был достигнут в таких науках, как физика и астрономия. Таков был народ, отданный Карлом V на милость Альмагро и его последователей, чье присутствие коснулось их и их многообещающей цивилизации, как иней весенних цветов.

1535.

История *Чили*, поскольку речь идет о связи этой страны с Европой, начинается в конце 1535 года, когда Альмагро выступил из *Перу* с войском, состоящим из пятисот семидесяти испанцев и примерно пятнадцати тысяч перуанцев, причем последними командовал брат *инки* Манко. Его поход уже был кратко описан в предыдущей главе. Его армия, после многочисленных конфликтов с туземцами, запуталась в *Кордильерах* в начале зимы, оставшись без провизии и плохо обеспеченная одеждой. Несколько горных тропинок были занесены снегом. С присущей им отвагой испанцы преодолели опасные высоты; но сто пятьдесят человек из их числа и, как говорят, около десяти тысяч перуанцев погибли от холода. Действительно, подсчитано, что никто бы не спасся, если бы не энергия Альмагро, который, продвигаясь вперед с несколькими всадниками, своевременно отправил своим последователям запас провизии, который он нашел в изобилии в *Копьяпо*. Оставшиеся в живых из его армии достигли равнин этой плодородной провинции, где были хорошо приняты жителями.

Брат *инки*, Паулла, который, по-видимому, принимал интересы испанцев близко к сердцу как совпадающие со своими собственными, был первым, кто указал им на важность их завоевания. Он обязал крестьян сдать ему все имевшееся у них золото, с помощью чего собрал сумму, эквивалентную 500 000 *дукатов*, которую подарил Альмагро. Испанский лидер, вообразив, что перед ним другое *Перу*, передал эту сумму своим последователям. Он от природы отличался щедростью, и его действия в этом случае были высоко оценены; [L] но если мы задумаемся об

источнике, из которого проистекала его *щедрость*, нам вспомнится старая поговорка, уважающая щедрость за счет других. Поскольку в дополнение к награбленному, которым он уже был сыт, перед ним открывалась перспектива получения обильных богатств, его поведение можно сравнить с поведением главнокомандующего иностранной армией, которая, как мы можем себе представить, находится в Лондоне и которая, разделив добычу Банка Англии, должна щедро распоряжаться сокровищами в мессирском банке Англии. КУТТС его последователей, с целью опорожнения кассы гг. И другие банки Драммонда в свои закрома.

В *Копьяпо* Альмагро имитировал поведение Писарро в *Перу*, заняв должность судьи между соперничающими местными властями. Правящий *Ульмен*, по-видимому, узурпировал власть своего племянника. Потрясенный этим примером своевольного поведения, достойный испанский флибустьер приказал арестовать виновного вождя; а туземцы были достаточно просты, чтобы приписать переселение своего наследственного правителя чувству абстрактной справедливости со стороны посланного небом пришельца. Последователи Альмагро вскоре оправившись от усталости в красивых деревнях *Копьяпо* и, подкрепленные подкреплениями, доставленными Оргоньесом, вскоре были в состоянии возобновить свой марш на юг. Тем временем произошел инцидент, который показал доверчивым людям, что в характере либерала и справедливого Альмагро есть две стороны.

Два солдата, уволившись из армии, направились в *Гоаско*, где жители сначала хорошо приняли их, но там они впоследствии встретили свою смерть, которую, по всей вероятности, сами спровоцировали, если только не заслужили этого. Однако их судьба показала чилийцам, что захватчики смертны, и поэтому вызвала беспокойство у вождя последних. Альмагро, узнав об этом, отправился в *Кокимбо*, где он вызвал к себе *ульменов* округа, а также своего брата и двадцать основных жителей, а также бывшего *ульмена*, захватившего власть, из *Копьяпо*. Без сомнения, с его стороны было правильно и разумно начать расследование обстоятельств смерти двух его солдат, и никто не мог обвинить его в том, что он назначил должное наказание любым лицам, которые, как было доказано, заслужили его в этом деле; но было бы безнадежно искать какие-либо соображения справедливости у такого человека, который стоит выше всех законов, как Альмагро. Двадцать три невинных человека, которые не имели никакого отношения к гибели солдат, были все как один преданы огню. Таков был первый опыт благодарности чилийцев к их христианским захватчикам за оказанный им гостеприимный прием. Уместно добавить, что большая часть его армии открыто не одобряла это варварское поведение со стороны их вождя Альмагро, дальнейшая судьба которого, по-видимому, выходит за рамки сочувствия.

1537.

В 1537 году Альмагро получил дальнейшее подкрепление под командованием Хуана де Рады, и в то же время его убеждали в письмах от его друзей из *Перу* вернуться в эту страну и завладеть *Куско*. Он, однако, продолжил свой поход и перешел реку *Качапоаль*, несмотря на протесты своих перуанских последователей, которые боялись вступать в страну воинственных *промаукийцев*. Как это обычно бывало, вид испанцев с их лошадьми и огнестрельным оружием вселил ужас в их противников. Те, однако, оправившись от неожиданности, в то же время вновь обрели обычную отвагу. *Нареке Рио-Кларо произошло сражение*. Перуанцы, шедшие впереди, вскоре были разбиты; и хотя испанцы после яростной борьбы, длившейся до наступления ночи, остались хозяевами поля боя, враг несколько не был смущен. Они были готовы возобновить

атаку на следующее утро; но испанцы были сыты по горло сражениями на данный момент и по общему согласию решили скорее отступить, чем выступить в поход перед таким воинственным народом. Часть войск Альмагро могла бы основать поселение на севере *Чили*; но целью их лидера было не уменьшать свои силы, и поэтому он отступил со всем своим отрядом в сторону *Куско*.

1540.

Через три года после вышеупомянутых событий, когда Писарро после смерти Альмагро стали бесспорными правителями *Перу*, Франсиско решил возобновить покушение на *Чили*. Это предприятие было доверено испанским судом двум авантюристам, которых звали соответственно Хоз и Кармарго. Первый заключался в завоевании страны к северу от реки *Мауле*; второй заключался в сокращении территории к югу от этого потока вплоть до архипелага *Чилоэ*. Но Писарро по какой-то необъяснимой причине отказался утвердить королевское назначение и от своего имени назначил в экспедицию Педро де Вальдивия, способного и испытанного офицера, преданного своей партии. Вальдивии, однако, было приказано взять Хоза с собой и удовлетворить его щедрым распределением земли.

Вальдивия решил основать постоянное поселение в стране, в которую ему предстояло отправиться, и соответствующим образом подготовился, взяв с собой не только двести испанских воинов и большой отряд перуанцев, но также нескольких женщин, нескольких монахов и большое количество европейских четвероногих. Наученный опытом Альмагро в *Кордильерах*, он, хотя и следовал тем же маршрутом, позаботился о том, чтобы выбрать лето для своего путешествия. Таким образом, он не понес никаких потерь на своем пути, но встретил прием, совершенно отличный от того, который был оказан его предшественнику. Жители северного *Чили* к этому времени уже знали, что империи *инков* больше нет, и, соответственно, они больше не были обязаны подчиняться своим перуанским завоевателям. Они атаковали захватчиков со всех сторон, но с большей отвагой, чем методично. Испанцы, соответственно, получили возможность преодолеть их в деталях и прошли провинции *Копьяпо*, *Кокимбо*, *Квиллота* и *Мелипиля* и с небольшими потерями прибыли в город *Мапачо*, ныне называемый *Сантьяго*.

1541.

В этой плодородной провинции, лежащей на границе *Анд*, Вальдивия решил основать поселение, и с этой целью 24 февраля 1541 года он заложил фундамент прекрасного города *Сантьяго*. Он спланировал город в соответствии с генеральным планом испанской колонии, разделив его на квадраты одинакового размера; и чтобы защитить поселение от нападения, он построил форт на холме в центре, который с тех пор получил название *Сан-Люсия*. Туземцы ревниво следили за его действиями, и были приняты меры по избавлению от непрошенных гостей. Вальдивия, однако, вовремя раскрыл заговор против него и заточил главных заговорщиков в своей крепости, в то время как сам отправился с шестьюдесятью всадниками к реке *Качапоаль*, чтобы наблюдать за *промаукийцами*, которых он подозревал в сговоре с заговорщиками.

Уроженцы *Мапачо*, воспользовавшись отсутствием Вальдивии, обрушились на колонию с непостижимой яростью, сжигая недостроенные дома и штурмуя цитадель, в которой укрылись жители. Пока они храбро защищались, женщина по имени Иньес Суарес, взяв топор, выбила

мозги пленным вождям, которые пытались сбежать. Битва, начавшаяся на рассвете, продолжалась до ночи, новые противники постоянно занимали места павших. Тем временем был отправлен гонец, чтобы сообщить Вальдивии о случившемся. Он, не теряя времени, поспешил назад, когда обнаружил ров, заполненный мертвыми телами, и врага, готовящегося возобновить атаку. Присоединившись к осажденным, он сразу же двинулся на основные силы чилийцев, которые были размещены на берегу реки *Малочо*. Там борьба возобновилась с равной яростью и доблестью с обеих сторон, но с преимуществом в мастерстве и вооружении на стороне испанцев. Туземцы, потеряв наконец цветок своей юности, рассеялись по равнине.

Несмотря на это поражение и другие последовавшие за ним, этот храбрый народ не переставал в течение шести лет (к тому времени они были почти полностью истреблены) нападать на испанцев при каждом удобном случае, лишая их провизии и вынуждая их питаться нездоровой пищей и тем небольшим количеством зерна, которое они могли собрать под огнем со стен *Сантьяго*. Некогда плодородные равнины по соседству теперь превратились в пустыню, а те жители, которые выжили, ушли в горы.

Это продолжительное и бесполезное сражение, естественно, вызвало отвращение у испанских солдат, и в конце концов среди них был организован заговор против жизни Вальдивии. Однако этот офицер, получив информацию о происходящем, принял соответствующие меры. Некоторые из заговорщиков были приговорены к смертной казни, а солдаты в целом были отвлечены экспедицией в долину *Квиллота*, которая, как говорили, изобиловала золотыми рудниками. Результат превзошел их самые оптимистичные ожидания. Прошлые страдания и нынешние опасности были забыты, и страстного желания вернуться в *Перу* больше не существовало. Всем не терпелось остаться в новом *Эльдорадо*, и губернатор, не теряя времени, построил в устье реки *Чили* фрегат, который должен был доставить в *Перу* весть о своем открытии и доставить ему необходимую помощь, чтобы он мог успешно осуществить его.

Тем временем, однако, поскольку его дела были неотложными, Вальдивия также отправил сухопутным путем в *Перу* двух своих офицеров, которые должны были взять с собой шестерых товарищей, чьи шпоры, удила и стремяна он приказал изготовить из золота, которое, как он знал, красноречивее любых слов поможет ему набрать рекрутов. Эти гонцы, хотя их и сопровождали тридцать всадников, были атакованы лучниками *Копьяпо*, и из всего отряда только двое остались живы. Это были два офицера Монрой и Миранда, которых привели к *Ульмену*, покрытых ранами. Этот принц решил предать их смерти, но его отговорила от этого его жена, которая сочувствовала их плачевному состоянию. Несколько лошадей были взяты живыми, и *Ульмена*, спасшая испанцев, попросила их взамен оказать ей небольшую услугу - научить ее сына верховой езде. Это, естественно, навело на мысль о побеге, в попытке которого никто не мог обвинить заключенных. Но это не соответствовало бы всему поведению испанцев по отношению к уроженцам Нового Света, если бы они просто удовлетворились побегом. Однажды, когда молодой принц ехал верхом в сопровождении своих лучников и впереди него шел офицер, вооруженный копьем, Монрой внезапно напал на него с кинжалом, нанеся смертельные раны, в то время как Миранда в то же время вырвала копье у офицера. Вознаградив таким образом доброту *ульменов*, пара пришпорила своих лошадей и скрылась, в свое время достигнув *Куско*.

Вака де Кастро, который после смерти Писарро был теперь губернатором *Перу*, получив информацию о критическом положении своих соотечественников в *Чили*, немедленно отправил

им на помощь значительный отряд войск под командованием Монроя, которому по возвращении посчастливилось избежать внимания *копиапинцев*. В то же время Де Кастро отправил морем еще большее подкрепление под командованием Хуана Пастене, генуэзца. Оба подкрепления прибыли в Вальдивию примерно в одно и то же время, что позволило ему привести свои грандиозные планы в исполнение. Воспользовавшись мореходными познаниями Пастене, он приказал ему произвести полную съемку морского побережья вплоть до *Магелланова*. По возвращении со службы Пастене был отправлен в *Перу* за новыми рекрутами, которых требовалось больше, чем когда-либо, поскольку после успешного дела в *Копьяпо* местные жители стали еще более агрессивными, чем раньше.

1544.

Жители долины *Квиллота* с помощью хитрости перебили всех испанских солдат, работавших на рудниках. Один из соседних туземцев принес командиру сосуд, наполненный золотом, сказав ему, что он нашел большое количество драгоценного металла в соседнем районе. После этого всем не терпелось отправиться туда, чтобы получить свою долю сокровищ, и, попав в засаду, все были отрезаны, за исключением командира и негра, которые были обязаны своей безопасностью своим лошадям. В то же время фрегат, который к настоящему времени был достроен, был уничтожен. Получив известие об этом бедствии, Вальдивия поспешил в *Квиллоту* со своими войсками и построил там форт для защиты шахтеров. Получив подкрепление в триста человек, он счел нужным основать поселение на севере *Чили*, которое служило бы складом и защитой для конвоев. Для этой цели он выбрал *Кокимбо*, который был основан им в 1544 году.

1547.

Два года спустя Вальдивия, миновав *Мауле*, направилась к реке *Итата*. Когда он разбил там ночной лагерь в местечке под названием *Квилакура*, на него напали туземцы, которые нанесли ему такие потери, что он счел благоразумным отказаться от своей предполагаемой экспедиции и вернуться в *Сантьяго*. Будучи разочарован тем, что помощь, которую он ожидал получить из *Перу*, не прибыла, он решил отправиться туда лично. Когда он уже был готов отправиться в путь [1547], Пастене вернулся, но один, и принес известия о гражданской войне. Это не помешало Вальдивии достичь своей цели, и они вдвоем отплыли в *Перу*. О роли, которую сыграл в последней битве в этой стране завоеватель *Чили*, подробно рассказывается в другом месте. В качестве награды президент Гаска утвердил его в должности губернатора *Чили*, и он был снабжен множеством военных припасов. Президент также предоставил в его распоряжение два корабля, на которых он мог бы увезти с собой многих мятежных духом людей из *Перу*.

Во время отсутствия Вальдивии дела на юге ни в коем случае не стояли на месте. Во-первых, Педро де Хоз, который, как следует помнить, был назначен испанским двором для завоевания *Чили*, был обвинен, справедливо или ошибочно, в попытке вытеснить Вальдивию и, соответственно, был обезглавлен по приказу исполняющего обязанности губернатора. Далее, жители *Копьяпо*, желая отомстить за вероломное убийство сына своего принца, вырезали около сорока испанцев, направлявшихся из *Перу* в *Чили*, в то время как по их наущению жители *Кокимбо* вырезали всю колонию, недавно основанную на их территории, сровняв город с землей до основания. Агирре был немедленно отправлен туда и после различных столкновений перестроил поселение на более выгодных условиях. Жители *Кокимбо* считают Агирре основателем своего города, и многие местные патриции считают его своим предком.

1550.

После девятилетней изнурительной борьбы Вальдивия считал себя настолько прочно обосновавшимся в той части *Чили*, которая находилась под властью перуанцев, что это оправдывало его разделение земли между своими солдатами. Удовлетворив таким образом честолюбие своих товарищей, он снова отправился в южные провинции с солидной армией испанцев и промаукийских союзников. Пройдя восемьдесят лиг, он, наконец, прибыл в залив *Ланко*, которого уже достиг Пастене, где 5 октября 1550 года он основал город *Консепсьон*. Это место, положение которого столь выгодно для торговли благодаря его превосходной гавани, подвержено землетрясениям, в результате которых и одновременных разливов моря оно было дважды разрушено. [М] Его оккупация испанцами вызвала тревогу среди соседних воинственных арауканцев, которые, предвидя, что следующим придет их черед, решили помочь племенам вблизи *Консепсьона*. Так началась новая война, подробностям которой в одной из будущих глав может предшествовать рассказ о замечательных людях, которые до сих пор, даже по сей день, благодаря своей непоколебимой доблести, единственные среди коренных жителей Южной Америки, противостояли напору испанцев и сохраняли независимость в своих горных твердынях.

ГЛАВА IX.

БРАЗИЛИЯ; ПОРАЖЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ При РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО.

1510-1570гг.

Следя за ходом открытий в Южной Америке, необходимо обратиться к другому направлению. Основных центров, из которых были сделаны открытия, для общих целей можно выделить три, а именно: (1.) *СПанамского* перешейка испанцами; (2.) Из реки *Плата* испанцами; и (3.) Из *Баии*, на побережье *Бразилии*, португальцами. Теперь мы должны перейти к последнему названному пункту.

1510.

Дата, когда первый португальский поселенец обосновался в *Баии*, была около 1510 года. Звали этого первопроходца Диого Альварес, единственный выживший из экипажа, потерпевшего крушение к северу от этой прекрасной бухты. Он оказался полезным туземцам и, будучи счастливым обладателем мушкета и небольшого количества пороха, так поразил их воображение, что вскоре они сделали его своим вождем. Через некоторое время, воспользовавшись посещением французского судна, он получил возможность вернуться в Европу и начать торговлю между Францией и регионом, в котором выпал его жребий. Он также желал, чтобы его соотечественники колонизировали провинцию; но португальское правительство было склонно скорее оказать помощь в налаживании торговли между своей страной и отдаленными странами, чем поощрять сельскохозяйственные поселения за границей. По этой причине *Бразилия*, которая из-за особенностей своего населения предлагала лишь скудные стимулы для торговцев, была заброшена в течение многих лет после своего открытия. В конце концов, однако, это стало достаточно важным, чтобы привлечь

внимание, и была принята система, которая имела успех в других португальских поселениях, распределяющая его на капитанства, простирающиеся, как правило, каждое на пятьдесят лиг вдоль побережья.

1531

Первым человеком, вступившим во владение одним из этих капитанств, был Мартин Афонсо де Соуза, впоследствии губернатор португальских владений в Индии, который отличился тем, что перевез святого Франциска Ксаверия на Восток. Ему выпала честь открыть залив, на берегу которого должна была подняться будущая столица *Бразилии*, и который, полагая, что это устье реки, он назвал *Рио-де-Жанейро*, открыв его первого января.

Обследовав побережье к югу до *Платы*, он выбрал в качестве места для поселения остров на двадцать четвертом градусе южной широты, и ему посчастливилось заручиться доброй волей соседнего населения через посредство потерпевшего кораблекрушение португальского моряка, которого он нашел среди них. Эта колония вскоре переместилась на остров *Сан-Висенте*, в честь которого и было названо капитанство. Здесь Мартин Афонсо выращивал сахарный тростник и разводил первый крупный рогатый скот, известный в этом регионе.

Среди других капитанств, основанных примерно в этот период, были капитанства *Сан-Амаро*, которые примыкали к *Сан-Висенте*, и *Эспириту-Санту* на севере. Следующим был пост капитана "*Порту-Сегуру*", куда Кабрал попал, впервые вступив во владение *Бразилией*. Здесь со значительным успехом были созданы сахарные заводы. Дальше шло правление *Ильеосом*, или Островами, названными так из-за реки с тремя островами возле ее истока. Вскоре после этого был основан город старый *Сан-Паулу*.

Побережье от реки *Сан-Франциско* до мыса *Падрам-де-Баия* было предоставлено Франсиско Коутиньо, выдающемуся *Фидальго*, которому также был присвоен этот прекрасный залив с окружающими его ручьями и сотней островов. Можно упомянуть, как свидетельство смешения португальской и местной крови, которая с самого раннего поселения существовала в бразильской расе, что двое последователей Коутиньо женились на дочерях первого португальского поселенца Диого Альвареса, матери которых были местными женщинами. Сын одного из соседних вождей был убит португальцами, дикари напали на Коутиньо и после семи лет военных действий вынудили его покинуть свое поселение и отступить на соседние капитанские острова. Впоследствии он был предательски убит.

Примерно в это же время было учреждено еще одно капитанство — *Пернамбуку*, главный город которого из-за своего прекрасного расположения получил наводящее на размышления название *Олинда*. Племя, населявшее окрестности, называлось *кахетес*, и до наших дней сохранились замечательные плетеные *катамараны*, которые те, кто высадился в *Пернамбуку*, вряд ли забудут. Выходец из этого дикого племени, Коэльо, которому был предоставлен грант, должен был потихоньку завоевывать то, что было даровано ему лигами; он даже подвергся нападению и осаде в своем городе. Однако постепенно и с помощью союза с другим племенем он, наконец, утвердился в должности капитана.

Должность капитана *Марахама* была возложена на историка Джона де Барроса, который, разделив свой грант с двумя другими, предпринял план завоевания, а также колонизации, отправив из Португалии экспедицию из девятисот человек. Удача, однако, не улыбнулась

"энтерпрайзу". Флот потерпел крушение на нескольких отмелях, а выжившие спаслись на острове, который носит вышеупомянутое название.

В задачи данной работы не входит изучение положения коренных племен в какой-либо части Южной Америки до прихода испанцев и португальцев. Будет достаточно указать материалы, будь то европейские, местные, смешанные или африканские, из которых состояли несколько штатов Южной Америки в период их провозглашения себя независимыми от Испании и Португалии соответственно. Поэтому мы опускаем многое интересное, рассказанное ранними авторами о состоянии племен в том виде, в каком они были обнаружены поселенцами в *Бразилии*, резюме которого можно найти на страницах Саути. В истории нескольких капитанств того периода не так много событий активного характера, о которых можно было бы рассказать, за исключением рассказа о последовательных небольших войнах, в которых португальцы по большей части были в союзе с каким-то одним местным племенем против другого.

1549.

Только по прошествии полувека после открытия *Бразилии* португальские владения в этом регионе стали рассматриваться как имеющие реальное значение для метрополии. Затем стало осознаваться, что система с таким количеством капитанств или отдельных правительств, не подчиняющихся никакой высшей власти ближе, чем Лиссабон, скорее всего, приведет к значительным неудобствам и путанице. Жизнь и имущество колонистов находились во власти нескольких губернаторов, и серьезные жалобы на такое положение вещей доходили до короля Португалии. Поэтому было решено лишить капитанов полномочий, оставив им их пожалования, и назначить над ними генерал-губернатора. Человеком, избранным на этот высокий пост, был Де Суза, которому было поручено обосноваться в *Баии*, где он должен был привести это место в состояние обороны от всех врагов. Он взял с собой великого Нобрегу и нескольких других отцов-иезуитов, первых из их ордена, кто отправился в Южную Америку. Теперь в *Баии* был построен новый город. За четыре месяца возникло сто домов, и за флотом Де Сузы вскоре последовал другой, на борту которого было несколько девушек из благородных семей, которые должны были быть выданы замуж за офицеров и получить приданое из королевской собственности. Маленькие сироты также год за годом отправлялись на воспитание к иезуитам, которые сразу же начали систему благотворительности по отношению к туземцам, от которой те никогда не отклонялись; но они не могли здесь, как они делали в других местах, привить принципы христианства существующей религии и нравам страны. Было невозможно прийти к какому-либо компромиссу с каннибализмом, и почти невозможно отучить туземцев от этого обычая. Иезуиты, однако, выстояли перед лицом всех трудностей; они строили церкви; они основывали школы для детей; они учили их читать и писать; и они сами знакомились с родными языками, на которые переводили молитвы Церкви. Однако им пришлось столкнуться со значительными трудностями при согласовании своего учения с практикой своих соотечественников; ибо следует помнить, что в течение полувека, прошедшего между открытием *Бразилии* и прибытием Отцов, колонисты были без религиозных наставников. В одном отношении работа иезуитов была легкой. Молодые бразильцы показали, что страстно любят музыку, и были в этой области образования усердными и способными учениками.

1552.

Вскоре число иезуитов увеличилось, и в 1552 году Нобрега получил титул вице-провинциала *Бразилии*. Два года спустя это правительство стало резиденцией епископа,

прибытия которого Нобрега с нетерпением ожидал в поисках поддержки против легкомысленных священников, которые, отнюдь не разделяя рвения иезуитов, потворствовали тому, чтобы их соотечественники порабощали бразильцев и делали их женщин своими наложницами. На равнинах *Риатининга* был основан иезуитский колледж, примерно в тринадцати лигах от *Сан-Висенте*, в который были отправлены тринадцать человек из отряда и который получил название *Сан-Паулу*, название, общее с городом, который возник рядом с ним. Глава этого заведения, знаменитый Анчиета, днем и ночью посвящал себя обучению многочисленных учеников, которые приезжали к нему из соседних поселений, в то же самое время он делал все возможное, чтобы познакомить их с искусствами цивилизации.

1558.

Со времени открытия *Бразилии* французы время от времени посещали это побережье, и примерно в 1558 году они попытались обосноваться в *Рио-де-Жанейро* под командованием Вильганьона, того самого, который перевез Марию, королеву Шотландии, из Шотландии в Бретань, ускользнув от бдительности англичан. Он получил разрешение своего государя предпринять экспедицию в Америку, заверив Колиньи, что будет защищать протестантов в новой колонии. Он получил два больших судна и складское судно вместе со всем, что было необходимо для реализации его проекта. Будучи хорошо принят туземцами в *Рио-де-Жанейро*, которые враждебно относились к португальцам, он занял свою позицию на острове в бухте nobl, недалеко от входа. Здесь он воздвиг небольшое укрепление, которому дал название *Колиньи*; однако, выбирая место для поселения, он упустил из виду один большой недостаток - отсутствие воды. Его экспедиция была плохо обеспечена припасами; в результате его людей сразу же по прибытии заставили питаться продуктами страны, и результатом стал заговор против него. Однако этому помешала преданность трех шотландцев, которых Вильганьон оставил в качестве своей охраны. Колиньи был неутомим в удовлетворении потребностей колонии, но его ввели в заблуждение заявления Вильганьона о ревностном отношении к реформированной религии, которые были притворными с целью завоевания влияния адмирала. В *Бразилии* он сбросил маску, и те, кто присоединился к его поселению ради свободы совести, оказались в еще худшем положении, чем во Франции.

Португальцы позволили французской колонии оставаться неприкосновенной в течение четырех лет, и если бы не предательство и двурушничество Вильганьона, *Рио-де-Жанейро* мог бы остаться постоянным французским поселением. Около десяти тысяч гугенотов были готовы эмигрировать вместе со своим искусством, если бы были уверены, что встретят терпимое отношение; но произвол губернатора сорвал этот проект. Нобрега наконец обратил внимание лиссабонского двора на опасное соперничество французов, и был отдан приказ разрушить их укрепления в *Рио-де-Жанейро*, для чего были снаряжены два военных корабля и несколько торговых судов. Два дня и ночи были потрачены на штурм крепостей. Португальцам, после большой траты своих ресурсов, наконец удалось захватить самое большое из внешних укреплений, а также скалу, на которой располагался склад. В течение последующей ночи французы и их местные союзники бежали либо на корабли, либо на материк. Португальцы, не имея достаточных сил, чтобы удержать остров, разрушили укрепления и отплыли в *Сантос*, забрав артиллерию и припасы. Заслуга этой успешной экспедиции целиком принадлежит неутомимому Нобреге.

Во время этого решающего дела Вильгальон отсутствовал во Франции, где он предполагал собрать флот с целью уничтожения португальских поселений в *Бразилии*; но его предыдущее предательство помешало ему осуществить свою цель.

История ранних португальцев в *Бразилии* в некоторых отношениях гораздо более удовлетворительна, хотя и менее захватывающа, чем история испанцев в *Перу*. Они находились там с законной целью колонизации и возделывания части обширного региона, где было достаточно места одновременно и для них самих, и для племен по соседству; и если колонисты, с одной стороны, всегда были готовы поработить туземцев, то последовавшие за ними церковники, с другой стороны, были так же готовы осудить эту практику и посеять семена настоящего христианства среди дикарей. Первое имя в записях об этой доброй работе принадлежит Нобреге, более искреннего, самоотверженного и просвещенного миссионера, чем он, никогда не посылая ни одна ветвь христианской церкви.

Иезуиты в *Бразилии* начали свои усилия там, где должны начинаться все миссионерские усилия, которые должны увенчаться успехом, - с детей. Их непредубежденные умы были открыты для обучения, и они были в том возрасте, когда можно было овладеть португальским языком и, таким образом, стать переводчиками для Отцов Церкви. Были навещены больные, и смертное ложе было успокоено. Нобрега и его спутники начали свою работу с племенами близ *Сан-Сальвадора* или *Баии*. Они изо всех сил старались убедить их жить в мире и примириться со своими врагами. Нам может показаться несколько странным, что, хотя, согласно записям, Отцам удалось склонить своих новообращенных воздерживаться от чрезмерного употребления алкоголя и жениться только на одной жене, они все равно сочли невозможным заставить их отказаться от высшей роскоши питаться плотью своих врагов. Говорят, что в одном случае миссионер преуспел там, где другие потерпели неудачу, бичевая себя перед дверями каннибалов до тех пор, пока не покрылся кровью, говоря им, что таким образом он наказал себя, чтобы предотвратить Божье наказание для них за их грехи.

При поддержке ревностного губернатора в лице Мем де Са иезуиты продолжали свою работу со значительным успехом, основав ряд поселений обращенных туземцев. Но характер их прогресса не был неизменным. Им приходилось бороться с враждебностью, которая, хотя и проистекала из действий их соотечественников и никоим образом не отражалась на их собственном поведении, все же отражалась на них самих. Также говорят, что оспа, распространившаяся от острова к побережью, унесла, хотя, возможно, и с некоторым преувеличением, тридцать тысяч индейцев, которые были их обращенными.

Перед лицом этих бедствий Нобрега громко провозгласил, что португальцы всего лишь подвергаются праведному суду Небес. Они нарушали договоры; они обращали в рабство пленных; они потворствовали каннибализму со стороны своих союзников. Он был не просто красноречивым оратором. За его словами последовало самое убедительное и героическое доказательство того, что они исходили из глубины его души. Он сам, вместе со своим коллегой Анчьетой, решил отдать себя в руки туземцев, чтобы добиться мира; и о характере Отцов красноречиво говорит тот факт, что перед лицом португальского предательства обычаи их ордена были надежным пропуском среди дикарей.

Это правда, что двенадцать юношей-туземцев были отправлены в *Сан-Висенте* в качестве заложников; но перед лицом царивших там волнений и предубеждений вполне вероятно, что два Отца, которые действительно заслуживали звания святых людей, были обязаны своей

безопасностью и тому, что они ценили бесконечно больше, успеху своей миссии, скорее своему собственному святому и безукоризненному поведению, чем гарантии наличия заложников. Они благородно отказались принять мир при условии рекомендации своему губернатору выдать трех туземных вождей, которые вступили в союз с португальцами и приняли христианство: первейшим долгом их соотечественников, по их словам, было хранить веру в неприкосновенности, и если они предадут своих союзников, как можно им теперь доверять? Вождь, с которым они вели переговоры, ответил, что если португальцы откажутся выдать этих людей, которых, согласно их кодексу чести, они обязаны были принять, то мира не будет. Ссылка на губернатора была согласована с обеих сторон; но Нобрега с патриотическим духом, напоминающим дух римского Регула, решительно предостерег его от заключения мира на позорных условиях из опасения того, что может случиться с ним самим и его коллегой. В течение двух месяцев миссионеры оставались в этом положении. По истечении этого срока Нобрега было разрешено вернуться, чтобы посоветоваться с губернатором, в то время как Анчиета оставался заложником; но по прошествии трех месяцев, прошедших таким образом у последнего, ему тоже пока не удалось снискать мученический венец; и примирение было достигнуто, главным образом, благодаря усилиям Нобреги.

Оспа примерно в этот период, по-видимому, произвела огромное опустошение в некоторых португальских поселениях в *Бразилии*, где около трех четвертей местных жителей были унесены ею или последовавшей за ней эпидемией. Шесть поселений, основанных иезуитами, пришлось оставить; и португальцы, как нам рассказывают, пользуясь нищетой своих соседей, давали пищу в обмен на рабов. Некоторые умирающие от голода люди продавали свою собственную жизнь, в то время как другие расставались со своими детьми. Но хотя законность этих покупок не подвергалась сомнению, совесть покупателей была несколько не в своей тарелке в этом вопросе. Они, похоже, действительно считали несправедливым и нехристианским объявлять людей своими рабами, на которых у них не было никаких других прав, кроме тех, которые они приобрели, дав им пищу для спасения их жизни. И все же они не желали отпускать их на свободу, хотя бы по той причине, что их души больше не были бы на пути к спасению. В этой дилемме между Богом и Маммоной был достигнут компромисс; рабам сказали, что они больше не рабы, но, тем не менее, они должны продолжать служить своим владельцам всю жизнь, получая ежегодное жалованье. Если бы они сбежали, их преследовали бы и наказали; но хозяева не должны были продавать или иным образом расставаться с ними.

1564.

Португальское правительство не было удовлетворено тем, что владение островом Вильганьона в *Рио-де-Жанейро* не должно было быть сохранено; и хорошую возможность вернуть его, казалось, представлял мир с *Тамойосом*, который был заключен Нобрегой и его спутником. Соответственно, племянник португальского губернатора был отправлен в *Баию* с двумя судами и с приказом своему дяде предоставить ему силы, необходимые для этой цели. Эстасио де Са достиг места назначения в феврале 1564 года и в соответствии с советом своего дяди, прежде чем начать операции, вызвал Нобрегу к себе на совет. Они узнали от француза, что племя *Тамойос* уже нарушило недавний мир и является союзниками его соотечественников. Это неожиданное известие полностью расстроило планы португальского командующего, поскольку французские суда были защищены "*Тамойос*" в каждом пункте, где была возможна атака. Они отказались выходить в море, и из-за отсутствия небольших судов он не мог атаковать их с близкого расстояния. При таких обстоятельствах, узнав, что *Сан-Висенте* был осажден

дикарями, он счел благоразумным отправиться в последнее место; однако шторм отбросил его обратно в *Рио-де-Жанейро*.

Теперь Эстасио де Са, после консультаций с Нобрегой, принял решение отправиться в *Сантос*, где они, к своему облегчению, обнаружили, что те туземцы, у которых последний был заложником, остались верны своим обязательствам; и его присутствие и влияние существенно способствовали укреплению отряда. Эти приготовления, однако, заняли остаток года, и только в январе следующего (1565 г.) экспедиция, состоявшая из шести военных кораблей и соответствующего количества более мелких судов, была готова выйти в море. Но ветры были настолько неблагоприятными, что, хотя они отплыли из *Бертиоги* 20 января, они достигли *Рио-де-Жанейро*.

Войска были высажены на *Вилле Велья*, под “Сахарной головой”. Едва они успели укрепиться, как были атакованы *тамойос*, которые, однако, были разбиты. Война велась медленно - качество, которое нередко отличало военные операции Португалии и *Бразилии*. Более года ушло впустую на мелкие стычки; по истечении этого времени губернатор Мем де Са лично появился на месте происшествия, ровно через два года после отплытия экспедиции из *Сан-Висенте*. В день Святого Себастьяна французская крепость подверглась нападению: ни одному из их союзников-туземцев не удалось спастись; двое французов были убиты, а пятеро, попавшие в плен, повешены. Затем победители направились к другой крепости врага на острове *Кэт*. После бомбардировки это тоже было унесено, но при штурме Эстасио де Са получил смертельное ранение. Большая часть французов бежала и, потерпев со своими союзниками полное поражение, отплыла на своих четырех судах в провинцию *Пернамбуку*, где они овладели *Ресифи*. Однако они подверглись нападению со стороны португальского губернатора *Олинды* и были вынуждены снова прибегнуть к помощи своих кораблей. Так *Рио-де-Жанейро* был окончательно проигран французам. Те из сынов Франции, которые должны были образовать устойчивую колонию, намеченную Колиньи, были, благодаря предательству Вильганыона, привлечены к вооруженной борьбе против своих соотечественников во Франции.

Согласно его инструкциям, первым делом губернатор заложил фундамент города, который в честь португальского монарха и святого, в день которого была одержана победа, был назван *Сан-Себастьян*. Укрепления, господствующие над входом в гавань, были достроены местными жителями под присмотром иезуитов без каких-либо затрат для государства; и было бы справедливо, если бы компания выделила ей помещение в черте города для колледжа вместе с пожертвованием, достаточным для содержания пятидесяти братьев.

Французы вскоре после этого предприняли попытку обосноваться в *Параибе*, где некоторое время вели прибыльную торговлю и где вступили в союз с местными жителями; но здесь им удалось удержаться не более успешно, чем в *Рио-де-Жанейро*, и *Параиба* тоже стала португальским поселением.

1570.

Орден иезуитов был в то время всемогущ в *Бразилии*, где они действительно оказали большие услуги как короне, так и Церкви; и новое пополнение их сил было отправлено с новым губернатором, Луисом де Васконселлосом, который в 1570 году был назначен сменить Мем де Са. Подкрепление, которое он привел с собой, возглавлял Азеведо, назначенный провинциалом. Тридцать девять братьев отправились вместе с Азеведо на “Св. Яго”, половина

судна которого была зафрахтована для них, другая половина перевозила груз для острова *Пальма* на *Канарских* островах. Судно остановилось на *Мадейре*, и поскольку переход в *Пальму* считался опасным из-за французских пиратов, Азеведо попросили не подвергать себя излишнему риску. Что касается его самого, то он отказался последовать данному ему совету, но разрешил своим товарищам пересест на другое судно. Только четверо послушников, чьи места быстро заняли другие, сочли нужным сделать это; для остальных близкая вероятность мученического венца обладала непреодолимым очарованием. На следующий день после их отплытия появились пять французских кораблей. "Васконселлос" немедленно вышел в море; но французы отказались от боевых действий и отошли к *Канарским островам*. Эскадрилья была из *Ла-Рошели*, и командовал ею гугенот. Через семь дней Азеведо достиг острова *Пальма*, расположенного в трех лигах от города, куда его уговорили отправиться по суше. Этим советом пренебрегли, в результате чего, когда он и его друзья покидали *Пальму*, в поле зрения появились французы. Португальские моряки оказали тщетное сопротивление, и только один из иезуитов, переодетый в мирское, избежал смерти, которая для них не только не внушала страха, но, казалось, была предметом вождения.

Об этой катастрофе говорилось с безграничным восхищением, и мученикам были оказаны все полагающиеся посмертные почести; но если мы посмотрим на обстоятельства с любой точки зрения, кроме точки зрения фанатика, наше восхищение должно быть значительно смягчено. Азеведо и его спутники, несомненно, были храбрыми людьми; но они были образованы и изгнаны из своей страны с явной целью обращения язычников; и, конечно, в их обязанности ни в коем случае не входило бессмысленно и безрассудно сходить со своего пути в поисках преждевременной смерти. Если бы венец мученичества был им так дорог — если бы, выражаясь языком некоторых авторов, они были поглощены потусторонним миром, - награда, несомненно, могла быть получена более достойно среди дикарей *Бразилии*, чем в руках французских корсаров. Из тридцати восьми безрассудных людей, чья кровь так бесполезно обагрила воды *Пальмы*, один мог бы стать вторым Нобрегой. Непредубежденному человеку кажется, что они были далеки от того, чтобы действовать "к вящей славе Божьей", провоцируя массовую резню, они намеренно делали обратное, поскольку таким образом отрезали себя от сферы огромной полезности. Мы также не можем сильно винить командующего французской эскадрой за его поведение в тот раз. Это была всего лишь одна из сцен ожесточенной религиозной войны, в которой агрессорами были священники, а не гугеноты.

Васконселлос отплыл с остатками своего флота. Когда после долгого и несчастного путешествия он увидел побережье *Бразилии*, его суда отнесло далеко на север и они были рассеяны. В конце концов число его последователей сократилось настолько, что одно судно могло вместить их всех; но даже этому судну не суждено было благополучно добраться до места назначения. Он был атакован французской эскадрой, и после безнадежного сопротивления губернатор пал; в то время как четырнадцать оставшихся иезуитов разделили судьбу мучеников *Пальмы*. Из шестидесяти девяти миссионеров-иезуитов, отправившихся вместе с Азеведо, только один добрался до *Бразилии*.

ГЛАВА X.

ПЕРУ; ВЕРХОВЕНСТВО ГОНСАЛО ПИСАРРО.

1542-1545.

1541.

Заговорщикам, убившим Писарро, удалось овладеть *Лимой*, и их следующим шагом было немедленно разослать по разным городам объявления о революции и потребовать признания сына Альмагро губернатором *Перу*. В *Трухильо* и *Арекипе*, где это подчеркивалось присутствием вооруженных сил, вызову подчинились; но в других городах он был принят с чисто номинальным согласием, в то время как в некоторых им пренебрегли. В *Куско*, где преобладала фракция Альмагро, несогласные магистраты были без промедления отстранены от должности; но вскоре после этого они были восстановлены с помощью соседнего военного отряда под командованием одного из капитанов Писарро. Больше всего заговорщикам следовало опасаться лиценциата Вака де Кастро, чье поручение занять пост губернатора в случае смерти Писарро теперь вступило в силу. Де Кастро все еще находился на севере, но, получив известие о смерти Писарро, ускорил шаг на юг. Он находился в трудном положении, имея очень несовершенное представление о политическом состоянии страны, и он сам не был ни солдатом, ни поддерживаемым военной силой. Однако он был храбрым человеком и был уверен в собственных силах, помимо того, что полагался на обычную лояльность испанцев короне.

Поэтому он без промедления продолжил свой поход к *Кито*, где был хорошо принят офицером, который отвечал за это место во время отсутствия Гонсало Писарро на "*Амазонках*". В *Кито* он продемонстрировал королевское поручение, уполномочивающее его возглавить правительство, и оттуда разослал эмиссаров по главным местам, требуя повиновения себе как представителю короны. Но тем временем фракция молодого Альмагро набирала силу в *Лиме*. Его войсками командовал Рада, который получил необходимые средства для подготовки своих солдат к службе. Тем последователям Писарро, которые отказались примириться с правящей фракцией, было разрешено уехать из *Лимы*, среди них был епископ Вальверде, который, однако, почти сразу после этого попал в руки враждебных уроженцев *Пуны*, от которых он получил насильственную смерть, что соответствовало незаконным сценам, в которых он принимал участие. Поскольку власть молодого Альмагро была основана исключительно на узурпации, это, конечно, была просто проба сил между его бандами повстанцев и теми лояльными силами, которые могли сплотиться вокруг губернатора. Его политика состояла в том, чтобы разгромить их в деталях до того, как они успеют осуществить соединение под командованием Де Кастро. Он, однако, понес серьезную утрату в результате смерти от лихорадки своего лейтенанта Рады, что вызвало несвоевременную ревность между его следующими главными офицерами и сорвало его хорошо продуманные планы. Результатом было то, что двум руководящим органам противоположной фракции удалось добиться объединения, и он был вынужден отступить к *Куско*, в котором он не встретил сопротивления.

В *Куско*, однако, соперничество двух его старших офицеров снова вспыхнуло, в результате чего каждый из них по очереди был убит. Затем Альмагро, не теряя времени, обеспечил своих людей на случай неизбежного приближения кампании; в этом ему помогал *инка* Манко, дружба которого, вероятно, усилилась благодаря тому обстоятельству, что мать Альмагро была

перуанской принцессой. *Инка* также пообещал поддержать его отрядом туземных войск. Однако перед окончательным призывом к оружию каждая сторона была готова испытать эффект переговоров, каждая осознавала, что результат борьбы сомнителен. Губернатор был готов даровать Альмагро помилование, принимая во внимание его молодость и неопытность, при условии, что он выдаст главарей заговора, принимавших участие в смерти Писарро. На это предложение Альмагро не мог с честью согласиться, и ему ничего не оставалось, как ждать сурового испытания битвой. Тем временем Де Кастро продолжал продвигаться на юг и был хорошо принят в *Сан-Мигеле* и *Трухильо*. Только в начале 1542 года он добрался до места, где должно было решиться исход состязания, и где он проявил замечательное мастерство в отстаивании своей собственной верховной власти, несмотря на притязания двух честолюбивых офицеров, командовавших королевскими войсками, каждый из которых стремился к главному военному авторитету. Прибыв в *Лиму*, он был встречен с демонстрацией радости и получил необходимые средства для продолжения своего предприятия.

Исход поединка решился на равнинах *Ксауксы*, где силы губернатора насчитывали не более семисот человек и были более или менее равны силам противника. Был поздний вечер 16 сентября, когда враждебные силы встретились. Бой был ужасным, ибо пощады никто не просил и не давал. Ночь опустилась на сражающихся задолго до того, как исход борьбы был решен; но победа, наконец, была на стороне роялистов. Говорят, что с обеих сторон погибло от трехсот до пятисот человек — огромная доля, и по меньшей мере половина выживших из отряда Альмагро попала в плен. Их молодой командир, проявивший чудеса доблести, невредимым добрался до *Куско*, где, однако, был сразу же арестован, и где, будучи судим военным советом, он вскоре разделил судьбу, постигшую его отца, встретив свою смерть с величайшим мужеством.

Следующей заботы губернатора потребовало дело Гонсало Писарро, который прибыл в *Лиму*, где он громко жаловался на то, что управление страной не было передано в его руки после смерти его брата. Сообщалось, что теперь он намеревался захватить столицу; но против этого Де Кастро предпринял благоразумную предосторожность, направив войска в этом направлении, в то же время ему требовалось присутствие Писарро в *Куско*. Его такт и примирительное поведение были таковы, что обиженный вождь не нашел возможности для ссоры и счел благоразумным последовать совету губернатора удалиться в свои владения в *Ла-Плате*, где он с какой-то целью занялся разработкой серебряных рудников.

Таким образом, власть короны была полностью восстановлена, и недостатка в подданных, способных привлечь внимание губернатора, не было. Как и следовало ожидать, многие кавалеры, помогавшие ему в борьбе, теперь требовали награды. Он был счастлив избавиться от их назойливости, отправив их в дальние экспедиции, некоторые из которых направлялись в *Рио-де-ла-Плата*. Но его главной заботой было установление законов для лучшего управления колонией. Он не пренебрегал индийским населением и основал школы для христианского образования. Он пригласил местных жителей проживать в испанских общинах и потребовал, чтобы *касики* обеспечивали припасами придорожные дома для путешественников, тем самым облегчая общение и устраняя предлоги для грабежа. Он не побоялся вызвать значительную ненависть, уменьшив долю *репартименто* индейцев среди завоевателей; но поскольку его меры были явно продиктованы соображениями справедливости, его поддержало общее мнение сообщества. Действительно, Вака де Кастро выделяется самым приятным контрастом с военными авантюристами, которые были его предшественниками в *Перу*. Несмотря на то, что он был гражданским лицом, не привыкшим к оружию или военному командованию, и, кроме

того, по прибытии оказался без средств или войск, а страна перед ним находилась в состоянии анархии, он все же никогда не отступал от своего долга. Он проявил не только такт и примирительный настрой, которые можно было ожидать от обстоятельств его выбора, но, кроме того, высокую моральность и личное мужество; и хотя он не жалел усилий для обеспечения интересов своего правительства и своих соотечественников, находящихся под его властью, для него было особой честью сделать заявления своих начальников в пользу туземцев не просто декларацией на словах, но реальностью на деле.

Трофеи перуанской империи, которые были так легко завоеваны всего лишь горсткой испанцев, так же легко были растрочены на разгульную жизнь. Предусмотрительные меры, принятые *инками* в интересах своих подданных, пришли в упадок. Зернохранилища были опустошены; стада *лам* были бессмысленно вырезаны; в то время как жизни самих индейцев ценились так дешево, что на них не только систематически работали сверх их сил, пока они не умирали, но даже иногда за ними охотились ищейки просто для развлечения их завоевателей. Почти нет необходимости добавлять, что для молодых женщин страны, начиная с Дев Солнца, не существовало никакой защиты вообще. Бедные туземцы, лишённые пищи и больше не согревавшиеся шерстью *лам*, бродили обнаженными по равнинам.

Однако, к счастью, в колониях не было недостатка в людях, которые время от времени поднимали свой голос против злоупотреблений и чудовищ, в которых были повинны их соотечественники, и добивались того, чтобы их услышали даже у подножия трона. Также не следует предполагать, что чудовищные деяния, о которых говорилось выше, были каким-либо образом санкционированы императором. Следует помнить, что испанские владения в Новом Свете находились на огромном расстоянии от дома и что в те дни средства сообщения были медленными и нерегулярными. Следовательно, было бы не более справедливо возлагать на испанскую корону ответственность за поощрение или одобрение капризов или развлечений группы, вероятно, величайших негодяев во владениях императора, чем было бы в дни, предшествовавшие паровой и телеграфной связи, возлагать на правительство Ее Величества ответственность за деяния некоторых Ее подданных, которые были первыми поселенцами в Южной Африке или Австралии. Правительство Испании всегда стремилось получить информацию о состоянии своих трансатлантических владений и с этой целью полагалось не только на штатных колониальных чиновников короны, но и время от времени направляло специальных уполномоченных для проведения расследований. Тем не менее, даже когда были проведены беспристрастные расследования и написаны полные отчеты, еще не все было сделано; поскольку испанское правительство было, по сути, личным, и император очень часто отсутствовал в этом королевстве.

1542.

Однако, к счастью, ради чести своего правления и существования своих заокеанских подданных, он посетил владения своих предков на полуострове в 1542 году, когда состояние колоний сильно давило на его совесть. В том же году в Вальядолиде был созван совет юристов и теологов для разработки системы законов для американских колоний. Лас Касас, вышедший из своей камеры, предстал перед ней, когда решительно защищал интересы угнетенных. Он показал, что, отбросив естественные права, если правительство не вмешается, коренные народы должны быть постепенно истреблены систематическим угнетением испанцев, и он утверждал, что причинять зло под предлогом того, что из этого может получиться добро, против

воли Бога. Его аргументы, как и следовало ожидать, встретили сильное противодействие, некоторые даже из тех, кто сочувствовал ему, считая его взгляды утопическими и невыполнимыми. Однако его красноречие, продиктованное лучшими побуждениями и основанное на фактах, в конце концов возобладало, и результатом стал свод законов для всех американских колоний, некоторые положения которого имели непосредственное отношение к *Перу*.

Уроженцы *Перу* были объявлены вассалами короны, и их свобода как таковая была признана; однако те из завоевателей, кто мог законно владеть рабами, все еще могли сохранить их, хотя после смерти их нынешних владельцев они должны были вернуться к короне. Однако все рабы должны быть конфискованы теми, кто из-за пренебрежения или жестокого обращения показал себя недостойным держать их. Точно так же должны были быть освобождены те, кого удерживали государственные чиновники, нынешние или бывшие, духовенство и религиозные корпорации, а также все, кто принимал преступное участие во вражде Альмагро и Писарро. Далее было предписано, чтобы индейцы облагались умеренными налогами; чтобы их не принуждали трудиться там, где они этого не хотят, или чтобы, если это было необходимо, они получали справедливую компенсацию. Чрезмерные *репартименты* земель должны быть сокращены; а там, где владельцы были заведомо виновны в жестоком обращении со своими рабами, их поместья должны были быть конфискованы.

Принимая во внимание прошлые беспорядки в *Перу* и необходимость надлежащего представительства там короны, было решено направить вице-короля для управления этой провинцией. Его должна была сопровождать королевская аудиенция, состоящая из четырех судей, которые должны были составлять совет вице-короля, резиденция которого должна была находиться в *Лиме*. Но никто не предвидел, что этот радикальный закон, наносящий удар по самим основам колониального общества и собственности, не будет спокойно принят колонистами. Фактически, это вызвало одну из тех внезапных бурь, которые, как мы в свое время видели, не раз раздражались над нашей Индийской империей в связи с объявлением о какой-то законодательной мере, затрагивающей отношения между англоиндийцами и азиатами, которая пришлась не по вкусу первым, и ее результаты были таковы, что, к счастью, мы до сих пор были избавлены от них по нашему собственному опыту. Когда весть об этом достигла Нового Света, люди были поражены и увидели перед собой только перспективу неопределенности или разорения. В *Перу*, в частности, вряд ли хоть один человек мог избежать применения положений некоторых пунктов новых законов, хотя бы по той простой причине, что все испанское население с той или иной стороны принимало участие в борьбе за господство между группировками Писарро и Альмагро. Вся страна была повергнута в смятение; и громкими были обвинения против правительства, которое таким образом одним махом лишило флибустьеров столь значительной части их несправедливо нажитой добычи.

Они не остановились и перед упреками. До угрозы был всего один шаг. Колонисты завоевали свои владения с помощью мечей, и теперь они заявили, что тем же способом знают, как их сохранить. Губернатор Вака де Кастро, который до сих пор так превосходно справлялся со своими обязанностями, теперь действительно оказался в тяжелом положении. Он находился в *Вуско*, среди смешанного населения, отделенный от *Лимы* и от моря. Колонисты обратились к нему с просьбой защитить их от тирании суда; но он сделал все возможное, чтобы отговорить их от насильственных мер, благоразумно предложив им прислать депутатов, которые почтительно изложат свои мольбы перед короной. В своем нынешнем тяжелом положении, как и в своем

предыдущем поведении, он проявил себя способным и рассудительным человеком; но было не в его силах утихомирить поднявшуюся бурю, даже несмотря на то, что он предположил, что вице-король по прибытии может взять на себя обязательство отложить исполнение указов до получения дальнейших советов из Кастилии.

При таком положении вещей недовольные перуанские колонисты вполне естественно обратили свое внимание на Гонсало Писарро, представителя завоевателя, под знаменами которого была завоевана страна. Гонсало в это время находился в *Чаркасе*, современной *Чукисаке*, и был занят исследованием серебряных рудников *Потоси*. Он не был недоволен тем оборотом, который приняли события, но был достаточно благоразумен, чтобы предусмотреть средства ведения войны, прежде чем бросаться в бой; и хотя он не обескураживал недовольных, он был осторожен, чтобы не связывать себя обязательствами. В последнем случае он был подтвержден письмами Вака де Кастро, чьи благоразумные меры помогли, по крайней мере, на время усмирить беспокойные воды.

Наконец прибыл новый вице-король. Бласко Нуньес Вела был красивым кавалером, годами отличавшимся осмотрительностью, но, к сожалению, он оказался совершенно неспособен справиться с возникшей перед ним сложной ситуацией. Не из-за какого-либо неодобрения мер или действий Вака де Кастро этот офицер теперь оказался смещенным; но информация о событиях распространялась так медленно, что полный успех его политики был очевиден не сразу, и правительство Испании считало, что оно поступает наилучшим образом, отправляя в качестве вице-короля человека, не связанного с произошедшими событиями. Император в то же время написал письмо с автографом бывшему губернатору, в котором поблагодарил его за службу и приказал ему, после того как он передал своему преемнику пользу от своего опыта, вернуться домой, чтобы заседать в королевском совете.

1544.

В январе 1544 года вице-король достиг Перешейка. Обнаружив в *Номбре-де-Диос* судно, груженное серебром из *Перу*, которое должно было вот-вот отправиться в Испанию, он, не теряя времени, привел в исполнение свой новый указ, наложив эмбарго на судно, перевозившее продукт рабского труда. Затем он переправился в *Панаму*, где добился освобождения около трехсот перуанцев и отправки обратно в их собственную страну. Это действие, хотя и продиктованное желанием привести новые законы в исполнение без промедления, было, очевидно, рассчитано на то, чтобы до последней степени выбить колониальное общество из колеи; вице-король не стал бы слушать возражения по этому поводу даже от самых опытных людей. Все это плохо предвещало перспективу мира, и продвижение вице-короля к месту пребывания своего правительства только усугубляло ситуацию. 4 марта он прибыл в *Тумбес*, где была провозглашена его власть, и жители были поражены великолепием его окрестностей. Все еще продолжая проводить политику, инициированную которую его послали и которую с кастильской гордостью он презирал скрывать, он освободил здесь несколько перуанских рабов. Из *Тумбеса* он двинулся по суше на юг, по возможности перенося свой багаж на мулах, или, если для этой цели были необходимы услуги перуанцев, он позаботился о том, чтобы они были должным образом оплачены.

Неудивительно, что вся страна была повергнута в ужас действиями вице-короля. В городах были созваны митинги “Возмущения”; и даже настаивалось на том, чтобы ворота *Лимы* были закрыты для него, чему помешали протесты Вака де Кастро. Колонисты теперь больше, чем когда-либо,

повернулись к Гонсало Писарро, который с течением времени был в лучшем положении, чтобы взять на себя ведущую роль. У этого вождя действительно было много причин для недовольства. Его брат, первый губернатор, был убит на своем посту, а двое других из пяти братьев встретили насильственную смерть в *Перу*. Четвертый брат, Эрнандо, теперь находился в плену в Испании, в то время как новые постановления принесли в жертву собственное положение Гонсало, поскольку он принимал ведущее участие в борьбе против Альмагро. Из предыдущих действий вице-короля, с момента его прибытия на американскую землю, было очевидно, что он был человеком, который шел прямо к намеченной им цели, и что он пощадил бы Писарро не больше, чем любого другого из провинившихся завоевателей.

Несчастный Гонсало, которому было что терять и у которого был такой безжалостный судья, таким образом, был почти вынужден взбунтоваться. С небольшим количеством кавалеров, хорошо обеспеченный серебром, он отправился в *Куско*, где его приветствовали как представителя *Перу*. Муниципалитет утвердил его в должности генерального прокурора, и он был приглашен отправиться во главе депутации в *Лиму*, чтобы изложить претензии колоний вице-королю. Писарро, однако, стремился играть нечто большее, чем подчиненную роль. Он потребовал разрешения собрать вооруженные силы, чтобы таким образом иметь возможность с большим весом отстаивать свои взгляды. Муниципалитет *Куско* сначала колебался, но в конце концов согласился, и Гонсало присвоил ему звание капитан-генерала.

Вице-король, как и следовало ожидать, встретил в *Лимели* холодный прием, как и по пути туда с побережья. В столице его первым действием было снова заявить о своей решимости выполнять новые королевские указы. У него не было ордера на приостановление их казни, но он присоединился бы к колонистам в обращении к императору с просьбой отменить кодекс, в целесообразность которого он больше не верил. На этом этапе Бласко Нуньес, какими бы высокими ни были его намерения и какими бы благами ни были его принципы, показал себя человеком, непригодным для занятия чрезвычайно ответственного поста, на который он был поставлен. Все здравомыслящие люди согласятся с ним в абстрактной справедливости постановлений, которые ему было приказано исполнять; и мы можем еще дать ему время прийти к выводу, что при таком положении вещей, как оно было, нецелесообразно немедленно приводить новые постановления в исполнение. При таких обстоятельствах великий человек, занимающий пост вице-короля, несомненно, взял бы на себя смелость приостановить исполнение указов до обращения к императорской власти: поступить так, как поступил вице-король, означало бы придать моральный вес своему суждению для колонистов и отозвать его у короны, представителем которой он был.

Как и следовало ожидать, в *Лиме* было много шума, и между разными городами поддерживалось активное общение. Тем не менее вице-король и не помышлял о том, чтобы свернуть со своего курса, и даже когда ему сообщили о приготовлениях Гонсало Писарро, спокойно полагаясь на его авторитет, послал ему приказ о роспуске своих войск. Последний, однако, продолжал усердно собирать свою армию. Он не жалел усилий для закупки людей и материалов, используя туземцев как для принудительного труда, так и для сбора дани. Он не только тратил свои собственные ресурсы, но и, действуя, по его словам, в общественных интересах, без колебаний присваивал средства из королевской казны *Куско*. Таким образом, он оказался во главе хорошо оснащенного отряда; но в то же время он был обескуражен дезертирством некоторых кавалеристов из *Куско*, которые в последний момент, казалось, осознали, что встали на путь

восстания. В то же время он получил информацию об убийстве *инки* Манко, который в предстоящей борьбе мог бы сыграть роль арбитра.

Теперь вице-король, наконец, начал осознавать серьезность своего положения. Один за другим офицеры, которых он послал задержать продвижение Писарро, пополняли силы этого вождя. Будучи таким образом преданным, его, возможно, нельзя сильно винить, если теперь он подозревал всех вокруг; но ему следовало действовать на более веских основаниях, чем простое подозрение, прежде чем отдавать приказ об аресте своего предшественника Вака де Кастро. Теперь он прибегнул к переговорам и отправил епископа *Лимы* в лагерь Гонсало. Эта мера не увенчалась успехом, и вице-король приготовился к войне. Он перевел столицу в состояние обороны и отдал приказ о всеобщей регистрации граждан. Тем временем зрительские судьи, которые остались позади, прибыли в *Лиму*. Они не дали своего согласия на его действия в *Панаме*, и по прибытии в столицу они заявили о своем неодобрении его последующих действий во всех деталях, вплоть до освобождения многих лиц, которые были помещены в тюрьму по его приказу. Таким образом, правительство находилось в не меньшем несогласии со своими собственными составными частями, чем со страной, находившейся под его властью.

Что привело ситуацию к кульминации, так это жестокость самого вице-короля. Поздно ночью он вызвал к себе во дворец кавалера из *Лимы* по имени Карбахаль, которого подозревал в пособничестве государственной измене некоторых своих родственников. Это обвинение кавалер с негодованием отверг, и последовали громкие слова; вице-король ударил его кинжалом, а слуги ворвались и расправились с ним. Это была непреднамеренная вспышка гнева, в которой он быстро раскаялся, но никакое раскаяние не могло смягчить ненависть, которую она навлекла на вице-короля. Было достаточно ясно, что народу нужен какой-то другой защитник, кроме главы правительства, поскольку никто не знал, кто может стать следующей жертвой его вспыльчивости. Некоторые были за то, чтобы доверить защиту Зрителям; но большинство мужчин были склонны подчиниться Гонсало Писарро, который сейчас медленно продвигался к *Лиме*. Вице-король ощутил горькие последствия положения, в которое его поставила опрометчивость. Он перевел город в состояние обороны, но больше не мог полагаться на свои войска в его защите. В этой дилемме ему пришло в голову покинуть столицу и удалиться в *Трухильо*, примерно в восьмидесяти лигах отсюда, отправив туда женщин и имущество горожан по воде. Но тут вмешалась Публика. И он, и они обратились к силе. Судьи и их сторонники проявили инициативу; они проникли во дворец вице-короля; его личность была схвачена и помещена в строгое заключение.

Первым действием судей при вступлении в должность было объявление приостановления действия постановлений до получения инструкций из Испании. Точно так же было решено, что один из их собственных воинов должен вернуться туда под присмотром пленного вице-короля. Но еще более грозного врага предстояло встретить в лице Гонсало Писарро. Он остановился в *Ксаухе*, примерно в девяноста милях от *Лимы*, где к нему присоединились многие горожане. Судьи отправили к нему посланника, чтобы объявить о произошедшей революции и приостановлении действия указов. Они указали, что, поскольку цель его миссии таким образом была достигнута и новое правительство назначено, он должен был показать хороший пример, подчинившись ему, распустив свои войска и вернувшись в свои поместья. Посланник, однако, был отправлен обратно к судьям с ответом, что Гонсало Писарро был призван народом к

правительству, и что, если Зрители не решатся передать ему это, *Лима* будет отдана на разграбление.

После небольшой задержки судьи увидели, что у них нет другого выхода, кроме как уступить там, где сопротивление бесполезно, и поэтому в октябре 1544 года Гонсало Писарро вступил в *Лиму* во главе тысячи двухсот испанцев и нескольких тысяч индейцев; и под залпы пушек и звон колоколов он был провозглашен губернатором и генерал-капитаном *Перу* до тех пор, пока не будет известно соизволение его Величества — судей, приводящих к присяге. Первым действием Гонсало было установить личности тех, кто принимал активное участие против него. Они были отправлены в изгнание, а их поместья конфискованы. Он наполнил правительство *Лимы* своими сторонниками и разослал приверженцев в главные города. Он приказал строить корабли и привел свои силы в наилучшее состояние. Аудитория существовала теперь только номинально. Один судья уехал вместе с вице-королем; другой стал орудием в руках Писарро; третий был прикован к своему дому болезнью; а четвертого Гонсало намеревался отправить обратно в Кастилию, чтобы тот представил императору отчет о случившемся; но эта последняя мера не была принята, поскольку судно, на котором предполагалось его покинуть, было занято другим делом.

Бывший губернатор Вака де Кастро, не желая попадать в руки Писарро, подкупил или иным образом убедил капитана судна, на борту которого он находился, отплыть в *Панаму*. Оттуда он в свое время добрался до Испании. Ранее правительство признало, что он ревностно и умело выполнял свой долг; но тем временем он попал под недобрый взгляд своего подозрительного и деспотичного преемника, и жалобы на его поведение поступали раньше него. В конечном счете они были признаны необоснованными и бесполезными; но тем временем, пока его поведение расследовалось, он в течение двенадцати лет содержался под стражей в качестве государственного заключенного — странный способ побуждать будущих испанских губернаторов выполнять свой долг! После этого длительного периода испытания или чистилища приятно читать, что почести, изначально предназначенные для Вака де Кастро, наконец были ему дарованы. Он занял свое место в королевском совете и до конца своих дней пользовался общественным уважением, на которое имел полное право.

1544.

Теперь Гонсало Писарро ждал странный сюрприз. Судно, на котором плыл вице-король Бласко Нуньес, вскоре отошло от берега, когда Альварес, судья, ведавший им, представ перед ним, объявил, что он больше не заключенный. В то же время он сообщил ему, что корабль в его распоряжении. Бласко Нуньес охотно воспользовался этим обстоятельством, ибо его гордый дух восставал при мысли о возвращении домой с позором. В недобрый для себя момент он решил еще раз попытать счастья в *Перу*. Он решил направить свои стопы в *Кито* и соответственно высадился в *Тумбесе*, где издал манифест, осуждающий Писарро и его последователей как предателей и призывающий всех истинных подданных сплотиться перед королевской властью. По его зову прибыли добровольцы; но прежде, чем он был в состоянии сражаться, он получил известие о прибытии на побережье одного из офицеров Писарро с превосходящими силами. Затем он поспешил так быстро, как только мог, в *Кито*, где получил заверения в поддержке Беналькасара, губернатора *Попаяна*, после чего предпринял контрмарш на *Сан-Мигель*.

В *Сан-Мигеле*, расположенном на большой дороге вдоль Тихого океана, вице-король водрузил свой штандарт и через несколько недель оказался во главе отряда численностью около пятисот человек; но тем временем Писарро не сидел сложа руки. Будучи убежден, что его единственный шанс на абсолютную безопасность заключается в нынешнем успехе, он не стал покорно наблюдать за передвижениями вице-короля. Оставив сильный гарнизон в *Лиме*, он отправил вперед шестьсот человек в *Трухильо*, куда направился сам. Оттуда он направился в *Сан-Мигель*, где вице-король с радостью встретил бы его, если бы не был вынужден уступить желаниям своих сторонников, которые требовали, чтобы их отвели в верхнюю часть страны, где они могли надеяться получить подкрепление от командующего *Попаяном*. Прибыв в *Сан-Мигель*, Писарро обнаружил, что враг ушел, и, не теряя ни минуты, бросился в погоню за ним. Он достиг подножия горной цепи, в которую всего несколько часов назад въехал вице-король. Был поздний вечер, но Писарро послал вперед своего лейтенанта Карбахала с несколькими легкими отрядами, чтобы догнать его. Карбахаль настиг дремлющего врага, укрывшегося в горах, в полночь. Но один из его людей неосторожно затрубил в трубу, и разбуженный таким образом вице-король и его сторонники дали залп по рядам своих преследователей, которые были приведены в замешательство и вынуждены отступить.

Писарро, сильно расстроенный этой неудачей, снова послал Карбахала в погоню за вице-королем, чтобы исправить свою ошибку. Но последний воспользовался задержкой, и прошло много дней, прежде чем его снова настигли. Однако его багаж попал в руки преследователя. Ему и его людям приходилось урывать время для сна, насколько это было возможно, с оружием под рукой и оседланными конями рядом с ними. Наконец они достигли пустыни *Палтос*, трясины, пересеченной многочисленными ручьями, переход по которой был самым трудным для усталых и полуголодных лошадей. Писарро и его люди пострадали не меньше, чем вице-король, которого они преследовали. Это было повторение его испытаний во время экспедиции к *Амазонкам*.

Наконец Бласко Нуньес въехал в *Кито*, откуда, однако, быстро уехал, направившись в *Пастос*, который находился под юрисдикцией Беналькасара, на поддержку которого он в основном полагался. Вскоре после его ухода Писарро вошел в *Кито*, где остановился лишь для того, чтобы освежить своих людей. Его авангард, усталый и обессиленный, поравнялся с арьергардом войск вице-короля у *Пастоса*; но последний не мог заставить своих солдат изменить позицию, к которой они так долго привыкли, атаковав их преследователей. Напротив, они воспользовались истощением противника, чтобы ускорить его отступление. Писарро, которому, таким образом, помешали, не захотел больше доверять себе на территориях Беналькасара и предпринял контрмарш на *Кито*, где его войска нашли время для отдыха и где он получил ценное подкрепление. Однако вскоре некоторые из них были отправлены под командованием Карбахала для подавления восстания, вспыхнувшего на юге.

1546.

К этому времени вице-король достиг *Попаяна*, но лишь с пятой частью сторонников, с которыми он начал свой поход, растянувшийся более чем на двести лиг и сопровождавшийся страданиями, с которыми редко можно сравниться даже в Испанской Америке. Тем не менее, однако, когда к нему присоединился Беналькасар, он мог собрать четыреста человек. Писарро, стремясь довести борьбу до конца, прибегнул к хитрости, чтобы добиться этой цели. Сам он с большей частью своих войск покинул *Кито* под предлогом присоединения к своему лейтенанту

на юге, но оставил гарнизон в вышеназванном городе. Когда эти вести достигли лагеря вице-короля, Бласко Нуньес, оставив *Попаан*, быстро двинулся на *Кито*, где, однако, столкнулся со всеми силами Писарро, окопавшимися на сильной позиции. В своей попытке застать Писарро врасплох в его тылу посредством ночного марша он поставил себя в фатально невыгодное положение, будучи введен проводниками в заблуждение относительно расстояния, которое предстояло преодолеть, и его люди были измотаны, он вошел в *Кито*, жители которого заявили, что поддерживают Писарро.

В этой чрезвычайной ситуации его старший офицер порекомендовал вице-королю попробовать провести переговоры; но его надменный кастильский дух восстал при мысли о переговорах с предателями. Созвав свои войска, он обратился к ним с несколькими мужественными словами, прежде чем повести их сражаться от имени своего короля. Битва, которая последовала, как и следовало ожидать, когда обе стороны сделали ставку на этот вопрос, была отчаянной. Кавалерия, которой было поровну с обеих сторон, нанесла смертельный удар, и когда их копья дрогнули, кавалеристы сражались топорами и мечами. Но лошади вице-короля, измотанные маршем предыдущей ночи, были не в состоянии справиться с этой работой, и победа не заставила себя долго ждать. Бласко Нуньес и его последователи, однако, делали все, на что были способны храбрецы, пока, наконец, он не был подавлен численностью. Его товарищи пали один за другим, а он был ранен, и удар боевого топора заставил его упасть с лошади. Затем ему указали на брата Карбахалья, кавалера, которого он в порыве гнева так опрометчиво ударил своим кинжалом в *Лиме*. В этой печальной ситуации карьера гордого вице-короля оборвалась от удара сабли негритянского раба. Так закончился решающий день, и Гонсало Писарро на какое-то время стал хозяином *Перу*.

Эта победа колонистов над короной рассматривалась как окончательное решение судьбы отвратительных постановлений и стала причиной великой радости по всей стране. Писарро некоторое время отдыхал в *Кито*, где он и его последователи наслаждались излишествами, которые в те времена обычно сменяли чрезмерные военные лишения и переутомление. Но Гонсало больше не был просто солдатом-победителем. Теперь на нем лежали государственные заботы, для которых, к сожалению, он не был приспособлен ни образованием, ни природными способностями. Он вознаграждал своих последователей земельными наделами и принимал различные меры для обеспечения благосостояния туземцев; но, по-видимому, он не лелеял идею создания независимой власти, поскольку тщательно собирал налоги, принадлежащие короне. Более того, он призывал колонистов вести себя так, чтобы своим поведением добиться отмены ненавистных постановлений. В июле 1546 года он уехал из *Кито* на юг, и повсюду его встречали с энтузиазмом. В *Лиме* его встретили с триумфом, архиепископ с тремя другими епископами того места ехал рядом с ним; в довершение своей удачи он в то же время получил известие об успехах своего оружия на юге. От *Кито* до *Чили* его авторитет был неоспорим, в то время как рудники *Потоси* приносили ему царственный доход. Если бы он был человеком с таким же сильным характером как политик, каким проявил себя как военачальник, то сейчас он был бы в состоянии основать династию Писаррос в *Перу*. Каждый испанский солдат по всей стране повиновался ему; колонисты смотрели на него как на своего защитника; в то же время он был ни много ни мало командующим флотом на *Тихом*. Ни одна враждебная сила, пришедшая из Испании, не могла столкнуться с ним, пока не обогнет *Магелланов пролив* или не прорвется через первобытные леса *Бразилии*. И все же младшему Писарро не доставало морального мужества, которое до этого наивысшего момента удачи никогда не подводило его дом выскочек; и результатом было то, что вместо того, чтобы опередить колониальную революцию

на два с половиной столетия, он, который зашел слишком далеко, чтобы надеяться на какую-либо безопасность, кроме неповиновения, решил подчиниться Испании. Результатом было то, что, не посылая флот через *Магелланов пролив* или армию через леса *Бразилии*, Писарро был покорен благодаря обращению одного человека, услугами которого император мог воспользоваться в этой чрезвычайной ситуации. Этим человеком был президент Гаска.

ГЛАВА XI.

ПЕРУ; ПРЕЗИДЕНТ ГАСКА.

1545-1550гг.

Престарелый лейтенант Гонсало Писарро Карбахаль дал ему, пожалуй, самый мудрый совет, когда убедил его отречься от своей верности; указав, что фактически он уже сделал это, поскольку столкнулся с вице-королем в битве, убил его и присвоил себе его власть. Он не мог ожидать ни милости, ни милосердия от короны, и перед ним был только один выход - провозгласить себя королем, которого поддерживали войска и народ. Он посоветовал ему также вступить в брак с представительницей *инков*. Но Гонсало Писарро, хотя и боролся против вице-короля за то, что считал своими правами и правами других, в глубине души все еще был предан короне. Курс, который он решил избрать, заключался в том, чтобы приостановить отправку посольства в Испанию, чтобы отстоять свои действия и попросить подтверждения его полномочий в качестве преемника своего брата в качестве вице-короля Перу. Тем временем до метрополии дошли вести о беспорядках, происходящих в этой стране. Испанское правительство с тревогой узнало о последствиях, произведенных обнародованием указов, и о непреклонном поведении вице-короля.

В 1545 году принц, впоследствии известный как Филипп II., в то время регент Испании в отсутствие своего отца, созвал специальный совет для обсуждения мер, которые необходимо принять для восстановления порядка в *Перу*. Трудности, с которыми придется столкнуться на пути подавления восстания силой, естественно, представились конклаву, и, соответственно, было решено попытаться достичь соглашения с помощью примирительных мер. Всем колонистам, которые должны были подчиниться, должно было быть даровано полное прощение, и должны были быть предприняты надлежащие шаги, чтобы заставить их понять, что в их интересах, поскольку это их долг, вернуться к своей верности; и, к счастью, для проведения этой политики был найден человек, от одного действия которого было больше пользы, чем от флота или армии. Педро де ла Гаска был священнослужителем, но, тем не менее, носил оружие. Он с отличием занимал несколько гражданских должностей в Испании, и его благоразумие, не меньшее, чем способности, позволило ему занять должность агента короны в *Перу*, одну из самых ответственных миссий, когда-либо доверенных какому-либо лицу. Гаска действительно, по оценке всех исторических писателей, был образцом характера — вежливый в поведении, но твердый в своем курсе, как и подобает человеку, сильному в своей прямоте. Выбор, сделанный принцем и его советом, был немедленно утвержден императором, который написал Гаске письмо с автографом, подтверждающее это.

Гаска сразу же согласился на предложенную ему миссию, просто оговорив полномочия, достаточные для признания ее полного успеха. Полномочия, которых он требовал, были действительно настолько велики, что министры не имели полномочий предоставить их; но

после обращения к императору, который к тому времени находился во Фландрии, они были немедленно предоставлены. Гаска, теперь вооруженный большей властью, чем когда-либо до сих пор было доверено вассалу испанской короны, отплыл в *Перу* в начале 1546 года под титулом президента королевской аудиенции. [N] Его экипаж был настолько скромным, что на его снаряжение было потрачено всего три тысячи дукатов. Под вышеуказанным названием он был поставлен во главе каждого отдела в колонии. У него действительно было право пользоваться теми же полномочиями, что и у самого императора, поскольку он мог объявлять войну, назначать на все должности и прощать любые проступки. Однако он должен был немедленно объявить об отмене отвратительных постановлений и мог изгнать из *Перу* тех священнослужителей и других лиц, до которых светская власть не могла дотянуться. У него были неограниченные полномочия в отношении казначейств *Панама* и *Перу*, и он был снабжен письмами к высшим властям, требующими их поддержки. Император и его советники были в безопасности, доверив эти безграничные полномочия целеустремленному человеку, единственным мирским стремлением которого было епископство, которое ему предлагали и которое он отказался принять до тех пор, пока не вернется после выполнения своей миссии.

В июле вышеупомянутого года Гаска высадился в Новом Свете, где его встретили известием о поражении и смерти вице-короля и об абсолютном превосходстве Гонсало Писарро. В этой запутанной ситуации он придерживался своего курса с непоколебимой осмотрительностью и непревзойденным мастерством. В *Номбре-де-Диос* он предстал перед доверенным сторонником Писарро, на попечение которого было передано это место, но не с военной обстановкой, подобающей всемогущему *alter ego* императора, а как скромный священнослужитель, против допуска которого не могло быть возражений. Вероятно, никогда в истории тонкое воздействие чувства лояльности не проявлялось так ярко. Ни во внешности Гаски, ни в его скромной свите не было ничего, что привлекало бы особое внимание; и все же, как только о его миссии стало известно, доверенный офицер Писарро оказался у его ног, вручая ему свои полномочия. Оказавшись в цитадели врага, моральное влияние Гаски сразу же стало ощутимым. В связи с его исключительными способностями — не просто ораторскими, но основанными на фундаменте высочайшей моральной и светской власти, — положение офицера, который просто занимал свой пост в силу приказа мятежника Писарро, было сразу же несостоятельным. Действительно, Мексика, похоже, не предприняла ни малейших усилий, чтобы воспрепятствовать продвижению президента, у которого был с собой утешительный бальзам прощения для всех раскаявшихся мятежников.

Этот первый достигнутый шаг стал решающим для миссии Gasca. О его приходе не было объявлено, как о приходе покойного вице-короля, как о разорителе колонистов и суровом исполнителе отвратительных указов. Напротив, он прибыл как посланец мира и примирения, принес неслыханное признание со стороны короны в оправдание колонистов, — поскольку указы были отменены, — и даровав полное прощение за прошлые проступки всем тем, кто снова объявит себя лояльными подданными. Действительно, Мехия, как и сам Гонсало Писарро, и как большинство его последователей, оказался мятежником в силу случайных обстоятельств, а уж точно не по умыслу; и он был только рад воспользоваться столь неожиданно благоприятной возможностью выпутаться из неприятного положения, в которое его завели обстоятельства. Гонсало, отвергнув совет своего лейтенанта Карбахала, не смог привязать к себе всех своих сторонников общими узами того, что они были скомпрометированными мятежниками.

Таким образом, приобретя столь важного союзника на суше, следующим шагом проницательного президента было получение командования флотом Писарро из двадцати двух судов, который стоял в гавани *Панамы*. Им командовал Инохоса, офицер, пользовавшийся большим доверием Писарро и который был настолько предан ему, насколько это было совместимо с его высочайшей преданностью своему суверену. Но теперь Писарро было суждено обнаружить, что те же самые уловки, которые использовались для того, чтобы подорвать его собственную лояльность к короне, могут быть снова использованы для того, чтобы отвратить других от их лояльности к нему. Мексика была нанята президентом для этой цели. В конфликте обязанностей, которые были возложены на него обеими сторонами, Инохоса попросил разрешения ознакомиться с полномочиями президента, и он также поинтересовался, дают ли они ему полномочия утвердить Писарро на занимаемом им посту. Президент уклонился от ответа, после чего Инохоса послал к Писарро, чтобы сообщить ему о своем прибытии и о цели его приезда.

Но с того момента, как Гаска получил благоприятную возможность заявить о своей миссии, его успех был практически гарантирован, поскольку он нес с собой такую огромную моральную силу и такие интеллектуальные способности, чтобы ею воспользоваться. То же самое судно, которое доставило Писарро весть о его прибытии, перевозило также доминиканца, которому Гаска доверил манифесты, провозглашавшие радостную весть об отмене ордонансов и о безвозмездном помиловании всех мятежников, которые вернутся к своему послушанию. Президент также направил письма прелатам и гражданским корпорациям. Короче говоря, вся дисциплина, гражданская и церковная, которой был обучен испанец того времени, была немедленно призвана на службу человеку, чьи исключительные способности доказали, что он более чем способен справиться с диктатором *Перу*, который руководил его гражданским правительством и командовал его армией и флотом.

Гаска тем временем спокойно ожидал результатов принятых им мер, и его вежливость и интеллект не преминули оказать должное воздействие на тех, с кем ему приходилось контактировать. Несколько кавалеров *Панамы*, а также офицеры эскадрильи предложили ему свои услуги, и с их помощью президенту удалось установить связь с испанскими властями в *Гватемале* и *Мексике*, от которых он потребовал воздерживаться от каких-либо контактов с повстанцами в *Перу*. Таким образом он приобрел могущественных союзников для испанского правительства. Наконец, он уговорил губернатора *Панамы* предоставить ему корабль, на котором он отправил письмо от императора Гонсало Писарро, а также письмо от него самого. Первое было изложено в самых примирительных выражениях, в которых всячески учитывались трудные обстоятельства, в которые попал вождь мятежников, и вся вина возлагалась на вице-короля. В своем собственном письме президент многозначительно отметил, что обстоятельств, которые привели Писарро к его нынешнему положению, больше не существовало, поскольку все, чего требовали колонисты, когда взывали к оружию, теперь было предоставлено; следовательно, оставалось только продемонстрировать свою лояльность, возобновив свое послушание. Если бы борьба затянулась еще больше, это было бы открытым восстанием против короны без всякого предлога; и против развязывания такой борьбы президент сослался на чувство чести и долга Писарро. Эти важные депеши, как и другие, были доверены президентом стороннику, на которого он мог положиться, и которому также было поручено распространять дальнейшие манифесты.

Прошло несколько месяцев, пока Гаска и губернатор *Панамы* все еще ждали решительного ответа от *Перу*. Действительно, положение Писарро было таково, что заставляло его колебаться. Он был еще сравнительно молод, ему было сорок два года, и он оказался в самом блестящем положении, которое мог занимать любой испанец, не родившийся в пурпуре, и на которое, более того, он воображал, что имеет право как преемник своего брата. Если бы он подал в отставку, он не только сложил бы с себя эту должность, но и отдал бы себя в абсолютную власть другого человека, перед которым он, несомненно, был бы обвинен в преступлениях, которые могли бы аннулировать предложения о помиловании за прошлые проступки, переданные ему императором и Президентом. Он с немалым опасением узнал о появлении последнего, но был настолько прост, что был введен в заблуждение ненавязчивой манерой, в которой появился Президент. Он игнорировал как свои личные качества, так и моральную силу, которую он олицетворял. Имея перед собой два простых пути, любой из которых мог привести его в безопасность, если не к окончательной реализации его честолюбивых замыслов, то есть будучи свободным выбирать: либо подчиниться президенту, либо призвать к оружию против короны, — он избрал промежуточный курс — держать президента на расстоянии, пока тот тем временем отправит посольство в Испанию, чтобы оправдать свои прошлые действия и добиться подтверждения своей власти, курс, который не мог не привести к его гибели.

Тем временем Гаска был задержан письмом, подписанным семьюдесятью видными гражданами *Лимы*, в котором они выражали сожаление по поводу того, что он прибыл слишком поздно, и свое мнение о том, что, если он сейчас продолжит свое путешествие, его присутствие станет лишь сигналом к возобновлению беспорядков. Но результат посольства Писарро в Испанию сильно отличался от того, что он ожидал. Как только его посол Алдана был допущен к президенту в *Панаме*, работа посольства подошла к концу. Теперь посланник впервые узнал о всех полномочиях президента, а также о полном характере уступок, сделанных короной колонистам. Посол, хотя и был искренне предан Писарро, немедленно показал пример подчинения короне, написав своему начальнику в *Лиму*, искренне советуя ему поступить так же. Этому примеру последовал Инохоса, губернатор *Панамы*, с подачи которого флот Писарро был передан в распоряжение Гаски. 19 ноября 1546 года Инохоса и его офицеры, выполнив свои поручения, получили их обратно из Гаски после принесения присяги на верность.

Обладая *Панамой* и флотом, "Гаска" теперь могла позволить себе предпринять более активные действия. Он набирал людей и собирал припасы, заботясь о том, чтобы солдатам должным образом платили. У него не возникло трудностей с получением ссуд в долг, и он воспользовался своими полномочиями, чтобы вызвать помощь from *Guatemala and Mexico*. Со всех сторон было проявлено много доброй воли при подготовке его экспедиции; но до последнего момента президент использовал все средства, которые были в его власти, чтобы побудить Писарро, пока не стало слишком поздно, подчиниться короне. С этой целью он заранее отправил Альдану с четырьмя кораблями к побережью *Перу* с заверенными копиями его поручения для передачи Писарро. Этот вождь, который пока лишь смутно осознавал эффект, медленно, но верно производимый провозглашением Гаски, призвал своих советников помочь ему в определении того, какой ответ следует направить или какой курс избрать в связи с письмами императора и президента. Двумя его главными советниками были Карбахаль, восьмидесятилетний воин, и Сепеда, юрист, приехавший в Новый Свет в качестве одного из слушателей покойного вице-короля. Первый, с мудростью прожитых лет, ясно разглядел природу ситуации и дал своему хозяину соответствующий совет; но законник, зная, что он выступил с оружием в руках против

вице-короля, которому его послали давать советы, дрожал при мысли о ситуации, в которой он оказался бы, если бы Писарро сдался, и поэтому использовал все свое искусство, чтобы убедить его избрать вызывающий курс. К несчастью для всех заинтересованных сторон, его совет возоблада.

Вскоре после отъезда посланца из Гаски, через которого Писарро отправил обратно отказ от своих условий, последний получил известие о том, что от его дела отказались как губернатор *Панамы*, так и его посол в Испании; и за этими неприятными известиями последовали определенные признаки того, что они были лишь предвестниками аналогичных отказов от его дела в других кругах. На самом деле, он был окружен облаком врагов, с какой стороны ни посмотри. Однако Гонсало Писарро, хотя и был уязвлен дезертирством своих друзей, на которых он полагался, все же, связав свою судьбу с повстанцами, которые должны были присоединиться к нему, решил положиться на риск смерти. Он призвал на помощь своих военачальников, напомнив им об их обязанностях и о том, что их интересы совпадают с его собственными. Он ввел в столице набор рекрутов и вскоре увидел себя во главе тысячи человек. Его поддерживал опытный воин Карбахаль, и буквально не жалели денег на оснащение его армии. Это было отчаянное дело; а Писарро и его люди были безрассудны. Преобладало впечатление, что его дело обречено на провал, и, следовательно, дезертирство из его рядов было частым явлением.

Эскадрилья под командованием Альданы (посла Писарро в Испании) теперь находилась у *Кальяо*, командуящего приветствовали во всех портах *Перу*, в которых он высаживался, получая в то же время многочисленные обещания помощи со стороны тех, кто номинально был офицерами Писарро. Альдана, у которого не было кораблей-конкурентов, способных противостоять ему, распространил копии президентских манифестов среди граждан *Лимы*, и они не заставили себя долго ждать, поскольку действительно, мало кто там знал о всей полноте полномочий, возложенных на Гаску. Единственной общей мыслью для каждого было обеспечить свою собственную безопасность. Это был случай *saive qui peut*. Некоторые бежали в леса; некоторые укрылись вместе с флотом; а другие, пытаясь спастись, не преуспели в этом, но попали в руки подчиненных Карбахаля, от которых у них было мало надежды. В этой дилемме Писарро, видя, что, пока он будет оставаться в *Лиме*, число дезертиров с каждым днем будет увеличиваться, решил занять *Арекипу*, где, однако, из-за частых дезертирств он обнаружил, что его силы насчитывают не более пятисот человек.

Июнь 1547 года.

Когда Писарро и его войска покинули *Лиму*, ворота города были немедленно открыты перед Алданой как предшественником президента. Однако сам Гаска отплыл из *Панамы* 10 апреля 1547 года. Ему предстояло бурное плавание, во время которого он проявил свое обычное хладнокровие и настойчивость. В назначенное время его потрепанные штормом суда прибыли в *Тумбес*, где его приняли с распростертыми объятиями; действительно, с этого момента он был хозяином положения, и ему оставалось только приказать своим офицерам выполнять его приказы. Он направился в сторону *Ксауксы*, где позже к нему присоединилось подкрепление со всех сторон. По его прибытии туда война фактически, по всей видимости, была прекращена, поскольку он нашел сведения о том, что Гонсало Писарро был окружен со всех сторон. В ответ на полученные предложения службы он назначил общее свидание в *Кашамальке*, куда отправил Инохосу с солдатами, находившимися в его распоряжении, с приказом принять командование

новобранцами и присоединиться к нему в *Ксауксе*. Затем он направился к тому же месту через *Трухильо*. Теперь президент обнаружил, что у него достаточно сил, чтобы противопоставить приказу силы, которые он вызвал к себе на помощь из *Гватемалы* и *Мексики*.

1547.

Тем временем Писарро пришел к решению эвакуировать *Перу* и вернуться в *Чили*, территория которого находилась вне юрисдикции президента. Но перевалы, лежащие на его маршруте, удерживались Сентено силами, превосходящими его собственные, и который выступал за президента. Сентено был его подчиненным офицером, и он, в первую очередь, испытывал эффект переговоров. Это, однако, не привело ни к какому результату, и он выступил против своих войск, которые стояли лагерем на озере *Титикака*. 26 октября враждебные силы встретились. Войска Писарро были примерно вдвое многочисленнее, чем у его противника, его кавалерия составляла лишь треть противостоявших ему всадников; но это неравенство компенсировалось численностью командиров противника. В то время как Сентено был настолько болен, что был вынужден передать командование своими войсками другим и ожидать результата вне поля в носилках, его противники находились под умелым руководством Писарро и Карбахалья. Писарро сам командовал кавалерией, встав во главе ее в великолепно украшенной кольчуге, которая делала его самым заметным объектом на поле боя.

Оказавшись на расстоянии выстрела друг от друга, ветеран Карбахаль, посчитав ситуацию благоприятной, решил остановиться и принять атаку противника. Опытные офицеры с обеих сторон видели, что их преимущество заключается в том, чтобы держаться позади, но в то время как обученные мушкетеры на стороне Писарро находились под непосредственным контролем ветерана, у которого они проходили обучение, порывистые солдаты Сентено не только лишились его сдерживающего голоса, но и были дополнительно подстрекаемы бесчувственным монахом, который, забыв, что он не на кафедре, взял на себя смелость заявить словами древнего Писания, что Господь предал врага в их руки. Его восклицание было преждевременным, но оно подтолкнуло солдат Сентено вперед и привело их в полную силу огня противника. Карбахаль сдерживал своих людей до тех пор, пока противники не оказались в сотне ярдов от них. Залп, который затем был произведен, решил исход дня. Говорят, что двести человек пали при первом залпе, за которым последовал второй. На другой части поля, где сражалась кавалерия, результат был иным. Конница Сентено, значительно превосходившая их числом, сбила с ног своих противников, и сам Писарро, хотя и проявил все, на что были способны мастерство и доблесть, был вынужден пришпорить своего коня и покинуть место схватки. Его преследовали, и ему пришлось защищаться в единоборстве, пока его не спасли несколько человек из Карбахалья. Победоносная кавалерия снова и снова тщетно пыталась прорвать фланг аркебузирова Карбахалья. Победа осталась за Писарро, который вместе со своими сторонниками сел за стол пира, приготовленного в палатках их противников. Было подсчитано, что более двух третей людей Сентено были убиты или ранены; сам он спасся бегством. После этой победы Писарро, набравший теперь значительное число солдат, решил отправиться в *Куско*, где был с триумфом принят жителями и где решил пока обосноваться.

Как и следовало ожидать, неожиданная новость о победе Писарро при *Хуарине* обрушилась подобно удару грома на двор доселе успешного президента. Гаска, однако, постарался скрыть свое разочарование и, не теряя времени, принял такие меры, которые были наилучшим образом рассчитаны для устранения последствий катастрофы. Воспользовавшись своим

собственным превосходством в силах, он решил без промедления выступить против своего противника. Ему предстоял трудный и унылый поход, но в ходе его его ободряли не только заверения в том, что победа Писарро не вызвала уныния в стране, но и прибытие в его лагерь с разных сторон нескольких выдающихся военачальников — Беналькасара, завоевателя *Кито*; Вальдивии, увенчанного лаврами завоевания *Чили*; и Сентено, который бежал через леса и *сьерру* и который, восстановив здоровье, горел желанием исправить свое недавнее несчастье. .

1548.

Весной следующего года Гаска собрал свои силы для последнего похода на *Куско*. Теперь у него было две тысячи человек, что, следует помнить, было больше, чем у любого европейского подразделения, которое до сих пор было собрано с оружием в руках в *Перу*. Ими командовал Инохоса. Первым серьезным препятствием, с которым пришлось столкнуться этому офицеру, был переход реки *Апуримак*, одного из самых значительных притоков *Амазонок*, мосты через которую были разрушены по приказу Писарро. Гаска, однако, узнав об этом, послал вперед, чтобы выбрать подходящее место для переброски моста через ручей, который был найден в *Котопампе*, в то время как материалы для аналогичной цели были заложены в двух других точках с целью ввести противника в заблуждение.

Офицер, заранее отправленный в *Котопампу*, получил категорический приказ отложить фактическое строительство моста до тех пор, пока у него не наберется достаточно сил, чтобы довести его до конца; но он был настолько усерден, что взял на себя смелость пренебречь его приказами и немедленно приступить к операции. Сам мост должен был стать одним из тех сооружений, которые распространены в Северных *Андах*, образованных из ивовых канатов, перекинутых из стороны в сторону берега и поперек которых уложены доски. Поскольку такой мост раскачивается взад-вперед или вверх-вниз из-за топота людей, переносимой по нему ноши или ветра, он может вызывать чувство незащищенности как у путешественника, так и у наблюдателя с берега, но на самом деле это такое же безопасное средство передвижения, как и многие более прочные сооружения. Гаска, с тревогой услышав, что работы продолжаются, ускорил свой марш, чтобы поддержать своего офицера; но прежде чем он достиг реки, ему сообщили, что противник перерезал канаты на противоположном берегу. Соответственно, Вальдивия был отправлен вперед с двумя сотнями человек, в то время как основные силы ускорили шаг. Этот энергичный офицер, добравшись до ручья, сразу же раздобыл несколько местных лодок, с помощью которых переправил своих людей на другой берег. Поскольку теперь у него было значительно больше сил, чем у людей Писарро, последние со всей скоростью отступили в *Куско*, чтобы доложить о случившемся своему начальнику.

Тем временем Писарро, как типичный солдат удачи того времени, наслаждался солнечным часом, забыв о прошлом и не слишком беспокоясь о будущем. Хотя никто никогда не ставил под сомнение его лидерство, он был не из тех лидеров, которые обходятся без советов; и двумя его главными советниками по-прежнему были Сепеда и Карбахаль. Советы, которые он в последнее время получил от каждого из них, по-видимому, были противоположны тем, которые они соответственно давали ему, когда речь шла об условиях, в которых он должен отвечать на письма императора и Гаски. В то время как Карбахаль, с одной стороны, теперь советовал ему покинуть *Куско* и отступить в горы, оставив за собой обедневший город, Сепеда, с другой стороны, убеждал его заключить условия с президентом. Но Писарро отверг оба совета. На самом деле он был полон решимости выдержать риск смерти. Состояние, которое помогло его

другу в отчаянных обстоятельствах, когда Орельяна бросил его на *Амазонках*, и которое недавно пришло ему на помощь, несмотря на огромные трудности в его недавнем сражении, все еще могло сослужить ему хорошую службу.

Но на самом деле его удача в эти более поздние времена заключалась в мудрых советах и опыте Карбахалю. Именно предусмотрительность и мастерство этого ветерана принесли победу при *Хуарине*, и если бы Писарро сейчас прислушался к его голосу, он, возможно, все еще оставался бы повелителем *Перу*. Когда пришло известие, что враг переправился через ручей, ветеран увидел, что настал момент, который должен был решить исход борьбы. Он чувствовал, что именно он должен воспользоваться этой возможностью, и умолял своего командира разрешить ему отправиться на место боевых действий. В недобрый для себя час Писарро отказал ему в просьбе, сказав, что не может оставить его так далеко. Тем временем строительство моста быстро продвигалось вперед, и задолго до того, как молодой кавалерист, которого поставили вместо Карбахалю, добрался до места назначения, силы президента были в состоянии бросить ему вызов.

Теперь оставался только вопрос о выборе места, на котором должна была состояться финальная битва. Писарро решил оставить *Куско* и поджидать своих противников в долине, расположенной в пяти лигах от них. Даже в этот момент президент, пересекший *Анды* и реку *Апуримак* и значительно превосходящий по силам своего противника, продемонстрировал полное отсутствие личной неприязни к последнему, а также, возможно, понимание трудностей, которые привели его в нынешнее положение, предоставив ему последний шанс на спасение. Через своего собственного эmissара он вновь заверил Писарро в помиловании в случае, если тот сложит оружие и покорится. По крайней мере, так утверждают два испанских историка, и это соответствует характеру президента. Наконец, утром 8 апреля две противоборствующие силы оказались в пределах видимости друг друга. Численность обеих сторон была противоположна численности в соответствии с нашими представлениями о наших днях; но численность не всегда указывает на важность сражения, и мы должны помнить, что столь же небольшие европейские силы при *Плесси* решили судьбу Индостана. Можно отметить, что коренные перуанцы, по большей части, поддерживали дело Писарро.

Президент мудро предоставил ведение боя своим военным офицерам, которые были совершенно компетентны для этой цели, и он проявил свой обычный здравый смысл, отступив со своими священниками и гражданскими лицами из зоны непосредственных действий. Командиры на его стороне, Инохоса и Вальдивия, не уступали Карбахалю в военном мастерстве; и в самом Писарро было больше от отважного, бесстрашного кавалера, чем от стратегического лидера. Поскольку он столкнулся с ситуацией со всеми ее последствиями, ясно поставленными перед ним, решив полностью смириться с ними, мы не можем выразить ему особого сочувствия в его нынешнем тяжелом положении, хотя мы должны восхищаться его непоколебимым мужеством и постоянством. В решающий момент своей судьбы он последовал совету Сепеды и сопротивлялся вопреки совету Карбахалю; и именно негодяй Сепеда теперь предал его, перебежав галопом на сторону врага перед лицом обеих армий. Но этот поступок, хотя и был заразительным, возможно, не причинил Писарро существенного вреда, поскольку его судьба уже была решена.

Лидеры обеих сторон отдали приказ к наступлению; но гуманный президент, желая избежать кровопролития, приказал своим людям остановиться, поскольку войско мятежников из-за

частого дезертирства, очевидно, разваливалось на части. Испанцы, стоявшие на стороне Писарро, бросили его в разных направлениях; некоторые отправились просить прощения у президента, пока не стало слишком поздно; другие направились в горы. Сам Писарро, видя, что ему остается только одно, отдал свою шпагу первому встречному офицеру высокого ранга, и тот провел его в присутствие президента. Последний, как нам сказали, строго спросил, почему он поверг страну в такое смятение? почему он поднял восстание? почему он убил вице-короля? почему он узурпировал правительство? и, наконец, почему он отказался от неоднократных предложений помилования? После его ответа, в котором он пытался оправдаться, ему было приказано заключить его в строгое заключение. Так завершилось кульминационное столкновение королевских войск с войсками Писарро, в котором последние на равнине *Ксакишагуана*, подобно древним ассирийцам, хотя и “не были сражены мечом”, все же “исчезли как снег”.

Гаска, отправив офицера в *Куско* для пресечения эксцессов, которых следовало ожидать, должен был затем заняться судом над Писарро и Карбахалем. Конечно, это была простая форма, поскольку они были схвачены в ходе вооруженного противостояния королевским войскам; и не могло быть и речи о пощаде, поскольку они оба не воспользовались неоднократно поступавшими предложениями королевского помилования. Соответственно, они были казнены; Карбахаль, которому, как говорят, было восемьдесят четыре года, принял свою судьбу с величайшим безразличием, а Писарро встретил смерть с достойным мужеством, которое он когда-либо проявлял. Имущество обоих было конфисковано. Следует с удовлетворением добавить, что предатель Сепеда, хотя его голова и не была возложена на плаху, все же не был отпущен на свободу. Президента действительно убеждали отправить его на казнь, поскольку именно по его совету Писарро сначала отказался от предложенной милости; но Гаска воздержался от этого из-за услуги, которую Сепеда оказал королевскому делу своим своевременным дезертирством. Соответственно, он был отправлен заключенным в Испанию, где его судили за государственную измену: во время судебного процесса он умер в тюрьме. Здесь может быть интересно отметить, что судьба, постигшая столь многих завоевателей *Перу*, не пощадила ни Сентено, ни Инохосу, ни Вальдивию, трех выдающихся лидеров на стороне президента, все они вскоре после этого были свергнуты. Президент считал достаточным, в интересах правосудия и примера, казнить Акосту и трех или четырех других кавалеров, сдавшихся вместе с Писарро. Затем он свернул свой лагерь и двинулся в *Куско*.

По прибытии в бывшую столицу *инков* перед Гаской стояла задача покончить с делами, связанными с восстанием. Несколько десятков кавалеров, подвергшихся суду и осужденных, были казнены, в то время как другие были приговорены к незначительным наказаниям; но в целом, учитывая масштабы восстания и упорство повстанцев в отказе от милости, президент, безусловно, не кажется, что действовал с излишней суровостью: требовался суровый пример. Теперь он должен был распределить награды, причитающиеся его последователям, которые, как обычно бывает в таких случаях, не постеснялись претендовать на них. Удалившись из *Куско* в соседнюю долину, где его сопровождали только архиепископ *Лимы* и его секретарь, Гаска посвятил три месяца терпеливому рассмотрению предъявленных ему соответствующих требований и разработке справедливой схемы компенсации.

Эта тяжелая задача выполнена, и теперь президент мог удалиться в *Лиму*, оставив свое письменное решение архиепископу, чтобы тот передал его армии. Эффект, произведенный этим документом на тех, уважая интересы кого он должен был принимать решение, был,

конечно, разочаровывающим. Каждый человек ценил свои услуги по своей цене, и все были недовольны воображаемым несправедливым предпочтением, оказываемым другим. Потребовались определенные усилия и даже несколько примеров со стороны командующего в Куско, чтобы подавить вызванный этим бунт недовольства. Жители *Лимы* встретили Гаску не только проявлениями лояльности, которые были подобающими ему как представителю короны, но также всеми проявлениями благодарности и привязанности. Однако его въезд в город был сугубо в качестве священника и гражданского лица, и никоим образом не в качестве воина.

В *Лиме*, столице, его ждал новый ряд дел, поскольку теперь ему предстояло сформировать новое правительство взамен правительства Писарро; но, будучи *самопытным принцепсом* в делах и находясь в сопровождении способных судей, он вскоре получил возможность успешно управлять огромным количеством дел. Не были обойдены вниманием и местные жители, президент уделял свое пристальное внимание улучшению их положения. Он не преминул послать своих собственных агентов в разные части страны, чтобы осмотреть наделы и выяснить, как обращались с перуанцами, сняв их показания с них самих. В результате полученной таким образом информации Гаска и его совет разработали систему налогообложения для перуанцев, которая могла бы стать стандартом апелляции. Он не видел способа освободить их при нынешних обстоятельствах от обязанности личной службы, которая, как предполагалось, действительно была причиной недавнего восстания; но он позаботился о том, чтобы их служба была менее обременительной, чем та, которую они несли под властью *инков*. Короче говоря, их положение, хотя и не во всех отношениях такое, какого могла бы пожелать филантропия, было поставлено на настолько хорошую основу, насколько это могли допустить колониальные потребности. Действительно, потребовалась вся твердость правительства, чтобы признать, что новые правила были приняты мирным путем.

Гаска также провел реформы в муниципальном управлении городов; и с помощью финансовых и других механизмов поставил управление колонией на такую основу, которая могла бы предоставить справедливое поле деятельности для его преемников. Он провел пятнадцать месяцев в *Лиме* и почти три года в *Перу*; и теперь, когда его работа была завершена, он смог повернуться лицом к Испании, испытывая удовлетворение от того, что ему удалось выплатить заем, который он взял на войну, превышающий девятьсот тысяч *песо*. Более того, он скопил полтора миллиона *дукатов* для правительства. Президент Гаска действительно доказал, что полностью заслуживает доверия, оказанного ему императором и его советниками. Он был редким примером даже среди лучших губернаторов или государственных деятелей любой страны или любого периода — человеком, который, подобно генералу Гордону в наше время, был нетрадиционен и совершенно равнодушен к соблазнам богатства или вообще к любому другому призванию, кроме чести и долга. Перед его отъездом был предоставлен еще один пример чистоты его характера — если таковой был необходим. Индейские *касики*, сознавая пользу, которую он оказал их народу, а также то значение, которое все испанцы до сих пор придавали драгоценным металлам, предложили ему большое количество золотых пластин в знак своей благодарности. Из-за естественного отказа Гаски принять это, бедные *касики* испугались, что попали под его немилость. Это не тот случай, о котором идет речь. Несколько колонистов, не менее благодарных по тем же причинам, пожелали таким же образом выразить свое уважение и составили кошелек для президента из пятидесяти тысяч *кастельянос*. По их словам, не было ничего плохого в том, что он принял это при отъезде, поскольку это не могло быть предложено с целью вызвать благосклонность на будущее. Когда президент вернул его, колонисты без его ведома спрятали двадцать тысяч *кастельяно* на борту его судна, и по

прибытии в Испанию, не желая обидеть их возвратом пожертвования, он распределил эту сумму среди самых нуждающихся родственников жертвователей, которых смог найти.

1550.

В январе 1550 года президент отплыл в *Панаму*, и его провожали до берега толпы людей всех рангов и возрастов, одинаково стремившихся оказать ему этот последний знак своего уважения. В марте ему удалось переправить свое сокровище через перешеек, и он благополучно прибыл в *Номбре-де-Диос*. Там он снарядил флот из девятнадцати судов, чтобы перевезти себя и королевские сокровища в Испанию. С момента его отъезда из Севильи прошло четыре года. Все, от высших до низших, были так рады полному успеху его миссии, что Гаска был вызван к императору во Фландрию, где после обильных признаний в искренней императорской благодарности он получил единственную приемлемую для него материальную награду в виде епископства Паленсии, в котором и провел остаток своей жизни.

Примечание. Главы VI, VII, X. и XI. тома I. основаны на "Истории завоевания Перу" Уильяма Х. Прескотта. Бентли. 1850.

О "Испанском завоевании Америки" Артура Хелпса. Джон У. Паркер и сын. 1855.

Об "Истории Америки" Уильяма Робертсона.

On "*Histoire des Etablissemens des Européens dans les deux Indes;*" par Raynal (Abbé G. F.)

О "Жизни Писарро" сэра Артура Хелпса. 1869.

О "*Всеобщей истории Перу*" Гарсиласо де ла Вега.

On "*Relacion de los descubrimientos de F. Pizarro y D. de Almagro;*" Navarrete, vol. V.

И о "*Истории Нового Света*" Джироламо Бенцони.

ГЛАВА XII.

АРАУКАНСКАЯ ВОЙНА.

1550-1556.

Арауканцы населяют восхитительный регион между *Андами* и морем, а также между реками *Био-био* и *Вальдивией*. Они получили название арауканцы от провинции *Арауко*. Они гордятся тем, что их называют местным словом, которое означает "свободные". Как раса они довольно высокие, мускулистые и хорошо сложенные. Цвет их лица красновато-коричневый, но более чистый, чем у других коренных американцев. Их круглые лица оживлены маленькими выразительными глазами. У них почти нет бороды, а небольшие волосы, растущие на их лицах, тщательно удаляются. Их женщины изящно сложены, и многие из них очень красивы. Таково их хорошее телосложение и так здоров их образ жизни, что они доживают до преклонного

возраста и редко начинают ощущать его недостатки раньше шестидесяти или семидесяти. Они бесстрашны, оживлены и терпеливы в переносе усталости. Восторженные любители свободы, они ревниво относятся к своей чести, вежливы, гостеприимны и верны своим обязательствам; они также благодарны за услуги, великодушны и гуманны по отношению к побежденным. Однако эти прекрасные качества они разделяют с другими людьми противоположной природы, а именно с невежеством и склонностью к разврату.

Арауканцы одеваются в короткие одежды, как наиболее подходящие для войны. Их одежда сделана из шерсти и состоит из рубашки, жилета, коротких брюк и плаща или *пончо*, подобного тем, которые носят по всей Южной Америке. Преобладающий цвет их одежды - бирюзово-голубой. Их *пончо* имеют тонкую текстуру и украшены цветными фигурками цветов и животных, выполненными с большим мастерством. На головах у них повязки из вышитой шерсти, а вокруг тела - пояса из того же материала. Женщины одеты с большой скромностью и простотой, их платье полностью из шерсти и состоит из туники, пояса и короткого плаща. Они живут в разбросанных деревнях по берегам рек или на легкоорошаемых равнинах. У них сильные привязанности к местным условиям, каждая семья предпочитает жить на земле, унаследованной от своих предков, и возделывать часть которой, достаточную для их существования.

Политическое деление арауканского государства регулируется с большим умом. Он разделен с севера на юг на четыре государства, называемые соответственно приморской страной, равнинной страной, страной подножия *Анд* и *Андами*. Каждое правительство разделено на пять провинций, а каждая провинция - на девять округов. Государство состоит из трех дворянских сословий, каждое из которых подчинено другому, и у каждого есть свои соответствующие вассалы. Это *токи*, *апоульмены* и *ульмены*. *Токвисов*, или губернаторов, всего четыре. Они независимы друг от друга, но объединены ради общественного блага. *Архиепископы* управляют провинциями в соответствии со своими соответствующими *токами*. *Ульмены* управляют округами. Высшие чины, как правило, также понимаются под термином *Ульмены*. Эмблемой *токи* является боевой топор. *Апо-ульмены* и *ульмены* носят посохи с серебряными наконечниками, у первых посередине посоха кольцо из того же металла. Эти различные достоинства передаются по мужской линии и передаются по первородству.

Кодекс законов, принятый у арауканцев, примитивен и представляет собой не более чем неписаный обычай. Они имеют своей целью сохранение свободы и установленной формы правления. Подданные не подлежат обложению налогом или какой-либо личной службе, за исключением военного времени; они также не могут быть призваны платить взносы своим вождям. Любовь к свободе настолько укоренилась в людях, что они не могут выносить деспотизма и поэтому выступают против любых попыток расширить власть своих правителей. Всякий раз, когда большой совет принимает решение начать войну, он приступает к выборам командующего, на достоинство которого *токи* имеют первое право. Генерал на данный момент является диктатором, другие власти приносят ему присягу на повиновение. При начале войны к племенам конфедерации отправляются гонцы, чтобы проинформировать их о предпринятых шагах. *Токи*, или командующий, определяет количество солдат, которые должны быть предоставлены каждым правительством, и поскольку каждый арауканец является солдатом по рождению, армия в пять или шесть тысяч человек набирается без труда. Кавалерия вооружена мечами и пиками, пехота - пиками или дубинками. Как ни странно, эта раса воинов не переняла

у своих испанских соседей искусства изготовления пороха, по крайней мере, до начала нынешнего столетия.

Арауканцы признают Верховное Существо, Вселенского Правителя; и все они согласны в вере в бессмертие души. Их солнечный год начинается 22 декабря, что соответствует тому же июньскому дню в северных широтах. Год делится на двенадцать месяцев по тридцать дней в каждом; и чтобы завершить тропический год, они соединяют пять дней. У них, как и в Европе, четыре времени года. Арауканцы успешно культивируют риторику, поэзию и медицину. Они многоженцы, безбрачие считается постыдным. Их основная пища состоит из зерна и бобовых. Они очень ценят индийскую кукурузу и картофель. Последний овощ выращивался их предками с незапамятных времен. Они почти не употребляют животную пищу или рыбу, хотя их реки изобилуют последней. Их обычный напиток - пиво или сидр, и они чрезвычайно любят вино. Их игры многочисленны и изобретательны, и заслуживает внимания тот факт, что среди них есть игра в шахматы, которая была известна этим воинам еще до прихода испанцев. Это называется *комик*, в то время как их игра в кечу имеет большое сходство с нардами.

1550.

Арауканцы, решив послать помощь жителям *Панко*, отдали приказ своим *токи* немедленно выступить им на помощь с четырьмя тысячами человек. В 1550 году их генерал перешел *Био-био*, река, отделяющая территорию Араукании от территории *Панконес*, и предложил захватчикам бой. После первого ружейного залпа арауканцы обрушились спереди и с флангов на испанцев, которые, построившись в каре, отражали их яростные атаки со своей обычной доблестью, многие пали с обеих сторон. Битва длилась несколько часов, под Вальдивией была убита его лошадь. Испанцы были приведены в беспорядок; но арауканцы в конце концов отступили с поля боя, так как их генерал Айлавалу был убит. Вальдивия, опытный солдат, заявил, что он никогда не подвергался такой неминуемой опасности, и выразил свое уважение к доблести и мастерству своих противников, построив мощное укрепление в ожидании дальнейшей атаки.

Как только арауканцам сообщили о смерти их генерала, они послали в бой еще более многочисленную армию под командованием Линкояна. В следующем году новые *токи* выступили в поход против испанцев, которые укрылись под орудиями своих укреплений. Линкоян, однако, был командиром марки Фабия и, сочтя свою первую атаку безуспешной, приказал поспешно отступать — к великому удивлению Вальдивии. Столь неожиданный результат был приписан святому Яго, которого видели во время драки верхом на белом коне и вооруженным пылающим мечом. Но это чудо, добавляет искренний церковный историк [O], у которого мы цитируем, не заслуживает большей похвалы из-за того, что оно так часто повторялось.

1552.

Теперь, когда Вальдивия освободился от террора арауканцев, он с большим усердием занялся строительством нового города, где намеревался поселить свою семью. При разделе земель он оставил за собой полуостров, лежащий между устьями рек *Био-био* и *Андалиен*. Город быстро развивался, и он занялся регулированием его внутренней полиции. Его уставы обнаруживают большую осмотрительность и гуманность в отношении обращения с местными жителями. Полагая, что арауканцы теперь уstraшены, он решил взять инициативу в свои руки и напасть на

них; и с этим намерением в 1552 году он миновал *Био-био* и направился к реке *Кантен*. При впадении этого ручья в *Дамас* он основал другой город, которому дал название *Имперский*.

Увлеченный своими неоспоримыми успехами, он теперь проявил обычную щедрость испанского завоевателя в распоряжениях собственностью, которая ему не принадлежала. Предположив, что он победил самый доблестный народ *Чили*, он передал своим последователям прилегающий район. Вильяграну, своему наместнику, он передал провинцию *Макегуас* тридцатью тысячами жителей. Другие офицеры получили от восьми до двенадцати тысяч туземцев с соответствующими землями; в то время как Альдерете был отправлен с шестьюдесятью людьми основать поселение на берегу озера *Лакуэн*. Ему было дано название *Вилларики* из-за количества золота, найденного рядом с ним. Сам Вальдивия, все еще не потревоженный арауканцами, продолжил свой поход на юг, где он основал свой шестой город, который назвал *Вальдивия*, будучи первым испанским завоевателем, который таким образом стремился увековечить свое имя. Это поселение, которое, как и *Имперуал*, просуществовало недолго, сейчас представлено только своей крепостью.

Вальдивия, довольный своими приобретениями, вернулся по своим следам и на обратном пути возвел по крепости в каждой из трех провинций: *Пурен*, *Тукапель* и *Арауко*. Не задумываясь об огромных масштабах страны, которую ему приходилось защищать столь малыми силами, он по возвращении в *Св. Яго* отправил Агирре с двумя сотнями человек завоевывать провинции *Куджо* и *Тукуман* на восточной стороне *Анд*. В провинции *Энкол* Вальдивия основал свой седьмой и последний город, которому он дал название "*Город границ*", название, которое, хотя он и не мог этого предвидеть, исключительно применимо к положению его руин в наши дни, поскольку он расположен на границе *Чили* и *Аргентинской Республики*. По возвращении в *Консепсьон* он отправил Альдерете в Испанию с большой суммой денег и отчетом о своих завоеваниях. Он должен был потребовать для себя взамен бессрочного правления завоеванной страной с титулом маркиза *Арауко*.

В то время как Вальдивия был занят разработкой своих обширных планов, которые включали открытие прямого сообщения с Европой через *Магелланов пролив*, на стороне арауканцев работали передовые умы с целью сорвать планы губернатора *Чили*. Престарелый *ульмен* из провинции *Араукопо* имени Колокололо, выйдя на пенсию, объехал провинции Араукании, побуждая своих соотечественников усердствовать в освобождении своей страны. В качестве практического шага к достижению этой цели он умолял их выбрать нового генерала вместо медлительного Линкояна. Возраст и опыт Колокололо придавали ему вес в глазах соотечественников; и, соответственно, *ульмены*, которые уже разделяли его мнение, собрались, чтобы обсудить вопрос об избрании. Было много претендентов на должность генерала; но в конце концов все сошлись на выборе Колокололо, который пал на *Ульмена* Кауполикана, офицера, чья последующая карьера полностью оправдала этот выбор.

Новый генерал, взяв в руки топор, который был знаком его власти, немедленно назначил офицерами служить под его началом каждого из своих конкурентов и даже своего предшественника. Арауканцы были так уверены в своих новых *токи*, что требовали, чтобы их немедленно повели против испанцев; но их вождь сдерживал этот пыл до тех пор, пока они не будут в подходящей форме, чтобы встретиться с ними в поле. Когда они были таковы, он начал свои действия с помощью стратегии, которая была подсказана случайностью. Партия из восьмидесяти туземцев, союзников испанцев, везла фураж на соседний пост *Арауко*. Вместо

тех, кто попал к нему в руки, Кауполикан выделил такое же количество своих людей, которым приказал прятать оружие в пучках травы и удерживать ворота крепости до тех пор, пока он не придет им на помощь. Хитрость удалась настолько, что стражники были застигнуты врасплох и обезоружены. Однако оставшейся части гарнизона удалось изгнать арауканцев и поднять подъемный мост как раз в тот момент, когда подошли их соотечественники. Затем крепость подверглась нападению, но безуспешно, когда Кауполикан решил уничтожить это место голодом.

После нескольких вылазок испанцы решили покинуть форт и удалиться в *Пурен*. Кауполикан, разрушив эту крепость, повел свои войска атаковать крепость *Тукапель*, командир которой также отступил в *Пурен*. Этот форт тоже был разрушен. Как только Вальдивия, который в то время находился в *Зачати*, узнал об осаде *Арауко*, он двинулся на это место с такими силами, какие только смог собрать. Приблизившись на небольшое расстояние к лагерю противника, он послал вперед Диего дель Оро на разведку с десятью всадниками. Этот отряд столкнулся с отрядом арауканцев, все они были убиты, а их головы были подвешены к деревьям. Испанские солдаты, прибыв на место, были настолько преисполнены ужаса от неожиданного зрелища, что им не терпелось вернуться. Их командир тоже испытывал некоторые опасения из-за того, что пренебрег советом некоторых своих старших офицеров, которые отговаривали его от наступления; но, тем не менее, он продолжил свой марш и 3 декабря 1553 года оказался в поле зрения вражеского лагеря.

1553

Две армии еще долго продолжали наблюдать друг за другом. Наконец Марианту, командовавший правым отрядом арауканцев, двинулся против левого отряда испанцев, которые двинулись ему навстречу. Этот отряд был окружен и разрезан на куски, как и другой, посланный ему на помощь. Вскоре акция приобрела всеобщий характер, обе стороны проявили равную доблесть и имели равный пример храбрости в лице своих соответствующих командиров. Арауканцы, несмотря на резню, произведенную среди них огнестрельным оружием противника, продолжали снабжать свежими войсками места, где были убиты. Наконец, после больших потерь, они пришли в замешательство и начали отступать, несмотря на героические увещевания своих вождей.

Именно в этот критический момент на сцене появился молодой герой в лице Лаутаро, шестнадцатилетнего арауканского юноши, которого Вальдивия ранее взял в плен, заставил креститься и сделал своим пажом. Лаутаро, покидая испанцев, громко упрекал своих отступающих соотечественников и призывал их продолжать бой, так как их противники, измученные усталостью, были уже не в состоянии сопротивляться им. В то же время, схватив копье, он проложил путь к победе, которая сразу же заявила о себе арауканцам. Из испанской армии спаслись только двое. Это были жители Премауки, которые спрятались в соседнем лесу.

Вальдивия, видя, что все потеряно, удалился со своим капелланом готовиться к смерти. Однако его преследовали, схватили и привели к Кауполикану. Он смиренно умолял сохранить ему жизнь, торжественно обещая бросить *Чили* вместе со всеми своими последователями. Лаутаро ходатайствовал за его жизнь, которую арауканский генерал был склонен даровать; но пока он раздумывал над этим вопросом, пожилой *ульменец*, который испытал на себе всю меру испанской добросовестности по отношению к туземцам, пришел в такую ярость, услышав разговоры о милосердии, что потерял самообладание. Крикнув, что они, должно быть,

сумасшедшие, раз доверяют обещаниям врага, который посмеется над его клятвами, как только тот окажется на свободе, он отправил Вальдивию в нокаут ударом своей дубинки. Кауполик был раздражен таким поведением, но большинство его офицеров приветствовали его. Так пал завоеватель *Чили*, человек, несомненно, наделенный великим умом, превосходными организаторскими способностями и умением управлять, а также превосходными военными талантами. Современные чилийцы могут с удовлетворением вспоминать об основателе своего государства как о человеке, чье имя не запятнано ужасными жестокостями по отношению к туземцам, которые связаны с памятью о завоевателях *Перу*. Даже во время вспышки после поселения на ул. *Яго*, к чести Вальдивии следует отметить, что он просто отправил зачинщиков в тюрьму. Писарро безжалостно сжег бы их.

Эта победа, как можно предположить, была отмечена большим ликованием со стороны арауканцев. Когда с этим было покончено, Кауполик, теперь облаченный в доспехи Вальдивии, представил молодому Лаутаро национальное собрание в качестве своего лейтенанта, которому в будущем предстояло командовать отдельным отрядом. Тем временем Линкоян присоединился к отряду из четырнадцати испанцев, шедшему из *Империаля* на помощь Вальдивии. Из этих семерых только один спасся, несмотря на то, что был тяжело ранен, чтобы донести весть о разгроме войск Вальдивии до форта *Пурен*. Жители этого места и *города на Границе* после этого удалились в *Империаля*. Жители *Вилларики*, со своей стороны, отступили в *Вальдивию*, таким образом, оставив арауканцам только два места для нападения. Кауполик решил осадить их и поручил Лаутаро заботу о защите северной границы. Последний с этой целью укрепился на горе *Маригуэну*, по дороге в *Арауко*, на вершине которой раскинулась обширная равнина, усеянная деревьями.

Тем временем два промаукийца, которые единственные спаслись от разгрома испанцев, достигли *Консепсьона*, наполнив город ужасом. Командование теперь перешло к Вильяграну, который, сделав необходимые приготовления, начал свой марш на *Арауко*. Он пересек *Био-био* без сопротивления, но вскоре после этого столкнулся в узком проходе с отрядом арауканцев, которые оказали ему решительное сопротивление. Однако после трехчасового боя они потерпели поражение и отступили к вершине, где был разбит лагерь Лаутаро. Трем отрядам испанской кавалерии было приказано расчистить трудный проход, и после больших трудов они оказались недалеко от вершины. Однако они были встречены непрекращающимся дождем камней и стрел, в то время как арауканцы в то же время подвергались ожесточенному огню из мушкетов и шести полевых орудий. Гора была покрыта дымом, но Лаутаро, несмотря на шум и неразбериху, не потерял присутствия духа. Видя, что преимущество испанцев заключается в их полевых орудиях, он приказал Левкотону, одному из своих самых храбрых офицеров, завладеть ими, приказав ему не показываться больше, пока он не сделает этого. Этому храброму воину при поддержке одновременной атаки Лаутаро удалось захватить всю пушку целиком. Испанцы, придя в замешательство, обратились в бегство, оставив, как говорят, на поле боя три тысячи убитых.

Сам Виллагран чудом избежал попадания в плен; но именно благодаря его отчаянным усилиям расчистить перевал во время отступления кто-либо из его несчастной армии выжил. Арауканцы потеряли со своей стороны около семисот человек. Они были слишком измотаны, чтобы преследовать испанцев далеко. Достигнув *Консепсьона*, Вильягран, посчитав невозможным оборонять это место, поместил стариков, женщин и детей на борт двух кораблей, стоявших в гавани, приказав капитанам доставить их в *Империаля* или в *Вальпараисо*. Вместе с оставшимися

жителями он отправился по суше в *Святой Яго*. Лаутаро, пересекший *Био-био*, обнаружил, что *Конселсьон* опустел. Это вознаградило его армию большой добычей, полученной в результате торговли и рудников, вывезти которую у горожан не было времени. Подожгв дома и сравняв с землей цитадель, юный победитель с триумфом вернулся в *Арауко*.

Коменданты городов *Империа*л и *Вальдивия*, оба из которых были плотно осаждены Кауполиканом, потребовали помощи от Вильяграна, который, несмотря на свои недавние потери, все еще был в состоянии прислать им достаточное количество войск для их защиты. При таких обстоятельствах арауканский генерал, отчаявшись овладеть этими местами, отступил со своими войсками, чтобы присоединиться к Лаутаро. Вильягран, воспользовавшись отступлением противника, разорил местность по соседству с *Империа*лом, куда перевез всю оставшуюся провизию. К этим бедствиям войны в это время добавилась эпидемия. Во время вышеупомянутых вторжений, предпринятых Вильяграном, некоторые испанские солдаты впервые передали арауканцам ужасную инфекцию оспы, которая произвела среди них огромные разрушения. Говорят, что в одном округе, где проживало двенадцать тысяч человек, не более сотни избежали жизни.

1555.

В то время как долг противостоять арауканцам требовал от Виллаграна всех усилий и внимания, этот офицер был на грани того, чтобы обратить оружие против своих собственных соотечественников. Вальдивия оставил после себя письменные инструкции, которые должны были быть вскрыты в случае его смерти. Благодаря им его преемственность перешла, в свою очередь, к Альдерете, Агирре и Вильяграну. Поскольку первый отсутствовал в Европе, а второй - в *Куджо*, командование, как уже было сказано, принял Вильягран. Однако Агирре, узнав о смерти Вальдивии, покинул *Куджой* с шестьюдесятью людьми вернулся в *Чили*, полный решимости захватить власть в свои руки. Гражданская война была на грани того, чтобы вспыхнуть; но с большим самообладанием и самоотречением, чем обычно можно было встретить среди испанских завоевателей, оба претендента согласились представить свои соответствующие претензии на королевской аудиенции в *Лиме*. Этот суд, обладавший в то время юрисдикцией над всей Южной Америкой, сначала отложил рассмотрение вопроса, но, поразмыслив, утвердил Вильяграна в должности командующего, приказав ему одновременно восстановить *Конселсьон*. Эта мера была предпринята им вопреки его собственному суждению.

Местные жители, возмущенные новой перспективой иноземного ига, обратились к своим защитникам, арауканцам, которые послали им на помощь две тысячи человек под командованием Лаутаро. Молодой генерал без промедления миновал *Био-био* и был встречен испанскими войсками на равнине. При первом столкновении горожане, охваченные паникой, вернулись в форт с такой поспешностью, что испанцы вошли вместе с ними, убив множество людей. Остальные рассеялись либо на борту корабля, либо в лесах, стараясь, как могли, добраться до *Святого Яго*. *Яго*. Лаутаро снова сжег город и вернулся на свое обычное место.

Успешный результат этого предприятия побудил Кауполикана еще раз предпринять осады *Империа*ла и *Вальдивии*, в то время как Лаутаро, со своей стороны, предпринял отвлекающий маневр, выступив против *св. Яго*. Чтобы привести этот проект в исполнение, он отобрал всего шестьсот человек из всех, кто пожелал присоединиться к его штандарту. С ними он объехал провинции, лежащие между *Био-био* и *Моле*, бережно относясь к собственности местных жителей. Однако, когда он перешел эту последнюю реку, он опустошил земли промавкийцев,

которые были привержены интересам Испании. Затем он укрепился на выгодном посту на *Рио-Кларос* целью получения информации о городе, который он предполагал атаковать. Эта несвоевременная задержка дала передышку жителям *Санкт-Петербурга*. *Яго*, который поначалу не мог поверить в реальность наступления Лаутаро. Вильягран, находясь в это время на больничном, передал командование на местах своему сыну, в то время как сам продолжил укреплять город настолько, насколько позволяли обстоятельства. Педро Вильягран атаковал арауканцев в их укреплениях, но был полностью разбит, и только его кавалерия смогла спастись. Не смущенный, однако, этим опытом, он трижды возвращался в атаку со свежими войсками, и каждый раз был отбит с потерями. Затем он разбил свою армию лагерем на лугу, что навело арауканцев на мысль затопить его ночью с помощью ответвления ручья. Этот замысел, однако, был предан испанцам, которые удалились в *Сент-Луис*. *Яго* успел вовремя предотвратить его исполнение.

1556.

Старший Виллагран был теперь в состоянии выйти на поле боя, и жители *Сент-Луиса* настойчиво умоляли его сделать это. *Яго*, который каждую минуту видел Лаутаро у своих ворот. Наконец он двинулся в путь примерно с двумя сотнями испанцев и тысячей туземцев. После того как он скрытно двинулся вдоль берега моря, свернув с главной дороги, шпион на рассвете направил его к лагерю арауканцев. Лаутаро, застигнутый врасплох, поспешил к укреплениям, но был пронзен в сердце оружием, брошенным одним из туземных вспомогательных войск. В результате этого неожиданного события укрепления были атакованы со всех сторон, и арауканцы после упорного сопротивления, отказавшись от всех условий капитуляции, были вырезаны на куски до последнего человека.

Эта знаменательная победа была отпразднована последовавшими три дня подряд ликованиями в *Сан-Яго*; но испанцы, избавившись от охватившего их ужаса, были достаточно великодушны, чтобы воздать должное заслугам арауканского героя, который в раннем девятнадцатилетнем возрасте заставил их дрожать за безопасность своей Чилийской империи.

Примечание.— Следует отметить, что в то время как Молина произносит эту страну как "*Чили*", Овалле, как и он, чилиец, произносит название "*Чили*". Этимология этого слова, согласно последнему автору, насколько я его понимаю, происходит от южного ветра; но это может относиться к названию Южного моря. Он не очень ясен в рассматриваемом отрывке.—Овалле, книга i. глава xiv.

ГЛАВА XIII.

АРАУКАНСКАЯ ВОЙНА —(продолжение). ПРАВИТЕЛЬСТВО ДОНА ГАРСИИ ДЕ МЕНДОСЫ.

1557-1560.

Узнав о смерти Лаутаро, Кауполикан снял осаду *Имперуала* и вернулся со своей армией, чтобы защищать границы *Араукании* от нового вторжения, которое он предвидел. Когда весть о смерти Вальдивии достигла Испании, управление *Чили* было поручено его агенту Альдерете,

который также предоставил в его подчинение шестьсот регулярных войск. Во время его выхода наружу свет, которым пользовалась его сестра для чтения в постели, стал причиной пожара на корабле недалеко от *Порто-Белло*. Катастрофа была настолько полной, что из всего отряда спасся только Альдерете с тремя солдатами. Вскоре после этого он умер на острове *Тобаго* в *Панамском заливе*.

1557.

Маркиз Канете, вице-король *Перу*, назначил на вакантный пост губернатора *Чили* своего сына *дона* Гарсию де Мендоса, предоставив ему в то же время достаточный контингент войск для прекращения арауканской войны. Всеобщая вербовка проходила по всему *Перу*, где, поскольку гражданская война на некоторое время подошла к концу, ощущалось значительное стремление к дальнейшим военным авантюрам. Мендоса и его отряд пехоты погрузились на борт десяти кораблей, в то время как кавалерия продолжала свой путь по суше под командованием *дона* Гарсии Рамона. Флот прибыл в залив *Консепсьон* в апреле 1557 года и бросил якорь недалеко от острова *Квириквина*, где жители не смогли успешно противостоять им. Некоторые из них были захвачены в плен при попытке отступить на материк, и новый губернатор отправил двух или трех из них к арауканцам с известием о своем прибытии и с предложениями о длительном мире.

The Ульмены собрались на совет, чтобы обсудить, какие шаги следует предпринять. По совету престарелого Колоколото было решено выслушать испанского губернатора, и был выбран подходящий человек, который должен был выступить в качестве посланника для этой цели. Испанцы приняли Мийалауко таким образом, что произвели на него впечатление своей мощью и величием, но гордый вождь ограничился тем, что заверил *дона* Гарсию в удовольствии, которое он и его народ испытают при установлении почетного мира, к которому, по его словам, его побудили гуманные побуждения. Посланника приняли со всем возможным вниманием, а затем провели по лагерю. Он наблюдал за всем с видимым безразличием и по возвращении посоветовал своим соотечественникам готовиться к немедленной войне.

Дон Гарсия, однако, провел зиму на острове, ожидая прибытия своей кавалерии из *Перу*. Наконец, в ночь на 6 августа (что соответствует нашему февралю) он высадил сто тридцать человек на равнине *Консепсьон* и овладел горой *Пинто*, возвышающейся над гаванью. Здесь он построил форт, в котором разместил большое количество пушек. Узнав о случившемся, Кауполикан поспешно собрал свои войска и через три дня прошел через *Био-био*. На следующее утро, на рассвете, в знаменитый День *Святого Квинтина*, он атаковал крепость с трех сторон, предварительно завалив ров стволами и ветками деревьев. Атака была яростной, но ее сдержали умелые руки, руководившие пушечным и мушкетным огнем. Находившиеся на острове испанцы, почувствовав опасность, грозящую осажденным, пришли им на помощь. Кауполикан послал против них часть своих войск; но после боя, длившегося несколько часов, они были вынуждены отступить к горе, таким образом оставив арауканцев между двух огней. Измученные усталостью, они должны были теперь удалиться в *Био-био*. Кауполикан намеревался возобновить свой поход на *Консепсьон*, но тем временем он узнал, что прибыла испанская кавалерия, и поэтому ему пришлось неохотно отказаться от надежды повторить подвиг, который дважды совершил Лаутаро.

Дон Гарсия теперь был в состоянии перейти в наступление. Когда его армия отдохнула, он пересек *Био-био* на лодках в пределах видимости Кауполикана, который не смог воспрепятствовать его переходу. Этот генерал ждал его на позиции, окруженной лесом, что

могло бы принести ему пользу в случае поражения. Первая стычка была благоприятной для арауканцев; но когда две армии встретились, они не смогли продвинуться вперед под огнем испанских мушкетов, и после многих безрезультатных попыток они были вынуждены в замешательстве отступить и укрыться в лесу. Испанский генерал применял жестокие меры по отношению к своим пленным, даже позволяя своим союзникам-туземцам калечить их в его собственном присутствии. Среди схваченных по этому случаю был некто по имени Гальверино, которому *дон Гарсия* приказал отрубить руки. Когда он вернулся к своим соотечественникам в таком состоянии, они так воспламенились против испанцев, что поклялись предать смерти любого, кто предложит мир.

Испанская армия теперь вторглась в провинцию *Арауко*, но враг так и не оставил ее в покое. Генерал подверг пыткам нескольких туземцев, чтобы получить информацию о Кауполикане, но не смог узнать о месте его отступления. Однако ему не пришлось долго ждать, прежде чем увидеть его, потому что очень скоро он появился со своей армией в три шеренги. Когда испанская кавалерия атаковала первой, ее встретил Кауполикан, который отдал приказ своим пикинерам встретить атаку конницы поднятыми копьями, в то время как носители булав должны были наносить удары по их головам. Пока кавалерия была, таким образом, повергнута в замешательство, арауканский генерал ворвался в центр пехоты, будучи умело поддержан Такапелем во главе другой дивизии. Победа, казалось, ожидала арауканцев, когда *дон Гарсия* отдал приказ своему резерву атаковать оставшуюся дивизию противника, которая, в свою очередь, была повергнута в такое замешательство, что Кауполикан был вынужден подать сигнал к отступлению.

Испанский генерал отпраздновал свою победу, приказав повесить двенадцать *ульменов*, которые были среди его пленных, после чего он проследовал в провинцию *Тукапель*, где в местности, где потерпел поражение Вальдивия, он основал город, который по титульному наименованию своей семьи назвал *Канете*. Затем он вернулся в *Имперуал*, где был принят с триумфом. Из *Имперуала* он отправил в *Канете* обильный запас провизии; но конвой был разбит отрядом арауканцев на перевале *Каукупиль*. Однако многие из конвоя бежали в *Канете*, который вскоре после этого подвергся нападению со стороны Кауполик. Однако после пятичасовой атаки ему пришлось отказаться от этого предприятия, когда он решил прибегнуть к военной хитрости.

Выбрав одного из своих офицеров по имени Пран, он убедил его поступить в гарнизон дезертиром, где познакомился с чилийцем, состоявшим на службе у испанцев. Этот человек, которому Пран преждевременно раскрыл свой план ввести в это место несколько арауканских солдат, выдал свой план испанскому командиру, который приказал ему продолжать обман, чтобы заманить врага в их собственную ловушку. Высшие офицеры арауканцев, когда им сообщили о намерении их генерала, не только открыто осудили его, как позорящее национальный характер, но и отказались иметь какое-либо отношение к приведению его в исполнение. Кауполикан, однако, в назначенное время выступил в *Каньете* с тремя тысячами человек и должным образом попал в приготовленную для него ловушку. Когда половина его отряда вошла, испанцы внезапно закрыли ворота, одновременно открыв картечный огонь по тем, кто находился снаружи, в то время как кавалерия, вышедшая из других ворот, была готова завершить их уничтожение. Тем временем все, кто находился в крепости, были перебиты до единого человека. Кауполикан сбежал с несколькими слугами в горы.

После этого катастрофического отпора *дон Гарсия* имел некоторое право прийти к выводу, что арауканская война практически закончилась, и поэтому он приказал восстановить город *Консепсьон*. Далее он решил отличиться как исследователь-завоеватель, отправившись в страну *кунчей*, которые не были противниками испанского оружия. Старейшины этого народа обсуждали на совете, каким образом им следует принять чужеземцев, и присутствовавший при этом арауканский изгнанник посоветовал им внушить испанцам представление об их бедности. “Как вассалы, - сказал этот проницательный человек, - вы будете презираемы и вынуждены трудиться; как враги вы будете уничтожены. Если вы хотите освободиться от этих опасных посетителей, заставьте их поверить, что вы ужасно бедны”. Следуя этому совету, *кунчи* отправили послов, одетых в жалкие лохмотья, чтобы сделать комплимент испанскому генералу и преподнести ему подношение, состоящее из корзины с жареными ящерицами и дикорастущими фруктами.

Этот прием удался настолько, что убедил испанцев в бедности *канчей*; но *дон Гарсия* не мог сразу отказаться от своего плана исследования. В поисках проводника от послов ему дали того, у кого были инструкции провести свою армию вдоль побережья самыми пустынными дорогами. Этот человек так хорошо выполнил свои инструкции, что испанцы, привыкшие к самым изнурительным маршрутам, были вынуждены признать, что они никогда раньше не сталкивались с подобными трудностями. Вдобавок к их неприятностям, на четвертый день перехода их покинул проводник, поскольку они находились в то время в пустыне, окруженной пропастями. Однако их командир постоянно подбадривал их, и, преодолевая все препятствия, они достигли высокой горы, с которой могли разглядеть великий архипелаг *Хилоэ*.

Эта неожиданная перспектива привела их в восторг. Они несколько дней страдали от голода, но, поспешив к берегу, были хорошо приняты туземцами, которые подплыли к ним на своих лодках и предложили обильный запас провизии. Теперь все были бесплатно обеспечены маисом, фруктами и рыбой, и испанцы получили возможность пройти вдоль архипелага до залива *Релонкави* и посетить некоторые из соседних островов. Среди этих исследователей был поэт *Эрсилла*, который отметил на коре дерева на южной стороне залива дату его открытия - 28 февраля 1558 года. [P] Удовлетворенный своими исследованиями, *дон Гарсия де Мендоса* теперь отправился в обратный путь, взяв одного из островитян в качестве проводника, который благополучно провел его другим, менее сложным маршрутом в *Имперуал*. По пути он основал город *Осорно*, значение которого быстро возросло благодаря его фабрикам по производству шерстяных и льняных тканей, а также добытому в окрестностях чистому золоту.

Пока Мендоса отсутствовал в этой экспедиции, Алонсо Рейносо, командир *Каньете*, отличился актом исключительной бесчестности даже среди испанских судов того времени. Он не скупился ни на предложения вознаграждения, ни на применение пыток, чтобы обнаружить тайник Кауполикана. Наконец, найдя туземца, поддавшегося тому или иному из этих влияний, он отправил под его руководством отряд кавалерии, которому удалось застать врасплох генерала-ветерана. Однако только после доблестного сопротивления десяти своих преданных последователей он согласился сдаться —к большому негодованию своей жены, которая бросила ему своего малолетнего сына, назвав его в то же время трусом за то, что он не предпочел умереть на месте. Выдающегося пленника привели к Рейносо, который немедленно приказал проткнуть его насквозь и в таком состоянии пронзить стрелами.

Кауполикан, выслушав свой приговор, спокойно указал, что его смерть не может привести ни к какой другой цели, кроме разжигания закоренелой ненависти его соотечественников к испанцам; что, если бы его жизнь была сохранена, он мог бы быть полезен в интересах испанского монарха и религии, которые, по словам испанца, были единственной целью этой разрушительной войны; но что, если будет решено, что он умрет, было бы лучше, если бы его отправили в Испанию, где его целью не могло бы стать создание новых беспорядков в его стране. Его аргументы не убедили Рейносо, который, однако, был достаточно тактичен, чтобы предоставить ему услуги священника. После его мнимого обращения и последующего крещения его повели на эшафот для казни. Увидев орудие наказания, природу которого он только сейчас понял, и негра, который должен был исполнять роль палача, он пришел в такую ярость, что яростным пинком сбросил последнего с эшафота, воскликнув с достоинством: “Неужели нет меча или какой-нибудь менее недостойной руки, чтобы предать смерти такого человека, как я? Это не правосудие, это низменная месть”. Однако он был схвачен численностью и вынужден подвергнуться наказанию, которое обрекло имя Рейносо на позор как среди испанцев, так и арауканцев. [Q]

Предсказания Кауполикана вскоре подтвердились. Охваченные безграничной яростью, арауканцы немедленно приступили к избранию нового *Токи*, который должен был отомстить за своего несчастного генерала. Выбор пал на его сына, который, собрав армию, пересек *Био-био* с намерением атаковать *Консепсьон*. Его встретил Рейносо с пятью сотнями человек, когда произошло ожесточенное сражение, в котором испанцы потерпели полное поражение. Рейносо, раненный Тукапелем, смог с несколькими всадниками вновь прорваться через *Био-био*. Вторая атака, предпринятая им на арауканский лагерь, увенчалась не большим успехом. Арауканцы теперь узнали, что *дон Garcia had quitted Imperial with a large body of troops and was laying waste the neighbouring provinces, upon which their young general renounced the siege of Concepcion* и поспешил к ним на помощь. По пути он был неожиданно атакован двумястами всадниками, сидевшими в засаде. Однако он не только бежал без потерь, но и изрубил на куски большую часть нападавших, преследуя остальных до *Имперуала*, куда *вернулся* Гарсия.,,

Имперуал был осажден с большим упорством, и молодой кауполиканец, не наученный опытом своего отца, попытался заручиться лояльностью вспомогательных войск испанцев. Однако два его посланца были обнаружены и посажены на кол в пределах видимости его армии, в то время как сто двадцать вспомогательных войск были повешены на крепостных валах. Это, однако, не обескуражило арауканского генерала, который предпринял яростную атаку, в ходе которой его жизнь подверглась большой опасности. Он даже ночью проник в город, сопровождаемый Такапелем и другими, но был отброшен *доном* Гарсией, чья бдительность присутствовала повсюду, и он был обязан своей безопасностью смелому прыжку с бастиона. Ему не хватало терпения для медленного продолжения осады, и поэтому он решил отказаться от нее и пустить в ход свое оружие против Рейносо в надежде отомстить за смерть своего отца. Однако этот офицер, к которому присоединился Мендоса, был в состоянии помешать его попыткам. Можно отметить, как особенность этой войны, что Рейносо перед этим согласился вынести вопрос между собой и своим противником, Мильялауко, на обсуждение единоборства. Дуэль состоялась, но ни один из бойцов не получил преимущества.

Следующая кампания была отмечена несколькими столкновениями, некоторые из которых были благоприятными для арауканцев, которые, однако, видели, как их численность быстро уменьшалась под действием огнестрельного оружия их врагов, в то время как испанцы, с другой

стороны, постоянно набирались из *Перу* и Европы. Поэтому Кауполикан укрепился между *Канете* и *Консепсьоном* в местечке под названием *Килео*. Дон Гарсия немедленно направился туда, чтобы сместить его. Пока он откладывал свою атаку в надежде отвлечь арауканцев от их сильной позиции, произошло несколько стычек, в одной из которых Мильялауко был взят в плен. Этот бесстрашный воин, независимо от своего положения, сурово упрекнул испанского командующего в его жестокости, которую он собирался продемонстрировать еще раз, получив от Мендосы приказ быть пронзенным на месте. В это время Эндрю, туземец, который при осаде *Империаля* предал Прана, тайного агента старшего кауполиканца, был теперь послан *доном* Гарсией убедить арауканского генерала под угрозой самого сурового наказания подчиниться его власти. Угрозы, без сомнения, были серьезны; но посланец был выбран неудачно, поскольку арауканец с огромным трудом удержался от того, чтобы лично отомстить предателю своего отца. Однако, в отличие от Карла XII, в случае с Паткулем он уважал репутацию посла. Однако ему не пришлось долго ждать своей мести. Эндрю, которого через день или два поймали как шпиона, был подвешен за ноги к дереву и задохнулся от дыма.

Теперь Мендоса приказал начать яростную атаку на арауканский лагерь, который сначала подвергся ожесточенному артиллерийскому обстрелу. Арауканцы бросились вперед, учинив большую резню среди испанцев. Умелым движением последних им был отрезан путь к отступлению, и они оказались в окружении. Кауполикан и его бесстрашный отряд, тем не менее, вели равный бой в течение шести часов, по истечении которых он обнаружил, что его старшие офицеры — среди них Такапель, Колокололо и Линкоян — были убиты. Затем он, наконец, попытался отступить с небольшими остатками своего войска; но, будучи настигнут отрядом испанской кавалерии, он покончил с собой, чтобы избежать участи своего отца.

Битва при *Килео* — Флодден арауканцев — показалась Мендосе решающей, и теперь он посвятил все свое внимание восполнению потерь в войне. Он восстановил укрепления *Арауко* и *Ангола*, а также восстановил город *Вилла Рика*, в результате чего его заброшенные шахты были открыты заново. Он также добился учреждения епископства *Святого Яго*, первым его главой стал францисканский монах Фернандо Баррионуэво. От части своих опытных войск он избавился, отправив их под командованием Педро Кастильо завершить завоевание трансандийской провинции *Куджо*. Этот способный офицер достиг этой цели, основав в восточных *Андах* два города, названных соответственно *Сан-Хуан* и *Мендоса*, причем последнее было взято от фамилии губернатора *Чили*. *Мендоса*, ныне столица провинции *Аргентинской Республики*, в наши дни примечательна тем, что стала ареной одной из величайших трагедий, к которым привели землетрясения. Во время судебного преследования этих целей, *дон* Гарсия получил уведомление о прибытии в *Буэнос-Айрес* своего предшественника Фрэнсиса Вильяграна, который, отправившись в Европу после того, как был лишен правительства, добился своего восстановления в должности в суде Испании. В результате этой информации *дон* Гарсия немедленно покинул территорию *Чили*, управление которой он доверил Кирогге до прибытия его преемника. Сам он по возвращении в *Перу* был вознагражден за свои услуги назначением на пост вице-короля этой страны, который до тех пор занимал его отец.

Примечание. — “Они сильно обмануты, что так мало ценят индейцев, и считают, что (благодаря преимуществу, которое испанцы имеют перед ними в людях, лошадях и армиях, как

наступательных, так и обороняющихся) они могли бы легко завоевать любую землю или нацию Индии. Чили еще стоит, или, лучше сказать, Арауко и Тукапель, это два города, где наши испанцы еще не смогли завоевать ни фута земли, хотя они воевали там около двадцати пяти лет, не щадя никаких затрат. Ибо этот варварский народ, однажды утративший представление о лошади и ботинках и знающий, что испанцы падают так же, как и другие люди, от удара камня или дротика, они отчаянно рискуют собой, пуская пики в ход в любом предприятии”. —*Отец Джозеф де Акоста. Переведен Эдвардом Гримстоном в 1604 году; напечатан для Общества Хаклуит в 1880 году.*

ГЛАВА XIV.

АРАУКАНЦЫ.

1560-1603.

1560.

Дон Франсиско Вильягран вернулся в *Чили* в лестной уверенности, что арауканцы больше не доставят ему хлопот; и он соответственно обратил свое внимание на повторную разведку провинции *Тукуман*, которая после того, как была подчинена им *Чили*, с тех пор была присоединена к *Перу*. Так началась новая борьба между завоевателями Нового Света. Чилийский командующий нанес поражение главнокомандующему перуанскими войсками, и, соответственно, *Тукуман* на короткий период был возвращен правительству *Чили*.

Но этот вопрос отошел на второй план перед лицом позиции арауканцев. Немногие *еульмены*, спасшиеся после недавних поражений, собравшись после разгрома *Килео*, единогласно избрали *Токи* отличившегося офицера по имени Антигену. Принимая командование, он заявил, что, поскольку почти вся молодежь страны погибла, он счел целесообразным удалиться в какое-нибудь безопасное место до тех пор, пока не будет собрана достаточная армия. В соответствии с этой благоразумной политикой он искал убежища в болотах *Лумако*, где воздвиг строительные леса, чтобы защитить своих людей от миазмов этого мрачного убежища. Молодежь страны отправлялась туда учиться владению оружием, и арауканцы считали себя свободными, поскольку они все еще могли похвастаться национальным командиром.

Как только Антигену увидел, что может прекратить отступление, он начал обучать свои войска, совершая экскурсии на испанскую территорию, сообщение о которых вызвало большое беспокойство Вильяграна. Чтобы, если возможно, погасить пламя в самом начале, он послал вперед своего сына Педро с такими рекрутами, каких только можно было собрать, вскоре последовав за ним с более значительными силами. Первые стычки были неблагоприятны для арауканцев — естественный результат молодости и неопытности их солдат. Однако их благоразумный командир ни в коей мере не был обескуражен, и в конце концов он имел удовольствие показать, что его соотечественники не выродились, разгромив отряд испанцев на холмах *Миллепоа*.

Воодушевленный этим успехом, Антигену теперь водрузил свое знамя на горе *Маригуэну*, расположенной на дороге, ведущей в провинцию *Арауко*, и где в предыдущем случае Лаутаро

нанес столь сокрушительное поражение Вильяграну. Этому офицеру из-за плохого состояния здоровья не удалось принять командование, которое было доверено одному из его сыновей, в результате чего почти вся его армия — цвет испанских войск — вместе с большим количеством вспомогательных войск была разрезана на куски, а их генерал был убит. После этой победы Антигену выступил против *Каньете*; но Вильягран, предвидя невозможность защитить его, отозвал жителей в *Империял* или в *Консепсьон*. Укрепления *Канете* были разрушены, и город был полностью охвачен огнем. Теперь Виллагран сам пал жертвой горя и тревоги, которые усугубили расстройство, от которого он страдал. Колонисты глубоко сожалели о нем, потеряв в нем мудрого и гуманного командира, чьему благоразумному поведению они были обязаны сохранением своих завоеваний. Специальная комиссия при дворе назначила его преемником его старшего сына Педро.

После смерти губернатора Антигену разделил свою армию из четырех тысяч человек на два отряда; один из которых под командованием вице-*Токи* Антунекула должен был осадить *Консепсьон*, в то время как с другим он сам должен был выступить против форта *Арауко*. Первый прошел *Био-био* и, дважды отразив натиск войск губернатора, плотно обложил город на два месяца; но в конце концов ему пришлось уйти в отставку, поскольку он не мог помешать городу получать помощь и провизию морем. Тем временем оборона *Арауко* велась с предельной энергией. Поскольку Антигену заметил, что во время его атаки туземные войска указали испанцам на самых храбрых офицеров и, таким образом, они стали мишенью для их артиллерии, он решил заслуженно отомстить им и с этой целью ухитрился сообщить испанскому генералу, что его вспомогательные силы замышляют сдать это место арауканцам. Испанский командующий Берналь придал этому сообщению такое значение, что немедленно приказал им покинуть это место. Арауканцы тут же схватили их и предали смерти на глазах у испанцев.

Арауканский вождь, раздраженный медленным ходом осады, теперь стремился довести ее до конца и, имея в виду эту цель, вызвал испанского генерала на поединок один на один. Берналь, движимый столь же рыцарским духом, принял вызов, несмотря на протесты своих солдат. Бой длился два часа, по истечении которых два чемпиона были разлучены своими сторонниками. То, на что сила была неспособна повлиять, теперь стало результатом голода. Лодки, груженные провизией, неоднократно предпринимали попытки помочь осажденным, но они неизменно пресекались бдительностью врага, и в конце концов Берналь оказался вынужден покинуть это место. Арауканский генерал позволил гарнизону беспрепятственно отступить и удовлетворился тем, что сжег дома и разрушил стены *Арауко*.

1564.

Следующей целью, которую Антигену предложил себе, был захват *Ангола*, выполнение которого он доверил одному из своих офицеров, который, однако, потерпел поражение по пути к этому месту. После этого Антигену поспешил туда с двумя тысячами человек, чтобы исправить положение; но пока он стоял лагерем у слияния *Био-био* и *Вергосы*, на него напали все испанские силы под командованием Берналя. Последовавшее за этим состязание было одним из самых ожесточенных в истории. Арауканцы с большим искусством пользовались мушкетами, захваченными ими при разгроме испанцев при *Маригуэну*, и в течение трех часов выдерживали натиск неприятеля. Четыреста вспомогательных войск и несколько испанцев пали, когда пехота последних начала отступать. Берналь, не видя другого способа продолжать бой, приказал своей

кавалерии рубить беглецов. Эта суровая мера возымела желаемый эффект, и вражеские укрепления были наконец взяты. Антигену, вынужденный вместе с толпой своих солдат упасть с высокого берега в реку и утонуть. Его смерть решила исход битвы, и последовала великая резня арауканцев. Многие также погибли в реке, в которую они бросились, спасаясь бегством. В этой битве почти все победители были ранены.

Антигену сменил на посту *Тока* Пайлатару, брат или двоюродный брат знаменитого Лаутаро. В первые годы своего командования этот вождь довольствовался тем, что время от времени водил своих людей опустошать вражескую страну. За это время Королевская аудиенция в *Лиме* назначила Кирогу губернатором *Чили*. Получив подкрепление в триста солдат, он вступил в 1565 году на территорию Араукании и восстановил форт *Арауко* и город *Канете*. Он также построил новую крепость в *Килео*. В следующем году он отправил Руиса Камбоа с небольшим отрядом подчинить жителей архипелага *Чилоэ*, и это предприятие не встретило сопротивления. На главном острове он основал город *Кастро* и порт *Чакао*. Восемьдесят островов этого архипелага, обязанных своим существованием землетрясениям и обозначающих своими базальтовыми колоннами действие огня, населены расой, произошедшей от континентальных чилийцев, но по характеру они совсем не похожи на них, будучи миролюбивыми и довольно робкими. Хотя население, как говорят, составляло около семидесяти тысяч человек, они позволили подчинить себя всего лишь горстке испанцев. Говорят, что эти островитяне, численность которых сейчас значительно сократилась, проявляют значительные способности к механическому искусству и являются адептами сельского хозяйства, выращивая бобы, горох и картофель, которые являются самыми крупными и лучшими в *Чили*. Они также, как можно было бы предположить, превосходные моряки. После завоевания они с готовностью приняли христианскую религию, которой с тех пор остаются верны.

1567.

Внимание, привлеченное к *Чили* продолжением арауканской войны, побудило Филиппа II. учредить двор Королевских аудиенций в этой части своих трансатлантических владений, независимый от *Перу*. Этому органу было доверено не только политическое, но и военное управление. Члены этого трибунала, состоявшего из четырех судей и фискала, вступили в *Зачатие* в августе 1567 года. Первым его действием было смещение Кироги и передача командования армией Руису Гамбоа. Этому офицеру посчастливилось победить Пайлатару в трех упорных боях. Будучи хозяином страны, которому никто не противостоял в течение одного года, испанский генерал неоднократно, но безуспешно предлагал арауканцам вступить в переговоры о мире. Не добившись этой цели, руководство Королевской аудиенцией потеряло авторитет, и было сочтено более целесообразным доверить высшую власть новому офицеру, называемому губернатором и генерал-капитаном, который должен был быть президентом Аудиенции и командовать армией. *Дон Мельчор де Браво* был наделен этим званием в 1568 году и стремился обозначить начало своей власти поразительным военным успехом.

1570.

Пайлатару, собрав новую армию и заняв высоту *Маригуэну*, Де Браво выступил против него во главе трехсот испанцев и множества вспомогательных войск. Не менее удачливый, чем его предшественники, командовавшие в этом знаменитом месте, Пайлатару полностью разгромил испанскую армию и почти взял президента в плен. Последний был настолько запуган, что передал командование армией Гамбоа, которому приказал эвакуировать крепость *Арауко*.

Пайлатару, заняв пост *Килео*, выступил против *Каньете*, когда столкнулся в ожесточенном сражении с войсками Гамбоа. Испанцы оставались хозяевами поля боя, но вскоре после этого были вынуждены отступить с территории Араукании. Примерно на четыре года после этой даты обе стороны приостановили вооружение. В этот период произошло страшное землетрясение, которое нанесло большой ущерб испанским поселениям, полностью уничтожив *Конселсьон*. В 1570 году *Импераиал* стал резиденцией епископства, включавшего обширную страну, лежащую между *Моле* и южными границами *Чили*.

После смерти Пайлатару, которая произошла примерно в это время, должность *Тока* была возложена на Алонсо Диаса, или Пайненанку, представителя смешанной расы испанцев и чилийцев, называемой *мастеес*, которая значительно размножилась. Этим назначением арауканцы хотели привлечь их к своему делу, продемонстрировав доверие, которое они к ним питали. Пайненанку в течение десяти лет сражался в их армиях, сильно отличившись. Он был столь же опрометчив, сколь осторожен был его предшественник, но ему не повезло в предприятиях, которые он предпринимал как командир, и он дважды потерпел поражение. На одном из них среди взятых в плен было несколько женщин, которых нашли с оружием в руках, большинство из которых покончили с собой в ту же ночь.

1575.

Лицензиат Кальдерон, прибывший в *Чили* с поручением испанского суда в качестве экзаменатора, предпринял шаг к отмене Аудиенции, руководствуясь вполне уместным принципом экономии. Аудиторы были отправлены обратно в *Перу*, а Кирога снова был назначен губернатором. Получив из Испании отряд в две тысячи человек, он отправил своего тестя Руиса Гамбоа основать колонию у подножия *Кордильер*, между городами *Св. Яго* и *Зачатие*. *Чиллан*, названный так из-за реки, на которой он стоит, в настоящее время является столицей одноименной плодородной провинции. Кирога умер в 1580 году, оставив Гамбоа своим преемником. Три года его правления были заняты противодействием попыткам пайненанку и отпором другим племенам чилийских *Анд*, которые были подстрекаемы арауканцами к нападению на испанские поселения.

Когда в Испанию поступила информация о смерти Кироги, *дон* Алонсо Сотомайор был отправлен губернатором в *Чили* вместе с шестью сотнями регулярных войск. Высадившись в *Буэнос-Айресе* в 1583 году, новый губернатор проследовал оттуда по суше в *Св. Яго*, откуда он немедленно отправил своего брата на помощь *Вилья-Рике* и *Вальдивии*, которые были осаждены арауканцами. *Дон* Луис преуспел в этом, дважды победив Пайненанку. Предприимчивый *Токи*, однако, не был обескуражен своими неизменными поражениями, которые всегда приобретались дорогой ценой. Чтобы противостоять ему, новый губернатор, изгнав *пехуэн* из окрестностей *Чиллана*, вступил на территорию Араукании с семьями испанцами и обычными вспомогательными войсками. Вернувшись к варварскому способу ведения войны, который был принят *доном* Гарсией де Мендосой, он опустошил провинцию *Энкол*. Те пленники, которые попадали к нему в руки, были либо повешены, либо отпущены с отрубленными руками. Предупрежденные судьбой *Энкола*, жители *Пурен*, *Эликуры* и *Тукапеля*, подожгли свои дома и посеы и спаслись бегством. В последней провинции было взято всего три пленника, и они были посажены на кол. Естественным результатом такого варварства стала отправка большого количества новобранцев в арауканскую армию. Ее несчастный генерал противостоял на границах *Арауков* всем испанским войскам, насчитывавшим всего восемьсот

человек. Его войска, однако, сражались с таким упорством, что испанцы смогли сломить их только после упорного сражения, длившегося несколько часов. Почти все арауканцы были убиты; их командир был взят в плен и казнен. После этой победы форт *Арауко* был снова отстроен.

Но Дух Свободы, который вместе с Фрасибулом сиял на челе Филы, еще не покинул арауканцев, чья доблесть возродилась с возвышением представителя их собственной чистой расы, *ульмена* кайанкару, до достоинства *токи*. Сто пятьдесят гонцов, снабженных символическими стрелами, были отправлены к различным племенам в поисках помощи; и за короткое время была собрана значительная армия. Первым подвигом Кайанкару было нападение к полуночи на испанский лагерь на *Карампанги*, поскольку он с помощью шпиона узнал точное положение в нем. Вспомогательные войска, принявшие на себя первую тяжесть атаки, были разрублены на куски. Сами испанцы были обязаны своей безопасностью восходящей луне, которая вскоре позволила им открыть эффективный огонь по нападавшим. Кайанкару, позволив своим войскам отдохнуть остаток ночи, возобновил атаку на рассвете, когда завязалась упорная и кровопролитная битва. Испанская кавалерия и артиллерия, однако, решили исход сражения; но победитель, тем не менее, сразу после сражения счел благоразумным свернуть свой лагерь и отступить за арауканскую границу. Чтобы защитить это, он построил форт *Тринидад* на южном берегу и *Спирито-Санто* на северном берегу *Био-био*. Он также, не теряя времени, собрал рекрутов в две тысячи всадников и значительное количество пехоты.

Арауканский генерал решил воспользоваться отступлением губернатора, чтобы атаковать крепость *Арауко*; и, чтобы облегчить это предприятие, он постарался как можно больше отвлечь испанские силы, вторгнувшись на территории *Вилья-Рики*, *Ангола* и *Имперуала*, в то время как на берегах *Био-био* была выставлена охрана. Гарнизон *Арауко*, видя по приготовлениям Кайанкару, что пути к отступлению будут отрезаны и что в конечном итоге они будут истощены голодом, счел за лучшее погибнуть с оружием в руках. Поэтому они атаковали укрепления врага с такой яростью, что не только разгромили их, но и обратили арауканцев в бегство. Кайанкару, крайне подавленный, теперь передал командование своей армией своему сыну Нангониэлю. Молодой командир, нисколько не обескураженный тем, что произошло, собрал немного пехоты вместе со ста пятьюдесятью всадниками и, заново осаждая ту же крепость, так огорчил испанцев нехваткой провизии, что они были вынуждены покинуть ее. Нангониэля, вскоре после этого попавшего в засаду и убитого, сменил Кадегуала.

1587.

Примерно в это же время в этой части Южной Америки появилась английская эскадра. 21 июля 1586 года сэр Томас Кавендиш отплыл из Плимута на трех кораблях и в следующем году прибыл к побережью *Чили*. Высадившись в *Кинтеро*, он попытался вступить в переговоры с местными жителями, но на него напал *коррехидор* из *Св. Яго*, понеся некоторые потери, был вынужден покинуть побережье. Кадегуала воспользовался этим своевременным отвлекающим маневром, чтобы застать врасплох город *Ангол*. С помощью секретных агентов убедив тех чилийцев, которые состояли на службе у испанцев, ночью поджечь дома своих хозяев, он вошел в город среди суматохи, устроив ужасную резню горожан, которые, спасаясь от огня, попали в его руки. В ту роковую ночь никто бы не спасся, если бы не своевременное прибытие губернатора за два часа до нападения. С величайшим присутствием духа он проследовал во главе своей стражи по различным кварталам и, собрав разбежавшихся жителей, повел их в цитадель. Совершив

вылазку оттуда на рассвете, он вынудил врага отступить. Следует отметить, как показывающее, насколько арауканцы извлекли пользу из морального примера, данного им испанцами, что они больше не стеснялись прибегать к предательству. В этом случае ни один из его офицеров не покинул "*Тока*", как это случилось с Кауполиканом, когда он применил те же средства при *Каньете*.

Следующим и последним предприятием доблестного Кадегуалы было нападение на крепость *Пурен*, которую он окружил четырьмя тысячами человек. Губернатор, поспешивший на помощь с сильным подкреплением, был встречен Кадегуалой со ста пятьюдесятью копьями и вынужден отступить. Окрыленный этим успехом, он решил решить судьбу *Пурена* одним ударом. С этой целью он предстал перед крепостными стенами верхом на великолепном коне, которого отобрал у губернатора, и по истечении трех дней вызвал коменданта города Гарсию Рамона на поединок один на один. Вызов был принят, и в назначенное время бесстрашный *Токи* появился на поле в сопровождении ограниченного числа сопровождающих. Испанский командующий также выступил с сорока людьми, которые, подобно последователям *Токи*, держались поодаль. Два чемпиона столкнулись друг с другом с такой яростью, что первый удар оказался решающим. Кадегуала упал, пронзенный насквозь копьем своего противника. Даже тогда он не признал бы себя побежденным; но жизнь подвела его в попытке снова сесть на лошадь. Его тело после ожесточенной борьбы было унесено его последователями. Этим инцидентом, напоминающим аналогичные столкновения между испанцами и их доблестными противниками при осаде Гранады, закончилось капиталовложение *Пурена*.

Арауканцы под командованием своего нового *токи*, Гуаноальки, получив информацию о том, что гарнизон плохо снабжен провизией и отрезан от помощи, вскоре вернулись к осаде *Пурена*, испанцам, однако, было разрешено беспрепятственно удалиться в *Ангол*. *Токи* затем, не теряя времени, двинулись против нового форта в окрестностях горы *Маригуэну*; но после его укрепления он повернул оружие против *Спирито-Санто* и *Тринидада* на *Био-био*, оба из которых были эвакуированы в 1589 году. Гуаноальку в его военных операциях поддерживала героиня Янекео, жена Гепотана, которая долгое время защищала *Лебен*. Потеряв это место, он удалился в *Анды*; но он спустился на равнины, чтобы вернуть свою жену; и, будучи застигнутым врасплох, предпочел умереть, чем попасть в плен. Он был хорошо отомщен. Янекео встала во главе отряда *пуэльчей* в 1590 году начала совершать набеги на испанские поселения, убивая всех, кто попадал ей в руки.

Губернатор *Чили* выступил против нее, но только для того, чтобы потерять время и людей. Перед своим отступлением он отдал приказ повесить всех пленных. Затем Янекео двинулась против крепости *Пучанки*, близ которой она нанесла поражение ее командиру Аранде, который сам был убит. Поскольку форт не поддавался ее усилиям, она удалилась в горы близ *Вилларики*, окрестности которой она сделала настолько небезопасными, что никто не осмеливался покидать город. Тронутый жалобами горожан, Сотомайор в конце концов послал своего брата, *дона Луиса*, к ним на помощь. Янекео отразил различные атаки испанцев, но в конце концов был вынужден отступить перед их артиллерией. Ее брат был схвачен, он сохранил себе жизнь, пообещав сохранить сестре спокойствие; но пока его предложение о примирении с испанцами обсуждалось в совете, он был убит патриотически настроенным *ульменом*, который и слышать не хотел о таком предложении.

В 1591 году Квинтугену унаследовал должность *Токи* после смерти Гуаноальки. Взяв штурмом форт *Маригуэну*, он с двумя тысячами человек расположился лагерем на вершине этой знаменитой высоты, откуда губернатор, встав во главе тысячи испанцев и нескольких вспомогательных войск, решил выбить его. Последний начал на рассвете трудное восхождение на гору, лично возглавив передовой отряд. На полпути подъема на него яростно напал Квинтугену; но, воодушевляя своих людей словами и делами, он целый час выдерживал ужасную схватку и шаг за шагом оттеснял врага в его окопы. Арауканцы защищались с величайшей храбростью до полудня, когда их лагерь был окружен слева и справа. Тем не менее Квинтугену долгое время ставил это событие под сомнение. Напомнив своим людям славные воспоминания о *Лаутаро*, он призвал их не позорить это святое место поражением. Переходя от ранга к рангу, он пал, пронзенный тремя смертельными ранами от рук губернатора, его предсмертным словом было “Свобода”. Его смерть решила исход дня.

Сотомайор, первый испанский завоеватель *Маригуэну*, повел свою армию к берегу моря, где его приветствовал перуанский флот, ставший свидетелем его славной победы. Затем он построил форт взамен форта Арауко в местности, где ему было бы легче оказать помощь. Затем он отправился в провинцию *Тукапель*, отмечая свой путь огнем и мечом. Следующим *Токи* был *Пьяллаэко*, который вскоре погиб в бою, когда его соотечественники были настолько разбиты, что оставшимся воинам пришлось укрыться в болотах. Однако эти победы испанцев оказались неэффективными для решения исхода войны. Губернатор, который был опытным солдатом, видя, что для этой цели необходимы большие силы, решил лично отправиться в *Перу*, чтобы заполучить их. По прибытии туда его встретил *дон Мартин Лойола* (племянник святого Игнатия), который был назначен его преемником. Этот офицер отличился, захватив в плен в крепостях *Анд Тупака Амару*, последнего из *инков* в *Перу*, за что получил не только правительство *Чили*, но и руку принцессы *Клары Беатрикс Койя*, дочери и наследницы *инки Сайри Тупак*. В 1593 году Лойола достиг *Вальпараисо*, порта Святого Яго.

1593.

Арауканцы затем выбрали для *Токи* активного ветерана по имени *Пайламачу*, чья карьера была обречена на более продолжительное служение своей стране, чем у любого из его выдающихся предшественников, если, конечно, не сказать, что его карьера была всего лишь результатом их примера. Подражая прецеденту *Антигену*, он отступил в болота *Лумако*, чтобы обучить там армию. Лойола отправился в *Консепсьон*, где был встречен арауканским офицером, которого послали сделать ему комплимент и которому он попытался внушить представление о способностях своего государя и о необходимости подчинения. Однако в ответ его заверили, что арауканцы никогда не подчинятся иностранному контролю, пока в их жилах течет хоть капля крови. Лойола не мог не восхищаться чувствами благородного Антипиллана, которого он отвергал со всеми проявлениями уважения. Тем не менее он был далек от отказа от политики своих предшественников.

1594.

Перейдя *Био-био*, он основал рядом с ним новый город, которому дал название *Койя* в честь своей жены; и он основал два замка для его защиты. Это стало сигналом к нападению со стороны *Пайламачу*, чей лейтенант атаковал форт *Иисус* в 1595 году, но не смог отбить его. В следующем году арауканский генерал почувствовал себя достаточно сильным, чтобы совершать частые набеги на испанские округа; но он тщательно избегал столкновений с их

войсками. Чтобы сдержать его, Лойола возвел два новых форта, один в *Пурене*, а другой на границе болот *Лумако*. В 1597 году он также основал поселение в провинции *Куджо*, которому дал название *Сент-Луис де Лойола*.

1598.

Вскоре Пайламачу взял штурмом форт *Лумако*, а губернатор предусмотрительно разрушил форт *Пурен*, чтобы уберечь его от подобной участи. Отремонтировав укрепления *Империаля*, *Вилларики* и *Вальдивии*, он вернулся в *Био-био*, оставив в качестве эскорта всего шестьдесят офицеров на половинном жалованье, когда на него напали *токи* в долине *Каралава* и казнили вместе со всей его свитой. Менее чем через сорок восемь часов после этого события все провинции *Араукании* были вооружены, так же как *кунчезы* и *куиллихи*, и вся страна вплоть до архипелага *Чилоэ*. Каждый испанец, находившийся за пределами гарнизонов, был предан смерти; в то время как *Осорно*, *Вальдивия*, *Вильярика*, *Империаля*, *Канете*, *Ангол*, *Койя* и крепость *Арауко* были внезапно взяты в плотную осаду. Сам Пайламачу, пересекая *Био-био*, сжег города *Консепсьон* и *Чиллан*, опустошив окружающие провинции.

1599.

Получение этого тревожного известия привело в ужас жителей *Санкт-Петербурга*. Яго, что они решили покинуть страну и уехать в *Перу*. Однако они назначили временным губернатором Педро де Вискару, семидесятилетнего ветерана, который отправился к границе с такими войсками, какие только смог собрать. Пересекая *Био-био* перед лицом врага, он вывел жителей *Ангола* и *Койи*, отправив их в *Консепсьон* и *Чиллан*. По истечении шести месяцев его сменил дон Франсиско Кинонес, посланный вице-королем *Перу* принять на себя управление страной. Несколько акций произошли к северу от *Био-био*; наиболее важные произошли на равнинах *Юмбея*. Это сражение, в котором участвовало почти равное количество людей, продолжалось с невероятной яростью почти два часа, когда ночь разлучила сражающихся, и *токи* вернулись в *Био-био*. Испанский губернатор приказал повесить своих пленников. После этого сражения форт *Арауко* и город *Каньете* были эвакуированы.

1600.

Активный Пайламачу переходил с места на место. Он взял штурмом *Вальдивию*, предав смерти множество жителей, а оставшихся вынудив спастись на кораблях, которые сразу же отплыли. Этим подвигом он заполучил все имевшиеся в этом месте пушки, два миллиона долларов и четыреста пленных. Вдобавок к этим несчастьям, пять голландских военных кораблей появились на побережье *Чили*, разграбив остров *Чилоэ* и предав мечу гарнизон. Отряд, атаковавший арауканцев на острове *Талька*, или *Санта-Мария*, полагая, что это испанцы, был отбит с потерей двадцати трех человек.

1602.

Хинонеса сменил в правительстве Гарсия Раймон, офицер с большим опытом работы в Южной Америке, которому, в свою очередь, вскоре пришлось уступить место Ривере, солдату, воевавшему в Нидерландах, и которого теперь отправили с полком ветеранов. Его приход побудил его соотечественников отказаться от идеи покинуть *Чили*; однако это не восстановило успех войны. После трехлетней осады *Вильярика* перешла в руки арауканцев: в то время как *Империаля* ожидала аналогичная судьба, это место было обязано своей длительной обороной

героине-испанке по имени Инес Агулера. Когда оборона стала невозможной, эта дама, потерявшая во время осады мужа и братьев, спаслась морем вместе с большей частью жителей. Город *Осорно* был следующим, кто уступил осаждающим, и таким образом была освобождена от присутствия испанцев обширная территория между *Био-био* и архипелагом *Чилоэ*, и работа Вальдивии и его преемников была прекращена.

Города, попавшие в руки врага, были разрушены, а их пленных, доведенных до ужасного положения, было так много, что почти на каждую арауканскую семью приходилось по одному на свою долю. Поскольку был разрешен выкуп, многие бежали из плена. Другие, движимые любовью к своим смешанным отпрыскам, предпочли остаться со своими завоевателями. Доблестный Пайламачу дожил только до следующего, 1603 года. Города, которые он разрушил, никогда не восстанавливались; [R] их жалкие руины - его памятник. Так закончилась, если рассматривать ее постоянные результаты, Арауканская война за независимость, иллюстрирующая, если вообще когда—либо существовала война, чувства, содержащиеся в строках:

“Однажды начатая битва за Свободу,
Завещанная истекающим кровью отцом сыну,
Хотя часто и терпит неудачу, всегда выигрывается”.

Примечание.—Главы VIII, XII, XIII и XIV. тома I. основаны на—

“История *Чили*” аббата Дона Дж. Игнатиуса Молины. Лонгман. 1809.

On “*Historia General y Natural de las Indias*,” by Oviedo.

И об “Историческом отношении *Чили*” Овалле.

ГЛАВА XV.

БРАЗИЛИЯ.

1570-1622гг.

1578.

Рост колонии *Бразилия* был настолько быстрым в течение четырнадцати лет умелого управления Мем-де-Са, что теперь было сочтено целесообразным разделить ее территорию на два правительства: *Сан-Себастьян* или *Рио-де-Жанейро*, являющееся столицей второго правительства, которое должно было включать все поселения к югу от этого места. Такое разделение, однако, не было признано удобным, и по истечении двух лет южное правительство было передано в подчинение северному. Именно в этот период наследование короны Португалии было предметом спора; и Филипп II Испанский, один из претендентов, предложил все бразильские колонии с титулом короля герцогу Браганса, что, однако, не было принято.

Здесь может быть интересно дать краткий отчет об этой великолепной колониальной империи, как она была представлена, к сведению португальского правительства, человеком, прожившим в стране семнадцать лет. В 1581 году в городе *Сан-Сальвадор*, ныне *Баия*, проживало восемьсот человек, а во всей *Реконкаве*, или береговой линии окружающего залива, - около двух тысяч, не считая негров и коренных индейцев. На поле боя можно было выставить пятьсот всадников и две тысячи пехотинцев; в то время как для королевской службы имелись три *каравеллы* и тысяча четыреста лодок. Кафедральный собор мог похвастаться пятью высокопоставленными лицами, шестью канониками, двумя младшими канониками, четырьмя капелланами и одним *кюре* и его помощником. В городе насчитывалось не менее шестидесяти двух церквей вместе с тремя монастырями. В этом отношении у *Сан-Сальвадора*, безусловно, не было причин для жалоб. Местность на две мили в окружности была покрыта плантациями. В *Реконкаве* насчитывалось пятьдесят семь сахарных заводов, количество ежегодно экспортируемого сахара составляло около двух тысяч четырехсот бочек. Количество крупного рогатого скота и лошадей, которые были завезены с *Мыса Вердес*, увеличилось в огромных количествах. Были люди, у которых было сорок или пятьдесят племенных кобыл, которых можно было продать в *Пернамбуку* по тридцать дукатов за штуку; овцы и козы также процветали, поскольку были завезены из Европы.

Апельсинов и лимонов, которые привезли поселенцы, стало в изобилии. Была выращена пальма, а также какао; дыня, гранат и виноградная лоза не культивировались с таким успехом, поскольку не могли противостоять опустошительному действию муравьев. Чайное растение было обнаружено в *Баии*, где также выращивали кофе. Имбирь цвел так хорошо, что за один год было законсервировано четыре тысячи *арробас*. Сахарный тростник произрастает в *Бразилии* и был найден в изобилии недалеко от *Рио-де-Жанейро*. Паразитам, населяющим щели в бразильских лесах, находили различное применение; их сок использовался для дубления, а из их ветвей делали плетеные изделия или скручивали паклю. Эти растения являются примечательной особенностью бразильского пейзажа. Они окружают деревья, на которые взбираются только для того, чтобы вернуться на землю; то же самое растение там снова пускает корни, перебираясь с ветки на ветку и с дерева на дерево, куда бы их ни занесло таким ветерком, который может проникнуть сквозь почти непроницаемые джунгли.

В некоторых частях *Восстановленной* пещеры можно было найти селитру; но в качестве извести колонисты зависели от устричных раковин, которые, однако, в некоторых местах можно было добыть в большом изобилии. В изобилии водилась рыба различных видов, а из печени акулы добывали масло. В одном или двух местах была найдена амбра. Слухи о богатстве драгоценными металлами и камнями, которые тогда были в обращении, с тех пор полностью подтвердились.

1582.

В *Баии* тогда, по слухам, проживало более ста человек с доходом в пять тысяч *крузадо*, или две тысячи пятьсот *дукатов*; в то время как некоторые поселенцы владели посудой и золотом на большие суммы. Их снабдили вином с *Мадеры* и *Канарских*. Поселение *Пернамбуку* было не менее процветающим; там было пятьдесят сахарных заводов, десятые доли которых сдавались в аренду за девятнадцать тысяч *крузадо*, или за половину этого количества *дукатов*. В *Олинде* могло проживать семьсот жителей, не считая тех, кто жил на виллах и работал в садах по соседству. На поле боя можно было выставить три тысячи человек; и можно отметить, что уже в

1582 году в качестве капитана было задействовано от четырех до пяти тысяч африканских рабов. Ежегодно приходило около сорока пяти судов за сахаром и бразильским лесом.

Сан-Висенте также процветал. Это капитанство располагалось достаточно далеко к югу, чтобы допускать выращивание пшеницы и ячменя. Из него также можно было бы производить вино. В *Эспириту-Санту* и других частях *Бразилии* дела обстояли не так хорошо, как в вышеупомянутых регионах. Говорят, что первые поселенцы в колонии сильно страдали от джигитов и других местных насекомых, и только со временем они научились средствам, которые туземцы привыкли применять при нападениях этих мучителей. Флотилии, которые раньше отправлялись каждый год с подкреплением из молодых поселенцев, теперь больше не прибывали; и, каким бы целебным ни был воздух *Бразилии* по большей части, он оказался вредным для многих европейцев. Говорили также, что смешение трех различных рас, европейской, бразильской и негритянской, породило определенные новые болезни или, по крайней мере, новые конституции, в которых старые болезни приняли новую форму. Преобладали жалобы на печень, а также на глаза. Но в целом было сказано, что ни в одном случае европейцы не страдали так мало от пересадки из своей страны в страну с совершенно другим климатом, как португальцы в *Бразилии*. Можно, однако, отметить, что термин *Бразилия* - действительно очень широкое слово, охватывающее, поскольку эта империя занимает пространство, равное примерно двум третям Европы, и что, вероятно, климатические различия между ее северной и южной частями, а также между ее высокогорьями и низменностями гораздо больше, чем между климатом Лиссабона и климатом его южных провинций. Что касается моральных качеств первых поселенцев, то, учитывая, что они составляли значительную часть изгнанного преступного населения метрополии, неудивительно, что средний уровень преступности в колонии в течение некоторого времени должен был быть выше, чем в Португалии. Энергия расы, однако, в этот ее героический период нашла широкий размах, и с течением лет ресурсы великолепной территории, попавшей под португальский скипетр, постепенно раскрывались.

Прошло много времени, прежде чем французов удалось убедить отказаться от надежды обосноваться где-нибудь в *Бразилии*. Они сделали *Параибу* своим любимым торговым портом, где вступили в союз с некоторыми дикими соседними племенами и причинили португальцам такие неприятности, что те сами решили основать укрепленные поселения на вышеназванной реке. Губернатор *Сан-Сальвадора* поручил эту задачу Флоресу де Вальдесу, который был послан Филиппом II Испанским с флотом из двадцати трех судов для охраны пролива *Магеллана*, когда Дрейк встревожил его за безопасность своих владений на Тихом океане. Попытки Вальдеса добраться до проливов потерпели неудачу, и он был отброшен обратно в *Баию* всего с шестью кораблями. С этими и двумя другими он отплыл в *Пернамбуку*. В *Параибена* находились четыре французских судна. Однако французы сами подожгли их, а затем присоединились к дикарям на берегу. Испанские и португальские войска высадились без сопротивления и построили крепость; но ее командир не смог долго удерживать ее против *питагоаресов* и поспешно отступил в *Итамараку*. Однако он был снова восстановлен с помощью свежего подкрепления из *Пернамбуку*.

Название Англии в этот период впервые привлекло к себе внимание в связи с *Бразилией*, которая, будучи колонией страны, ныне находящейся под властью испанской короны, подвергалась военным действиям врагов Испании. В 1582 году английская экспедиция, направлявшаяся на Восток под командованием адмирала Фентона, достигла

побережья *Бразилии* и бросила якорь у *Сан-Висенте*, куда ранее заходило английское судно для торговли. Действительно, с тех пор между Плимутом и Южной *Бразилией* возникла торговля, и первым упомянутым торговым мореплавателем был отец сэра Джона Хокинса, совершившего два плавания в 1530 и 1532 годах соответственно. Экспедиция под командованием Фентона преследовала только мирные цели и не совершала никаких враждебных действий; но действия Дрейка уже навлекли ненависть всех испанцев на его соотечественников; и Флорес, получив известие о присутствии английских судов у *Сан-Висенте*, направился к этому месту и приготовился напасть на них. Бой начался вечером и велся при лунном свете. Один из испанских кораблей был потоплен, и в течение следующего дня английские суда вышли в море. К чести их гуманного командира записано, что он воздержался от потопления еще одного испанского судна, не желая приводить к ненужным человеческим жертвам.

1586.

Четыре года спустя еще одна английская экспедиция отправилась в Южное море, но менее тихоокеанского характера. Во главе его стоял лорд Камберленд, но действительным командованием командовал Уизрингтон, и из двух каперов, сопровождавших его, один был снаряжен Рэли. На основании информации, полученной ими с захваченных португальских судов, они решили атаковать *Сан-Сальвадор* и соответственно направились в *Баию*. Говорят, что безопасность этого места была обусловлена присутствием обращенных индейцев, которые были собраны там вместе и составляли грозную силу лучников; но англичане оставались в заливе шесть недель, причинив большой ущерб соседней стране.

Следующим английским капером, о котором мы читаем в связи с *Бразилией*, является Кавендиш, который послал два своих корабля атаковать город *Сантос*. Жители были застигнуты врасплох во время мессы, и один человек, оказавший сопротивление, был убит, остальные были заключены в церкви. Однако они ухитрились сбежать ночью и позаботились о том, чтобы унести с собой все свое имущество, так что, когда Кавендиш прибыл несколько дней спустя, он не нашел ни жителей, ни провизии. Результатом было то, что по прошествии нескольких недель флоту пришлось отбыть с худшим запасом провизии, чем когда он прибыл. Следующим подвигом Кавендиша было сожжение *Сан-Висенте* на пути к проливу, который, однако, ему не удалось миновать. Поскольку его корабли были рассеяны штормом, он в одиночку вернулся к побережью *Бразилии* и высадил двадцать пять человек около *Сантоса* с приказом захватить провизию и немедленно возвращаться. Но из этого отряда не вернулся ни один человек. Они были схвачены туземцами, и только двоих пощадили, чтобы доставить пленными в *Сантос*.

К Кавендишу присоединилось еще одно судно из его эскадры, и он направился в *Эспириту-Санту*. Поскольку кораблям было сочтено неблагоразумным пытаться пересечь отмель, отряд из восьмидесяти человек был отправлен через нее на лодках по приказу их командира, капитана Моргана, найти хорошее место для высадки неподалеку от города. Ослушавшись категорических приказов своего начальника, он высадился на берег с несколькими своими людьми, в результате чего сам был убит вместе со значительной частью своего отряда, после чего Кавендиш *вотчаянии покинул побережье Бразилии*, и, как говорят, умер от горя по пути домой.....

1594.

Следующая английская экспедиция в *Бразилию* была спланирована лучше. Три корабля, самый большой из которых водоизмещением около двухсот сорока тонн, были снаряжены некоторыми гражданами Лондона и вышли в море под командованием Джеймса Ланкастера, который был хорошо знаком с португальцами, поскольку жил среди них. *Пернамбуку* был его опорным пунктом, и для этой цели он нанял двух французов в качестве переводчиков с языка соседних туземцев. Одному из его судов под командованием Баркера пришлось вернуться для ремонта, но этот офицер присоединился к нему у мыса *Бланко*, уже захватив двадцать четыре испанских и португальских судна. Затем они направились в *Пернамбуку* по пути столкнулись с другой английской эскадрой под командованием капитана Веннера, состоящей из четырех судов. Веннер с готовностью согласился помочь Ланкастеру получить богатый приз с корабля из Индии, потерпевшего крушение недалеко от *Олинды*, в порту которой был размещен ее груз. Веннер должен был получить четвертую часть стоимости приза.

Они прибыли из *Ресифи* в конце марта 1595 года, где обнаружили три больших голландских корабля, стоявших у входа. Ланкастер укомплектовал пять своих призовых кораблей, получив приказ подняться на борт голландских судов, если они окажут сопротивление. Его людей погрузили в лодки, и он сам принял командование галерой, которой управляли восемьдесят человек из его корабельной команды. Это произошло ночью, а когда наступило утро, они обнаружили, что лодки отнесло на полмили к северу. Сейчас был отлив, и они были вынуждены держаться подальше от порта, чтобы это место было хорошо видно; но они с удовлетворением наблюдали, как голландские суда удаляются от входа. Около полудня Ланкастер получил сообщение от губернатора с просьбой сообщить его цель. Ответ, данный в кратких выражениях моряка, заключался в том, что он хочет получить приз Индии и что он намерен его получить. На основании этого заявления португальцы приступили к небольшим работам в устье гавани и собрали все свои силы в шестьсот человек. В два часа начался прилив, когда Ланкастер повел свою лодку к берегу прямо под батареей, команда другой лодки последовала его примеру. Затем это место было храбро взято штурмом, после чего Ланкастер дал сигнал своим кораблям войти в гавань. Он оставил гарнизон в форте и установил его орудия против *Олинды*; после этого он двинулся на *Ресифи*, который он нашел заброшенным, и где получил желанный приз.

Теперь адмирал проявил большую осмотрительность. Поскольку его добычу нелегко было вывезти, он перевел перешеек *Ресифи* в состояние обороны. Сделав это, он установил связь с голландскими судами, которые зафрахтовал для перевозки грузов в Англию. Он также получил помощь от нескольких французских судов, которые вскоре прибыли, и которым он передал ценные припасы, превышавшие его собственные потребности. Он упрямо отказывался вступать в переговоры с властями *Олинды*, поднявшись на борт корабля, когда их посланцы прибыли за ним. Тем временем работа по погрузке грузов продолжалась; и при отражении атаки, предпринятой на его отряд, ему посчастливилось заполучить несколько небольших повозок, которые были бесценны для перевозки его добычи. Он также захватил португальский корабль с сорока матросами, которых нанял, чтобы облегчить своим людям работу по переноске груза.

Португальцы, однако, тем временем не бездействовали. В течение трех недель они неоднократно нападали на англичан, которые всегда были вынуждены сражаться за свои запасы воды. Затем они подожгли пять небольших судов и пустили их плыть вниз по течению; но к этой попытке Ланкастер был подготовлен, и брандеры были остановлены abordажными скобами и цепями. Неделью спустя, в полночь, вниз по течению спустились три пылающих плота, к бортам которых были прикреплены длинные шесты, чтобы их не схватили, а также с

искрящимися фейерверками. Англичане, однако, положили мокрые тряпки на свой порох, фляжки и весла и, видя необходимость остановить их во что бы то ни стало, преуспели в этом. Попытки португальцев перерезать канаты вражеских кораблей также потерпели неудачу. Пока они готовились к третьей попытке поджечь корабли, Ланкастер, погрузив свою добычу на борт, был готов к отплытию. Однако в день отплытия из-за прилива пришлось задержаться до вечера; и при попытке уничтожить батарею, которую готовили португальцы, около трехсот французов и англичан попали в засаду, потеряв тридцать пять человек из своего числа, среди них вице-адмирала Баркера. В тот же вечер одиннадцать богато нагруженных судов отплыли, и все благополучно достигли места назначения.

.....

Его преемники так хорошо следовали системе Нобреги, что в течение полувека все туземцы вдоль побережья *Бразилии*, где простирались португальские поселения, были собраны в деревни под их руководством; в то время как, с другой стороны, охотники за рабами так успешно применяли свое искусство в натравливании одного племени туземцев на другое, что численность последнего очень сильно сократилась. Таким образом, случилось так, что и миссионерам, и охотникам за рабами теперь приходилось проникать гораздо дальше вглубь страны, чем раньше, в поисках либо обращенных, либо пленников; и таким образом время от времени обнаруживались новые участки обширной территории. Примерно в 1594 году Риф, французский авантюрист, ранее посетивший побережье *Бразилии*, вернулся в эту страну с тремя судами, одно из которых он потерял близ *Маранхама*, на острове которого он нашел убежище. Вернувшись в Европу, его народ теперь возглавлял *сер де Во*, который убедил островитян признать власть французов. С этой уступкой он тоже вернулся во Францию и представил Генриху IV. проект овладения значительным островом *Маранхам*. Король выслушал его с удовлетворением и отправил обратно Де Во в сопровождении высокопоставленного комиссара, чьим докладом он должен был руководствоваться; но прежде чем доклад был составлен, Генрих был убит.

1612.

Однако было дано разрешение сформировать компанию с целью колонизации *Маранхема*, и некоторые джентльмены были назначены генерал-лейтенантами в *Вест-Индии* и *Бразилии*. Экспедиция была снаряжена в Бретани и вышла в море в марте 1612 года; после тяжелого плавания она достигла острова *Фернандо Норонья*, откуда направилась в *Маранхам*. Островитяне, как и ожидалось, встали под защиту Франции, и их примеру последовали два племени на материке. Крест и французский флаг были водружены рядом. К несчастью, однако, для французов, бразильское правительство как раз в это время обратило свое внимание в том же направлении; и прежде чем какие-либо известия о вышеописанных действиях достигли Мадрида, были разосланы приказы продолжать поиски и завоевание реки *Амазонки* и прилегающих регионов. Губернатору было приказано обустроить свою резиденцию в *Олинде*, чтобы продолжить экспедицию, командовать которой был назначен Джеронимо де Альбукерке. Позже к нему присоединился Компос Морено. Однако их продвижение было медленным, и в свое время они столкнулись с французами, о присутствии которых в этом регионе бразильские власти только сейчас впервые узнали. Случилось так, что офицеру, сделавшему открытие, встречный ветер помешал вернуться из *Маранхэма* в *Пернамбуку*. Его отвезли на Испанский

материк, откуда он отплыл в Испанию. По прибытии туда он немедленно отправил своего пилота в *Бразилию*, чтобы предупредить власти, а сам с той же целью направился в Мадрид. Таким образом, колониальное правительство узнало о французской оккупации *Маранхэма* не из *Бразилии*, а из Европы.

Теперь губернатору были разосланы новые инструкции со строгим приказом направить все его внимание на остров *Маранхам*. Соответственно, приготовления к этой цели были начаты с удвоенной энергией; и со временем экспедиция достигла порта *Перия*, расположенного поблизости от *Маранхама*, для осмотра которого была отправлена разведывательная группа. От дезертира португальский командующий узнал, что французы намеревались атаковать его корабли. Он, однако, удовлетворился тем, что вытащил их на берег, и победа французов ограничилась захватом трех из шести его кораблей. Португальцы, тем временем, терпели такие страдания, что среди солдат возник заговор с целью взорвать пороховой склад и таким образом вынудить отступить в *Пернамбуку* по суше. Вопрос был, однако, решен прибытием французского командующего Ривардьера с семью кораблями и множеством каноэ, на борту которых находилось четыреста французов и четыреста туземцев. Он немедленно приказал половине своего отряда овладеть холмом, возвышавшимся над португальским лагерем, в то время как его союзники-туземцы продолжали укрепляться с помощью фашин, которые они привезли с собой, и с помощью которых они поддерживали связь с флотом. Альбукерке, видя, что таким образом он лишен надежды добыть пресную воду, не имел иного выбора, кроме как сражаться, хотя его силы, как португальские, так и туземные, составляли очень малую долю от тех, что противостояли ему.

Из двух португальских вождей один атаковал врага на берегу; другой предпринял попытку выбить его с холма, у каждого было по семьдесят португальцев и сорок туземцев, в то время как небольшой отряд находился в резерве. Атака португальцев была настолько хорошо спланирована, что французы на холме, не осознавая собственной опасности, спустились на помощь своим соотечественникам и были неожиданно атакованы с фланга. После короткой, но жестокой схватки один из их командиров пал, и они отступили в свои окопы на холме; но португальцы, последовавшие за ними, также взяли штурмом эти укрепления и обратили их защитников в бегство. Ривардьер был настолько уверен в своем численном превосходстве, что не считал необходимым помогать своим людям, пока не наступил подходящий для этого момент. К этому времени отлив спал, и его каноэ остались высоко поднятыми и сухими на берегу. Он попытался атаковать форт, но илистый берег удерживал его катера на расстоянии, и инвалиды продолжали вести по нему оживленный огонь. Сто пятнадцать его людей остались мертвыми на поле боя, а девять были взяты в плен.

Теперь между командующими обеих сторон завязалась переписка, в результате которой были предложены следующие условия, а именно, что должно быть заключено перемирие до конца следующего года, в то время как тем временем два кавалера, один французский, другой португальский, должны отправиться во Францию, а также два в Испанию, чтобы изложить этот вопрос своим суверенам; и что, когда поступит решение двух судов, сторона, которая получит приказ о снятии, должна покинуть страну, а пленники тем временем будут освобождены. Ривардьер также обязал себя отозвать свой корабль и разрешить свободный доступ к припасам, на которые рассчитывали португальцы. Эти статьи были должным образом подписаны, и соответственно два судна были отправлены с уполномоченными во Францию и Испанию соответственно.

Но условия конвенции соблюдались недолго. Через некоторое время Альбукерке начал получать подкрепления; и, обнаружив, что у него достаточно сил, он сообщил Ривардьеру, что получил инструкции, в которых говорилось, что эти страны принадлежат португальской короне, и что поэтому он вынужден считать договор между ними аннулированным. Французский командующий теперь согласился эвакуировать остров *Маранхам* в течение пяти месяцев при условии, что португальцы оплатят оставленную там артиллерию, что позволит ему оплатить перевозки для своего народа. В качестве гарантии своей добросовестности он сдал один из фортов, которым овладел Альбукерке; но, судя по сроку, который он оговорил перед своим уходом, вероятно, он рассчитывал на то, что за это время произойдет что-то, что может сделать эту операцию ненужной.

1615.

Кампос тем временем добрался до Лиссабона, где настаивал на необходимости отправки подкреплений правительству без потери времени. Сам он вернулся с достаточной для этой цели помощью в *Пернамбуку*, где застал губернатора занятым тем же делом. Их объединенные силы составляли девятьсот человек, которые были погружены на семь кораблей. Кампос покинул *Маранхам* в Европу в январе 1615 года и вернулся на этот остров в начале октября того же года, верховное командование экспедицией теперь было передано Де Моуре, покойному капитану *Пернамбуку*. В вопиющее нарушение второй конвенции с Ривардьером французы подверглись нападению в форте *Сент-Луис*, куда они отступили. Французский командующий безоговорочно подчинился, и ему разрешили отплыть во Францию вместе с четырьмя сотнями его соотечественников. Из-за его неспособности договориться с португальцами, когда его превосходство на море позволяло ему перекрыть им доступ к провизии, остров *Маранхам* был потерян для Франции.

Следующий враг, с которым португальцам пришлось столкнуться, принадлежал к другой расе. Голландцы начали торговать на севере *Амазонки* и основали фабрики на некоторых из многочисленных островов в ее устье. Они сообщили туземцам, что скоро прибудет флот для основания колонии, и когда эта информация достигла Калдейры (португальского офицера, который был *отправлен на север из Маранхамас двумя сотнями человек для основания поселения на Амазонках*, в районе реки), она была подтверждена прибытием большого голландского судна. Корабль был атакован по его приказу, но голландцы защищались так хорошо, что победить их можно было только подожгв судно. Это новое капитанство, которое называлось *Пара*, было нарушено серьезными разногласиями, которые привели к тому, что губернатор Кальдейра был закован в цепи своим взбунтовавшимся гарнизоном. Колонии также пришлось столкнуться с длительной враждебностью со стороны туземцев. Из Лиссабона был выслан новый губернатор с приказом отправить домой в качестве заключенных как Калдейру, так и офицера, который принял правительство вместо него от мятежников. Когда это было сделано, началась война против туземцев, и на них успешно выследил негодяй по имени Масиэль, целью которого, по-видимому, было их истребление. Если такова была его цель, то этому еще больше способствовал страшный хаос, вызванный в то время среди них оспой.

1622.

В 1622 году новый генерал-губернатор привел с собой нескольких иезуитов; но появление этих отцов в *Маранхеме* вызвало возмущение против них; ибо, к чести их ордена, он стал систематически выступать против незаконного поведения португальцев по отношению к

туземцам. Необходимо было прийти к компромиссу, по которому иезуиты согласились под страхом изгнания и конфискации своего имущества не вмешиваться в дела одомашненных туземцев. Поскольку Масиэль окружил португальские поселения широким поясом запустения, Отцам было несколько трудно найти других туземцев, на которых они могли бы оказать свое влияние. Примерно в это время многое было сделано для исследования региона Нижней Амазонки, и следует признать, что Масиэль, который теперь был капитаном *Пара*, был столь же энергичен, сколь и жесток в своем обращении с индейцами. У реки *Курупа* некоторые из его людей нашли голландских, английских и французских авантюристов, которые вырыли траншеи для своей защиты и призвали туземцев помогать им. С этого поста они были изгнаны Масиэлем, который разрушил их фабрики как на *Курупе*, так и на острове *Токужуз*.

Выполнив эту приятную работу, он вернулся в *Белем*, который теперь называется *Пара*. Его новые завоевания были сочтены в Мадриде такими значительными, что заслуживали учреждения отдельного правительства, отчасти из-за трудности сообщения между *Маранхамом* и *Пернамбуку*. Но близились дни, когда другая европейская нация должна была отомстить туземцам за обиды, которые они претерпели от Масиэля и ему подобных.

Примечание.—Главы V., IX., XV. и XVI. тома I. основаны на “Истории *Бразилии*” Роберта Саути. Лонгман. 1810.

К “Истории *Парагвая*”; Чарльз А. Уошберн. Ли и Шепард. Нью-Йорк, 1871 год.

К “Биографическим заметкам Фернандо де Магальянса” Наваррете.

On “*Lettres Édificatives et Curieuses,;” écrites des Missions Étrangères. Nouv. edit.; par Querbeuf.*

На “*Ла-Плата*”; *Etude Historique; par Santiago Arcos.* Париж, 1865 год.

Об “Истории Индии” Дж. де Акосты; Общество Хаклюит, 1880.

О ранее упомянутых произведениях.

And on “*Voyage dans l’Amérique Méridionale;” par Don F. de Azara.* 4 тома. 8во. 1809.

ГЛАВА XVI.

УЧРЕЖДЕНИЕ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ В ПАРАГВАЕ.

1608-1648гг.

Город *Буэнос-Айрес*, однажды основанный на постоянной основе, вскоре превратился в значительное место, и это несмотря на его неудобную и небезопасную гавань. Через сорок лет после своего основания (1620) он был объявлен отдельной колонией, которая должна была включать в себя все регионы *Ла-Платы* ниже слияния *Парагвая* и *Параны*. Он также стал резиденцией епископа, и за пятьдесят лет с момента основания насчитывал столько же жителей, сколько *Асунсьон*. Колония *Тукуман* была основана в 1564 году, но она, в отличие от *Парагвая*, не имела преимуществ речного сообщения с океаном и не пользовалась руководством такого выдающегося мыслителя, как Ирала. Несмотря на это, юрисдикция

губернатора *Тукумана* в 1596 году была распространена на *Парагвай*. Губернатор назначил очень способную замену для управления последней провинцией в лице Эрнандо Сааведры, чьи административные способности, как считается, были превзойдены только у Иралы.

1608.

Сааведра, после долгих исследований территорий, населенных местными племенами, пришел к выводу, что было бы лучше присоединить их, а не ослаблять или истреблять, и что для этой цели было бы целесообразно использовать все средства для обращения их в христианство. С этой целью он обратился к испанскому двору, а в 1608 году - к Филиппу III. принял памятное решение о выдаче королевских грамот-патентов Ордену Иисуса на обращение индейцев провинции *Гуайра*, округ которой включал оба берега верхней *Параны* к востоку от *Асунсьона*. В этом регионе города *Онтеверос*, *Сьюдад-Реаль* и *Вилья-Рика* были основаны еще в 1554 году доном Руи Диасом де Мельгарехо.

1610.

Два священника-иезуита достигли *Асунсьона* в 1610 году, скромный авангард грозной армии. С самого дня своего прибытия они проявили обычное для своего ордена рвение, и первое сокращение было установлено в верхней *Паране*. Он назывался *Лорето*, и окрестным туземцам было предложено отправиться туда, чтобы получить наставления и стать членами общины, которая полностью находилась под контролем иезуитов. По мере прибытия других членов ордена были сформированы другие сокращения. Добравшись до *Асунсьона*, первые отцы-иезуиты обнаружили, что колония поглощена соперничеством и противоречиями между светскими и религиозными властями. Первый епископ *Парагвая* был францисканцем.

Политика включения местных жителей в состав руководящего органа, которая была инициирована и проводилась Иралой, вышла из употребления, по крайней мере частично. Хотя уроженцам *Парагвая* не приходилось жаловаться на такое же жестокое обращение со стороны испанских завоевателей, как перуанцам, их положение по-прежнему оставляло желать лучшего. Они не были рабами по названию, и их нельзя было купить или продать, но, тем не менее, они были вынуждены трудиться в интересах других, которые не несли ответственности за их заботу или поддержку. Священники, как и подобало их характеру, желали улучшить свое положение, но колонисты не хотели допускать их вмешательства в светские дела. Тем не менее, их присутствие не прошло бесследно, хотя бы потому, что стало считаться более респектабельным относиться к туземцам как к людям, а не как к низшим животным. При таком состоянии общества к моменту прибытия иезуитов, заявленной целью которых было искупление туземцев, колонисты отнюдь не приветствовали их приход.

Асунсьон, однако, был пока пощажен, поскольку место действия первых отцов-иезуитов находилось примерно в трехстах милях от трех вышеупомянутых поселений. От этих поселений и от сокращения *Лорето* сейчас почти ничего не осталось. Первые поселенцы так сильно пострадали от туземцев и враждебных португальцев, что провинция была заброшена. Место расположения *Виллы Рика* менялось дважды, и нынешний город с таким названием датируется 1678 годом. Затем Отцы, спустившись по реке, обосновались в районе *Мисьонес*, на левом берегу *Параны*, районе, который в настоящее время и уже давно является предметом спора между *Бразилией* и ее соседом. Ранний успех иезуитов в обращении туземцев был весьма примечателен; но, возможно, также не мешало бы помнить, что хронику этого факта составили

сами иезуиты, а не независимые авторы. Парагвайцы, по их словам, не только приняли веру, но и добровольно вступили в *сокращения* приняли правление духовных учителей. До их прихода имя иностранца было ужасным. Испанцы, разочаровавшись в поисках золота, завладели территорией, вынудив парагвайцев к большому количеству безответной тяжелой работы. Иезуиты, однако, пришли, чтобы жить и умереть среди них, не ища для себя ничего, кроме возможности обучать искусствам цивилизации и указывать путь в рай. Неудивительно, что контраст между их образом жизни и образом жизни их светских соотечественников должен был завоевывать доверие местных жителей. Действительно, поскольку одним из условий, предоставленных короной основателям *сокращений*, было то, что они должны были быть свободны от всякого колониального контроля, парагвайцы, на первый взгляд, могли бы оказаться в выигрыше, вступив в них. Одним из принципов ордена было то, что туземцы не должны подвергаться неоплачиваемому труду.

Несколько примечательно, что в то время как о системе и трудах иезуитов в *Парагвае* большинство протестантских писателей отзываюся почти с безоговорочной похвалой, их католические соперники францисканцы безмерно их осуждают. Не подлежит сомнению, что первые члены ордена — непосредственные ученики Лойолы — руководствовались в своей миссии не чем иным, как самым самоотверженным и бескорыстным рвением; но на смену этим людям пришли другие, иного склада, и со временем иезуитские правители *Парагвая* могли наслаждаться жизнью в праздности и роскоши. За первые двадцать пять лет своей миссии они основали не менее десяти городов; но историк Азара указывает, что эти двадцать пять лет точно совпадают со временем, когда португальцы яростно преследовали туземцев, чтобы продать их в рабство. Напуганные беглецы нашли убежище в регионе между *Уругваем* и *Парана*, и скопились в иезуитских городах. В течение следующих ста или более лет был основан только еще один город. Таким образом, похоже, что алчность португальцев имела немалое отношение к установлению правления иезуитов в *Парагвае*.

Карьере иезуитов, однако, не суждено было протекать равномерно гладко. Был назначен губернатор *Парагвая*, политика и интересы которого не совпадали с их интересами. Сеспедес был женат на португальской даме, чьи симпатии были скорее на стороне ее соотечественников-похитителей мужчин, чем на народе, которым правил ее муж. Говорят, что во время своего визита в *Рио-де-Жанейро* по пути к своему правительству Сеспедес настолько попал в руки бразильцев, что заключил с ними сделку, по которой он должен был помочь им похитить тех, кем его послали управлять и защищать. Он решил добраться до *Асунсьона* по суше. Первым пунктом, которого он достиг на территории Испании, был *Лорето*, расположенный на берегу притока *Параны*. Там иезуиты ожидали его прихода с радостным предвкушением, которое вскоре должно было смениться тревогой. Поместья *сеньоры* Сеспедес в *Бразилии* нуждались в рабочих, и добросовестный губернатор заключил договор с охотниками за рабами, чтобы облегчить их операции при условии получения шестисот их пленников. При таких обстоятельствах неудивительно, что миссионерские учреждения *Гуайры* стали легкой добычей. Первых неофитов уводили тысячами и продавали в рабство. Не имея возможности искать защиты в *Асунсьоне*, остальные бежали численностью в двенадцать тысяч человек. Отцы сопровождали их до тех пор, пока они не оказались, как им казалось, на безопасном расстоянии в регионе, ныне известном как *Миссии*. В своих новых *сокращениях* иезуиты продолжили свою работу по обращению в свою веру и, после увольнения Сеспедеса, испробовали различные способы приобретения влияния в *Асунсьоне*. И они не были безуспешными. Вполне естественно, что местные жители предпочитали свое правление

правлению гражданских властей, и, следовательно, сокращения набирали силу. Результатом стало то, что правительство стало ревнивым, и францисканцы во главе с епископом изыскивали средства, чтобы избавиться от своих успешных соседей и соперников.

Иезуиты обратились к Испании, а также к папе римскому, в результате чего их представитель добился для них королевского гранта, который сделал миссии независимыми от правительства *Парагвая*. Им также было разрешено снабжать местных жителей огнестрельным оружием для использования в целях самообороны. Когда охотники за рабами совершили следующий набег, их встретили так хорошо, что, хотя их было тысяча человек, мало кто спасся, чтобы рассказать об их неожиданности и поражении. Миссии больше не беспокоили похитители людей из *Бразилии*.

1644.

Но иезуитам все еще приходилось бороться с соперничающими церковниками *Асунсьона*. Епископ *Парагвая* Карденас был в то время видной фигурой. Говорят, что он ненавидел иезуитов с таким пылом, который редко проявляется сильнее, чем в религиозной вражде; но он ни в коем случае не ограничивал свое внимание ими. Это была эпоха, когда все люди боялись проклятия Рима, и Карденас был не прочь пустить в ход это ужасное оружие. Среди других, кто попал под его запрет, был Хиностроса, губернатор колонии, который осмелился не согласиться с ним по какому-то вопросу, который не фигурирует. Народ был возмущен немилостью губернатора; и, опасаясь беспорядков, епископ удалился из столицы. За ним последовал раскаявшийся губернатор, который добился снятия анафемы. Епископ, имевший теперь фактически в своих руках как гражданскую, так и духовную власть, не терял времени даром, давая почувствовать это иезуитам. Им было запрещено проповедовать в *Асунсьоне*, а их школы были закрыты. Но если губернатор был подчинен церковной власти, то вице-король *Чаркаса* и его совет - нет. Губернатор *Парагвая* получил строгий выговор за то, что подчинился высокомерному прелату, который, в свою очередь, был осужден и вынужден на несколько лет удалиться из *Асунсьона*.

1648.

По возвращении в этот город губернатор скончался; и поскольку в этой чрезвычайной ситуации выбор преемника лежал на народе, епископ Карденас был избран править вместо него. Он снова обладал всей полнотой власти и снова, не теряя времени, заявил о своей решимости использовать ее для изгнания иезуитов. Собрав под угрозой отлучения от церкви большую толпу людей, способных носить оружие, он потребовал сдачи коллегии иезуитов. Напрасно его ректор протестовал против того, что его орден пользуется своими правами в соответствии с королевским грантом. Двери были взломаны, и священники и неофиты были изгнаны. Их доставили к реке, погрузили в лодки и бросили на произвол судьбы без паруса и весел. Затем колледж был разграблен, а статуи Лойолы и Ксавьера сорвали с их пьедесталов. Это насилие было естественной прелюдией к собственному падению епископа. Он был вызван на суд Великого совета *Перу* и в конце концов отстранен от всякой власти.

Низложение Карденаса стало сигналом к отъезду иезуитов, и на некоторое время они стали хозяевами положения. Однако между ними и францисканцами все еще существовали постоянные зависть и раздоры, и гражданские власти были склонны встать на сторону последних. Тем не менее иезуиты с неослабевающей серьезностью стремились к обретению

власти в *Асунсьоне*. Основывая школы и контролируя их, они получали руководство подрастающим поколением; и миссии к этому времени были богатыми и питательными. За пределами *сокращений* местные жители предпочитали правление иезуитов правлению гражданских властей, поскольку первые отвергали рабство; в то время как в рамках *сокращений* подневольное состояние, которому они подвергались, было замаскировано под другим именем. Это был труд на общее благо.

Системы испанских губернаторов и отцов-иезуитов, соответственно, сильно отличались друг от друга и требуют некоторого объяснения. С первого появления первых постепенно возникла смешанная раса. Испанцы привезли с собой мало женщин, если вообще привезли, и если определенная доля испанских леди прибыла позже, то их было недостаточно, чтобы повлиять на общее правило, которое заключалось в том, что испанские поселенцы были связаны *с женами гуарани*. Так сформировалась современная смешанная парагвайская раса. Таким образом, за очень короткое время благодаря родственным узам между испанцами и *гуарани* или теми, в чьих жилах *течет кровь* гуарани, возникла сильная симпатия, и признание этого факта легло в основу плана правления, основанного великим Иралой. Участь уроженцев *Парагвая* по сравнению с уроженцами других испанских владений в Новом Свете была далеко не тяжелой. Там не было шахт, на которых можно было бы работать. Испанцы приезжали туда оседать, а не сколачивать состояния, с которыми можно вернуться в Европу. Страна была чрезвычайно плодородной, и то богатство, которое могли накопить испанцы, заключалось в продуктах со своих полей или в увеличении их стад, которых было вполне достаточно, чтобы прокормить их. Следовательно, все, что они требовали от туземцев, по большей части, было умеренное количество работы в качестве чернорабочих или пастухов, в то время как взамен они были в состоянии передать парагвайцам многие искусства цивилизации.

Иезуиты, с другой стороны, не допускали других европейцев в пределы своих *сокращений*, сами не имея родственных уз по браку или иным образом с окружающими, оставались отдельным классом. Их ученики даже не были обучены испанскому или какому-либо другому европейскому языку, за исключением, возможно, того, что подразумевалось под тем, что их учили наизусть произносить определенные молитвы. Что касается их мирских забот, то они трудились, как было сказано, на общее благо, но на самом деле были доведены до состояния самого полного рабства, какое только можно себе представить. Они не только должны были, подобно своим коренным братьям за пределами *сокращений*, отдавать свой труд на полях и в уходе за стадами, но когда это было сделано, вся их продукция — сверх того, что было необходимо для их собственного пропитания, — поступала в общий фонд иезуитов, то есть шла на строительство и украшение великолепных церквей, многие из которых с их резными украшениями из лучшего дерева сохранились и по сей день, когда расы, их создавшей, больше нет. И это был не единственный труд, выпавший на долю тех туземцев, которые были привлечены к пожизненному рабству ради “вящей славы Божьей”. Необходимо было изолировать их от искушений внешнего мира, и с этой целью каждое убежище было превращено в крепость, устроенную так, чтобы в одно и то же время препятствовать входу посторонних извне и выходу учеников изнутри. Парагвайцы, подчинившиеся абсолютной власти иезуитов, таким образом, были хитроумно превращены в изготовителей цепей, которые их сковывали. Мы значительно опережаем рассматриваемый период, чтобы обратиться к правлению Франции и второму Лопесу, но здесь может быть позволено указать, что, создавая таким образом систему крайней умственной и моральной отсталости, отцы-иезуиты,

несомненно, несут ответственность за невыразимые страдания, которые были вызваны этими тиранами и которые в конце концов привели к вымиранию парагвайской расы.

Иезуиты были своими собственными историками; поэтому нижеследующие подробности, написанные ими самими, следует читать с размышлением о том, что не было современного критика, который завещал бы другую сторону картины. Покинув нижние берега *Платы*, уже покрытые бесчисленным скотом на бескрайних равнинах, покрытых вечной зеленью, иезуиты на пути к месту назначения были потрясены, пристав к острову *Сан-Габриэль*, увидев племя идолопоклонников, которые наводили ужас на их окрестности и, вероятно, еще больший у себя дома, поскольку мы узнаем, что они умерщвляли своих женщин по достижении тридцатилетнего возраста. Преодолев около тысячи миль по реке, они достигли миссии *Гуарани*, состоящей из тридцати поселений. На западном побережье и далее к северу находились миссии *Чикито*, с которыми остальные поддерживали переписку, которая до начала восемнадцатого века могла осуществляться только через *Перу*, по маршруту протяженностью в восемьсот лиг, пересеченному реками, которые можно было перейти вброд только в определенное время года. Более короткий путь от *Платы* до миссий *Чикито* был ревниво перекрыт *гуарани*.

The *Гуарани* делились на два класса — охотников и рыбаков. Первые игнорировали использование седел, но проводили время по большей части на лошадях, которые следовали за испанцами. Рыбаки обожали демона, который проявлял себя в виде большой птицы. В конце концов иезуиты решили попытаться проникнуть в поселения своих братьев в *Чикито* по реке *Уругвай*; и два Отца Церкви в сопровождении тридцати парагвайских учеников отправились с этой целью из *Асунсьона*, в город *Чикито*, где проживали их братья.... Они поднялись примерно на сто лиг, когда им навстречу попала лодка, на борту которой был *Паягуас*, который, оказавшись между двумя врагами, умолял о помощи иезуитов. На западе жили их заклятые враги, *гуайкуру*; на востоке были бразильские охотники за рабами. Этот естественный крик о помощи был истолкован как молитва о принятии в пределы Церкви, и один из Отцов остался со своими новообращенными на озере *Уберада*, в то время как другой в одиночку направился в *Перу*.

Однако внезапное обращение туземцев, вызванное террором, продолжалось лишь до тех пор, пока иезуиты и их партия оставались достаточно сильными, чтобы внушать им благоговейный страх. Оставшись с одним Отцом и пятнадцатью парагвайцами, они получили разрешение уехать с целью привести других разделить наставления Отца. Когда они вернулись в количестве, достаточном для того, чтобы одолеть его, четырнадцать его парагвайцев были казнены, один был оставлен в качестве переводчика; один из испанских лодочников также был спасен, чтобы направить *Паягуас* к их прежним местам обитания. Там переводчик был казнен в защиту своего учителя, который, однако, вместе со своим братом-иезуитом был почти сразу же после этого убит *гуайкуром*.

Примерно в тот же период в *Буэнос-Айресе* проживало около двадцати тысяч африканцев, которые не могли говорить по-испански. Чтобы иметь возможность давать им духовную пищу, отец Чоме изучил язык *Анголы*, которым в течение трех месяцев он овладел настолько хорошо, что смог убедить себя в том, что африканцы понимают его попытки разъяснить доктрины христианства. Его лингвистические способности позволили ему пройти службу в *Перу*, но пункт назначения был изменен на *Парагвай*. Его доставили туда в крытой повозке, везя с собой его

собственные постельные принадлежности и провизию. Окрестности *Санта-Фе* были тогда наводнены *гуайкуру*, которые даже осмелились напасть на этот город. Они не давали пощады и несли в качестве трофеев скальпы своих жертв. Их оружием были луки и стрелы, копья и дротики, которые отскакивали с помощью тетивы, прикрепленной к большому пальцу проектора. Выходя из своих засад и издавая дикие крики, они внушали еще больший ужас своим видом, будучи облаченными в костюмы, состоящие из перьев. Они уже достигли совершенства в верховой езде, то опускаясь плашмя на шеи животных, то раскачивая их под подпругами и держась за ноги, то перебрасываясь с одной стороны на другую, как того требовал случай. Если им казалось желательным бросить своих коней и уйти в реку или чащу, они были как рыбы в первом случае и могли не обращать внимания на колючки второго.

Окруженный этими дикарями, отец Шоме был обязан своему сопровождению тем, что благополучно добрался до *Санта-Фе*, где он все еще находился в двухстах двадцати лье от ближайшего из *сокращений*. Используя повозки, мало подходили для местности, пересеченной ручьями, где мосты были неизвестны. Добравшись до ручья, повозку разгрузили и привязали к хвостам лошадей, которые из всех сил старались перебраться на противоположный берег. Тех путешественников, которые не умели плавать, сажали в маленькие лодки, сделанные из цельной бычьей шкуры, с почти ненужным предписанием сидеть в них неподвижно. *Вплотах* тоже перевозились грузы. Из *Санта-Фе* отец Шоме верхом на лошади направился к месту назначения.

После того, как большая часть *гуарани* приняла христианство, часть по-прежнему отказывалась прислушиваться к голосу миссионеров и искала убежища в соседних горах. Их опечаленные потенциальные обращенцы некоторое время утешали себя мыслью, что внезапного перехода от пылающих *пампасных* равнин к снегам *Анд* будет достаточно, чтобы истребить язычников; но когда они разочаровались в этом благочестивом желании и когда соплеменники, которые, напротив, увеличились в численности, отважились убить нескольких доминиканцев, месть властей пробудилась, и их горы были захвачены, в результате чего многие сотни из них были взяты в плен или убиты.

Миссии иезуитов, где были восстановлены невинность и благочестие первых христиан, насчитывали к концу семнадцатого века сорок крупных заведений, наиболее значительные из которых насчитывали от пятнадцати до двадцати тысяч душ. Глава каждой миссии и судья избирались из года в год. Плоды земли помещались в общественных журналах, из которых каждая семья получала свою долю. Невинность новообращенных *гуарани* была настолько поразительной, что Отцы признают, что исповеди их учеников редко или вообще никогда не открывали ничего, что требовало бы отпущения грехов. Они отказывали парагвайцам в какой-либо доле изобретательского гения, но, с другой стороны, требовали от них величайшей способности к подражанию. Они могли изготавливать таблицы, печатать или переписывать книги, имитировать тончайший почерк, изготавливать музыкальные инструменты и часы, рисовать планы и гравировать карты. Их обращение далось нелегко; но однажды совершенное, оно было искренним и прочным, и привязанности, которую они проявляли к своим духовным отцам, не было границ.

Следующий отрывок, переведенный с *Азары*, может дать некоторое дальнейшее представление о системе, которой придерживались иезуиты. Знания историка почерпнуты из свидетельств очевидцев, и его утверждения о фактах, хотя и не его выводы, согласуются с выводами Отцов Церкви:

“Тридцать три иезуитские миссии управлялись следующим образом: в каждом *пуэбло* проживало по два иезуита. Тот, кого звали *cura*, был либо провинциалом, либо ректором в их колледжах, либо, по крайней мере, серьезным *падре*. Он не выполнял никаких функций *куратора* и часто не знал языка индейцев. Он занимался только временным управлением всем имуществом *пуэбло*, абсолютным управляющим которого он был. Духовное управление было поручено другому иезуиту, по имени *компаньеро*, или *вице-куратору*, подчиненному первому. Иезуиты всех *пуэбло* находились под надзором и бдительностью другого лица, названного *настоятелем* миссий, который, кроме того, имел право утверждать это от папы римского. Для управления этими *пуэбло* у них не было законов, ни гражданских, ни уголовных; единственным правилом была воля иезуитов. Хотя в каждом *пуэбло* был индеец по имени *коррехидор*, а другие назывались *алькальдес* и *реджидорес* (мэр и олдермены), которые формировали муниципальный орган, подобный тому, который есть в испанских колониях, никто из них не обладал ни малейшей юрисдикцией, и они были всего лишь инструментами, служившими для исполнения воли *курас*, даже в уголовных делах. *Курасы*, которые применяли наказания, никогда не упоминались ни перед королем, ни перед каким-либо из обычных трибуналов. Они заставляли индейцев обоих полов и всех возрастов работать на благо общества, не разрешая никому вообще работать на себя. Все должны были подчиняться приказам *куратора*, который хранил продукты своего труда и который отвечал за снабжение всех едой и одеждой. Из этого видно, что иезуиты были абсолютными хозяевами всего; что они полностью распоряжались избыточным имуществом всей общины; и что все индейцы были равны, без каких-либо различий, и не могли обладать какой-либо частной собственностью. Не могло быть никакого мотива соперничества, который побудил бы их использовать свои таланты или свой разум, поскольку самый способный, самый добродетельный, самый активный не был бы лучше накормлен или одет, чем другие, и не получил бы никакого удовольствия, которое не было бы общим для всех. Иезуиты убедили мир, что такой тип правления был единственно подходящим для индейцев, и сделали счастливыми тех, кто был подобен детям и не мог позаботиться о себе сам. Они добавляют, что они руководят ими, как отец управляет своей семьей, и что они собирают и хранят на складах продукты урожая не для частного использования, а для надлежащего распределения среди своих детей, которые, не имея средств к существованию, не знают, как сохранить что-либо для пропитания своих семей. Этот способ правления оказался в Европе достойным таких великих похвал, что участи этих индейцев можно почти позавидовать. Но это делается без учета того, что те же самые индейцы в диком состоянии знали, как прокормить свои семьи, и что отдельные представители тех же самых индейцев, которые были порабощены в *Парагвае*, жили веком раньше в состоянии свободы, не зная о такой общности благ, без необходимости быть направленными кем-либо лицом, без подстрекательства или принуждения к труду, без общественного хранилища или распределения урожая; и это также, несмотря на то, что они должны были содержать командные пункты, на которые уходила шестая часть их годового труда. Тогда, по-видимому, они не были такими детьми и не были такими уж неспособными, какими пытались представить их Отцы. Но если бы такая неспособность была несомненной из—за того, что за полтора столетия у них не было достаточно времени для исправления таких недостатков, то одна из двух следующих причин представляется разумной:

либо правление иезуитов противоречило цивилизации индейцев, либо они были таким народом, который был неспособен выйти из своего примитивного состояния младенчества”.

До основания иезуитских *сокращений* испанцы учреждали должности в различных частях света для целей торговли и местного самоуправления. Некоторые из них находились по соседству с поселениями иезуитов. Но орден не потерпел бы присутствия европейцев рядом с ними. Они жаловались в патетических тонах на лишения, которые терпят туземцы от рук алчных испанских суперинтендантов, которые не только требуют от них одну шестую часть их продукции, но и показывают им пагубный пример нравственности и таким образом вмешиваются в религиозное учение иезуитов. Эти жалобы были направлены в испанский суд, суперинтенданты были отозваны, а их должности упразднены, таким образом, иезуиты получили единоличный контроль над территорией *Миссии*. Это решение тем более примечательно, что иезуиты не только не находились под властью Испании, но даже не принадлежали к большей части нации, породившей их основателя. Они также не платили налогов или дани короне.

Но осуществление абсолютной власти на их собственной территории не удовлетворяло амбициозный орден. Они стремились сделать свое влияние ощутимым повсюду, и таким образом проложили путь к своему падению. Их первой идеей было установить контроль над подрастающим поколением путем бесплатного обучения молодежи из богатых семей; и, предупрежденные своим предыдущим опытом, они подготовились к будущим неудачам, набрав из числа своих неофитов очень значительную постоянную армию. В самый ранний период своего правления они могли вывести на поле боя силы численностью около семи тысяч человек.

ГЛАВА XVII.

АНГЛИЙСКИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ ХОКИНС, ДРЕЙК И РОЛИ.

1564-1618гг.

Мы все знакомы с именами некоторых английских мореплавателей, имевших отношение к испанской Южной Америке; но несколько затруднительно указать точную дату их подвигов, не прерывая хода общего повествования. Их действия также не относятся конкретно к какому-либо океану или стране. Иногда они появлялись в Атлантике, а иногда и в Тихом океане; иногда на *перешейке Дариен*, иногда на побережье *Перу*. Они грабили врага везде, где находили его уязвимым, и относились к жителям как одной, так и другой стороны континента с совершенным беспристрастием. Поэтому я подумал, что будет лучше собрать воедино в одной главе несколько кратких отчетов о деяниях некоторых из самых известных вольных копейщиков океана.

Первым среди английских мореплавателей в испано-американские воды приходит грозный Хокинс. Никто не усомнится в том, что он был замечательным моряком и отважнейшим человеком. Он также был настолько патриотичен, насколько это возможно для человека, и был самым внимательным и справедливым по отношению к тем, кто находился под его командованием, которые, по-видимому, уважали и любили его. Но это может помочь составить более правильное мнение об эпохе, в которую он жил, и может несколько изменить наше суждение относительно испанцев и португальцев шестнадцатого века в вопросе рабства, если

мы вспомним, что сэр Джон Хокинс, которым большинство англичан в определенной степени гордятся, был, проще говоря, жестоким работоторговцем. Этот предмет был, по сути, основным товаром, которым он торговал, и он продолжил свой путь к побережью Африки, чтобы захватить там свой груз негров, проявляя ни на йоту не больше заботы о них или их правах, чем проявили бы Роб Рой или Родерик Ду в отношении скота, который они угоняли с Равнин. Возможно, полезно также иметь в виду, что его образ жизни был хорошо известен королеве Елизавете и ее министрам, и что Ее Величество в знак одобрения его действий предоставила в его распоряжение одно из Своих судов, “Иисус” из Любека, водоизмещением 700 тонн.

Поскольку эта работа не предназначена для того, чтобы пролить свет на африканскую работоторговлю дальше, чем в том, что касается Южной Америки, нет необходимости следовать за сэром Джоном на протяжении всех его гнусных делишек на побережье Африки. Но одно из его путешествий, в ходе которого он отправился со своим обычным грузом в 1564 году кмысула Вала, представляет для нас необычайный интерес, поскольку по ходу повествования мы находим первое упоминание о картофеле у английских писателей. Хорошо известно, что Рейли и некоторые из его товарищей гораздо позже привезли домой этот корень изВирджинии. Аналогично, незадолго до этого путешествия Роли Дрейк завез это же растение на эти острова; но то, что мы впервые познакомились с картофелем благодаря Хокинсу и его экспедиции вышеупомянутого года, станет ясно из следующего отрывка:

“Здесь, видя, что у них нет с собой ни еды, ни воды для подкрепления наших людей, мы были вынуждены уйти на двадцатый день, а на 2-й двадцатый день мы прибыли в местечко в штате Мэн, называемое *Кумана*, куда капитан, направляясь в своей пинниссе, поговорил с некоторыми испанцами, от которых он потребовал еды, но они заставили его ответить, что они были всего лишь солдатами, недавно прибывшими туда, и не могли добраться на негро; после чего он попросил воды. место, и они указали ему место в двух лье от нас, называемое *Санта-Фе*, где мы нашли чудесный источник, удобный для питья; там пресная вода поступала в море, и, таким образом, наши корабли причаливали к берегу на двадцать морских саженей глубже. Неподалеку от этого места обитали индейцы племени сертайн, которые на следующий день после того, как мы пришли туда, пришли к нам, подарив мельницу и лепешки в панировке, которые они приготовили из сорта кукурузы, называемого маис, величиной с горошину, ушко которой очень похоже на чайную ложку, но длиной в пядь, на которой много зерен. Также они принесли нам Хрен, картофель и Сосны, которые мы купили на бусы, оловянные свистульки, стаканы, ножи и другие мелочи. Этот картофель - самые нежные корнеплоды, которые можно употреблять в пищу, и по вкусу он намного превосходит наши картофелины”. [S]

Хокинс и его люди продолжали свой путь вдоль побережья и 3 апреля прибыли в место под названием *Бурбороата*, где корабли бросили якорь, и он сам сошел на берег, чтобы поговорить с испанцами, которым он объявил о своей национальности и о том, что прибыл туда для законной торговли, для которой ему требовалось разрешение. Они ответили, что их король запретил им торговать с любым иностранным государством под страхом конфискации их имущества; поэтому они хотели, чтобы он уехал, поскольку они были подданными и не могли выходить за рамки закона. Хокинс, однако, который был олицетворением *Римского закона*, был выше закона. Он ответил, что его необходимость была такова, что он не мог этого сделать; поскольку, находясь в одной из *армад* королевы Англии и имея в своем составе много солдат, он

нуждался как в чем-нибудь освежающем для них, так и в провианте, а также в деньгах, без которых он не мог уехать. Многими другими разговорами он убедил их не опасаться какой-либо нечестности с его стороны по отношению к ним; ибо он также не совершил бы ничего подобного ни для бесчестия своего принца, ни для нечестной репутации и оценки, если бы с ним не поступили слишком строго, чего он надеялся не встретить в их руках.

Испанцы ответили, что не в их правилах давать какие-либо разрешения, поскольку у них есть губернатор, которому вверено управление этими краями; но если Хокинс задержится еще на десять дней, они пошлют к своему губернатору, который находится в трех десятках лиг отсюда, и он даст ответ в назначенный срок.

Тем временем Хокинсу разрешили привести свои корабли в гавань и получить необходимые ему припасы. На четвертый день он вошел и получил, как и было обещано, все необходимое; после чего проникательный капитан подумал про себя, что оставаться в соответствии со своим обещанием в течение оговоренных десяти дней, тратя провизию и жалованье людям, было бы просто безумием. Поэтому он попросил разрешения продать некоторых тощих и больных негров, которые были у него на кораблях, которые могли умереть у него на руках, если он продержит их десять дней. Он был вынужден обратиться с этой просьбой, потому что иначе у него не было средств, чтобы заплатить за провизию и предметы первой необходимости. Когда эта просьба была изложена в письменной форме и представлена, офицеры и горожане собрались вместе; и, сочтя его просьбу столь разумной, выдали ему лицензию на тридцать негров, которую впоследствии они показали офицерам с намерением соглашаться только на то, что было разумно, из опасения, что впоследствии их призовут к ответу за это.

Но испанцы были так же настороже, как и Хокинс, и он не обнаружил большого спроса на свои негритянские товары, поскольку власти решили, что никому, кроме бедняков, не должно быть позволено участвовать в торгах за них. Это был вопрос торга, и Хокинс сделал вид, что собирается уходить, унося свой товар в другое место. Он ответил, что ему требовалось не только разрешение на продажу, но и справедливая прибыль; и он считал должным показать в своих документах, сколько он заплатил за своих негров, а также во что ему обошлись все издержки торговли, которой он занимался. Поскольку они не желали его отъезда, они уговорили его остаться, сказав, что там за него заплатят больше, чем где-либо еще. Поэтому он согласился остаться, чтобы избавиться от своих тощих негров. На следующий день он избавился от нескольких, но больше ничего не мог сделать до прибытия губернатора через две недели.

Хокинс обратился к губернатору с петицией с просьбой разрешить продавать его негров, на что ему было дано разрешение. Но, поняв, что испанцы не согласятся ни заплатить ничего подобного той цене, которую он требовал, ни отказаться от королевской таможенной пошлины в размере тридцатидукатов с каждого раба, он решил принять более решительные меры. Соответственно, 16 апреля он подготовил сотню хорошо вооруженных людей, с которыми выступил против города. Во время этой демонстрации губернатор, что вполне естественно, послал гонцов, чтобы узнать, что это означает, и потребовал, чтобы он остановился, пока не получит ответа. Капитан, заявив, насколько неразумным является королевский обычай, потребовал отменить то же самое, предложив заплатить семь с половиной процентов. Губернатор ответил, что его требование должно быть удовлетворено. Получив заложников, захватчики затем отбыли на свои корабли и двенадцать дней продолжали торговлю без помех, когда Хокинс снова сделал вид, что уходит, чтобы получить более высокие цены.

4 мая он действительно отплыл, а 6-го достиг острова *Кюрасао*, где корабли нашли отличные закуски из говядины, баранины и ягнятины, которых было в таком количестве, что их выдавали бесплатно. поголовье крупного рогатого скота на этом острове, как сообщается, увеличилось в таком поразительном соотношении, что из дюжины первоначально завезенных особей каждого вида через двадцать пять лет должно было появиться по меньшей мере сто тысяч. Ежегодно убивалось полторы тысячи человек только ради сохранения их кожи и языков.

Пятнадцатого числа того же месяца они покинули *Кюрасао*, семнадцатого бросили якорь у *мыса де ла Вела*, а затем направились в *Рио-де-ла-Ача*, где Хокинсу снова пришлось прибегнуть к угрозам, прежде чем ему разрешили движение. Однако, поскольку они не согласились на его цену, он выстрелил в калверина, чтобы созвать весь город, и, подготовив сто человек в доспехах, отправился на берег, имея в своей большой лодке двух медных соколов, остальные лодки были вооружены таким же образом. Горожане оказали сопротивление вторжению, но, хотя они превосходили их численностью, вскоре они уступили и подняли флаг перемирия. Теперь между Хокинсом и казначеем произошел разговор, в результате которого первый удовлетворил все его просьбы, получив заложников для их выполнения. После еще нескольких высказываний недоверия англичане дружески удалились, а их капитан получил из рук казначея свидетельство о своем хорошем поведении. Затем Хокинс отправился на *Ямайку*, а оттуда через *Кубу* и *Флориду* в Англию.

.....

Первое знакомство Дрейка с Испанской Америкой состоялось в ходе путешествия в Вест-Индию и Карибское море в 1565 и 1566 годах. Но путешествие, из-за которого его имя впервые было занесено в летопись, было тем, в котором он сопровождал Хокинса в 1567 году. Экспедиция состояла из шести кораблей, один из которых был предоставлен королевой Елизаветой в знак ее одобрения целей путешествия. “Иисус” из Любека, судно водоизмещением 700 тонн, несло флаг Хокинса. Двумя другими судами командовали соответственно Хэмптон и Болтон; в то время как “Джудит” командовал капитан Фрэнсис Дрейк, тогда он был молодым человеком лет двадцати семи. Кроме того, имелись два очень маленьких судна: “Ангел” и “Ласточка”.

1567.

Отплыв из Плимута 2 октября 1567 года, они достигли *островов Зеленого Мыса* после того, как попали в ужасный шторм. Здесь адмирал высадил сто пятьдесят своих людей с целью раздобыть запас негров; но в этом походе эти достойные воины были разочарованы, так как добыли их совсем немного, да и те с большим ущербом, ибо им пришлось выдержать полет отравленных стрел. Их раны появились в начале “но небольшие ушибы, [Т] однако вряд ли кто-то из тех, у кого пила кровь, избежал смерти странным образом, с закрытыми ртами за несколько десятков дней до смерти, и после того, как их раны зажили; когда я сам, - говорит Хокинс, - получил одну из самых тяжелых ран, но, слава Богу, избежал.” Эти люди, по-видимому, умерли от паралича челюстей; и, учитывая причину, по которой они получили свои ранения, мало кто будет склонен сожалеть об их участи.

В *Сан-Жоржи-да-Мина* негритянский король пришел просить помощи Хокинса против соседнего короля, пообещав ему всех негров, которых следует захватить. Столь заманчивое

предложение нельзя было отвергнуть, и сто пятьдесят человек были отобраны и отправлены на помощь этому черному тирану. Они напали на город, насчитывающий около восьми тысяч жителей, сильно окруженный и огороженный на их манер и так хорошо защищенный, что при штурме люди Хокинса потеряли шестерых убитыми и сорок ранеными. Была вызвана дополнительная помощь; “после чего, - говорит Хокинс, - полагая, что хороший успех этого предприятия может значительно увеличить прибыль от нашего путешествия, я отправился сам; и с помощью короля, стоявшего на нашей стороне, напал на город как с суши, так и с моря; и с большим трудом, с помощью огня (их дома были покрыты пальмовыми листьями) захватил город и обратил жителей в бегство; где мы взяли двести пятьдесят человек, мужчин, женщин и детей; и нашим другом королем, стоявшим на нашей стороне, было взято шестьсот пленных, из которых мы надеялись получить нашу жизнь”. выбор; но негр (в этой нации никогда или редко встречается истина) значил не меньше; ибо в ту ночь он вывел свой лагерь и пленников, так что мы были вынуждены довольствоваться теми немногими, что добыли сами “. [U]

На побережье *Гвинеи* им удалось раздобыть еще около двухсот рабов, с этим грузом они отправились в Вест-Индию, чтобы там продать их испанцам. 27 марта они увидели *Доминику* и прошли вдоль берегов *Маргариты* и *мыса де ла Вела*, тем временем беспрепятственно ведя “сносную торговлю”, то есть расставаясь со своими неграми на хороших условиях. В *Рио-де-ла-Ача*, когда все отношения с местными жителями были запрещены, достойный и законопослушный Хокинс был оскорблен тем, что он считал нарушением договора между Генрихом VIII. и Карл V. Он решил наказать авторов этого незаконного процесса и, соответственно, напал на это место. Высадив двести человек, город был взят штурмом, потеряв всего двоих, испанцы бежали после первого залпа. После этого приключения торговля была приостановлена, если вообще не разрешена. Испанцы купили двести негров; “и во всех других местах, где мы торговали, жители были рады нам и охотно торговали”. [V]

Направляясь к *Картахене*, они попали в ужасный шторм, который так сильно потрепал “Иисуса”, что у него сломался руль, он дал течь и, будучи загнан в *Мексиканский*, вошел в порт *Сан-Хуан-д'Уллоа*. Катастрофа, постигшая Хокинса и его спутников в этом месте, не нуждается в описании здесь, поскольку они не относятся к истории Южной Америки.

.....

1572.

24 мая 1572 года капитан Дрейк отплыл из Плимута на “Пасхе” водоизмещением семьдесят тонн в сопровождении своего брата Джона Дрейка на “Суонне” водоизмещением двадцать пять тонн, всего с семьюдесятью тремя мужчинами и юношами, из которых самому старшему было пятьдесят, всем остальным - меньше тридцати. Все они были добровольцами, и суда были оборудованы как военные корабли. Их пунктом назначения был *Номбре-де-Диос*. 2 июля они увидели *Санта-Марту* и высадились в *порту Фазан*, где нашли свинцовую пластину, на которой Джон Гаррет, английский моряк, оставленный здесь, предупредил Дрейка, чтобы тот поспешил удалиться, поскольку место было предано. Дрейк, однако, счел это удобным местом для постройки своих пинасов, которые он привез с собой в рамах из Англии и которые теперь были закончены за семь дней.

На следующий день к нему присоединился английский барк с острова Уайт, который привез захваченную испанскую *каравеллу*. Английский капитан Роуз, понимая цель Дрейка атаковать

Номбре-де-Диос, согласился действовать заодно с ним. Оставив три корабля и *каравеллу* на попечение Роуза, Дрейк, взяв с собой пятьдесят три человека, на четырех лодках и шлюпке направился к островам *Пинос*, которых он достиг 22 июля и где он заключил союз с несколькими беглыми индейцами, которые бежали от своих испанских хозяев и назывались *симеронами*. Бесшумно двигаясь ночью, он добрался до *Номбре-де-Диос*, где приземлился без сопротивления. Он и его люди смело атаковали это место, но в ходе отчаянной схватки, которая произошла в поднятом по тревоге городе, Дрейк был опасно ранен, и его пришлось перевезти на борт корабля.

Это дает очень странное представление о тогдашнем положении вещей между Англией и Испанией, когда мы читаем, что сразу после неспровоцированного нападения Дрейка на *Номбре-де-Диос* этого капитана посетил *идальго*, который заявил, что целью его прихода было увидеть и восхититься человеком, проявившим такое мужество. Несомненно, этот джентльмен имел в виду другие цели; но несколько примечательно, что он доверился своей персоне в пиратском логове; ибо следует помнить, что, поскольку Англия тогда не находилась в состоянии войны с Испанией, Дрейка можно описать только как пирата. Этот *Идальго* был, однако, принят очень вежливо и удалился, заявив, что никогда в жизни ему не оказывали такой чести.

Теперь катера вернулись на остров *Пинос*, где Дрейк расстался с капитаном Роузом. Затем он отправил своего брата исследовать реку *Чагре*, а по возвращении отправился в *Картахену*, где захватил два испанских корабля. Его следующее предприятие было направлено против большого севильского корабля, которым он завладел в результате боя. Город был встревожен, и Дрейк решил сжечь один из своих кораблей, чтобы иметь средства для укомплектования своих катеров. Затем он направился к проливу *Дариен*, где они расчистили участок земли для строительства домов. Затем Дрейк отправился со своим братом на двух катерах к *Рио-Гранде*, пройдя вне поля зрения *Картахены*, между этим местом и *Толоном* они захватили шесть фрегатов, груженных провизией. Три дня спустя они прибыли в *Пинос*. Третьего ноября Дрейк столкнулся с испанским кораблем, который он захватил.

Но теперь компанию Дрейка посетила тяжелая болезнь, которую приписали простуде, от которой люди страдали, находясь на лодках. Вернувшись на корабли 27 ноября, они узнали о смерти Джона Дрейка и Ричарда Аллена, которые были убиты при попытке подняться на борт фрегата. 3 января шестеро из роты заболели и умерли в течение двух или трех дней, в то время как целых тридцать человек слегли с лихорадкой. Джозеф Дрейк, еще один из братьев капитана, умер, как и хирург.

Теперь Дрейк решил отправиться по суше в *Панаму*, потеряв к 3 февраля двадцать восемь своих людей. Он взял с собой сорок восемь человек, восемнадцать из которых были англичанами, а остальные *симеронами*, и через несколько дней добрался до *Вента-Крус*. Вождь этого народа жил в шестнадцати лигах к юго-востоку от *Панамы*, и Дрейк теперь подумал, что он мог бы с выгодой подстеречь отряд, перевозивший сокровища через перешеек. Но из-за неловкости одного из его людей он и они были обнаружены. Тем не менее он напал на отряд и преследовал их до *Венты-Крус*.

По пути туда Дрейку сообщили о некоем дереве, с вершины которого он мог разглядеть ответвления Атлантического океана с одной стороны и Тихого - с другой. Один из *симеронов* пожелал, чтобы он взобрался на "то доброе и большое высокое дерево", в стволе которого были вырезаны зарубки, чтобы облегчить восхождение. С вершины этого дерева английский моряк,

созерцая далекий Тихий океан, торжественно молил Бога даровать ему жизнь и однажды отправиться в плавание на английском корабле по этим морям.

Возвращаясь в *Вента-Крус*, которую он захватил и разграбил, он перехватил конвой из пятидесяти мулов, везших большое количество серебра, из которого он забрал все, что смог унести. С некоторым трудом он вернулся на свою лодку, когда решил вернуться в *Англию*. Он прибыл в Плимут в воскресенье, 9 августа 1573 года, во время богослужения. Церковь тотчас опустела, все выбежали приветствовать доблестного капитана, который отсутствовал год и два месяца.

.....

1575.

В течение пяти лет, в течение которых Дрейк почивал на лаврах, прежде чем предпринять свое кругосветное путешествие, Джон Оксенхэм, который был одним из его товарищей в последней экспедиции, отправился на судне водоизмещением сто сорок тонн с двадцатью матросами к *Дарьенскому* перешейку. Узнав в *Порто Белло*, что из *Панамы* ожидается конвой погонщиков мулов, он двинулся им навстречу, перейдя через горы к небольшой реке, впадающей в Южное море. Построив катер, он затем спустился в залив *Панамы* и направился к *Жемчужным островам*, где завладел небольшой баркой из порта *Кито* (вероятно, *Гуаякиль*), в которой он нашел золото весом в шестьдесят фунтов. Шесть дней спустя он еще больше обогатился, награбив барку из *Лимы*, на борту которой находилось серебро в слитках весом в сто фунтов.

К несчастью для отважного Оксенхэма, он не удовлетворился серебром и золотом, а задержался на острове на пятнадцать дней в поисках жемчуга. За это время, как он мог предвидеть, известие о его присутствии дошло до испанцев, и капитан Ортега был отправлен на его поиски с четырьмя барками. Испанец узнал, что Оксенхэм поднялся вверх по реке, и проницательно проследил его путь по количеству птичьих перьев, плывущих вниз по течению. После четырехдневного преследования был обнаружен катер Оксенхэма, но англичане, все, кроме шестерых, покинули его, забрав с собой сокровища. Сокровище, однако, вскоре было обнаружено, и с этим Ортега уже собирался уходить, когда Оксенхэм налетел на него примерно с двумя сотнями *симеронов*. Испанцы, которых было восемьдесят человек, одержали верх в бою, убив одиннадцать англичан вместе с несколькими индейцами, при очень незначительных потерях со своей стороны.

Теперь Оксенхэм пытался как можно скорее добраться до своего корабля, но информация о его присутствии была отправлена в *Номбре-де-Диос*, и его судно доставили в этот порт в качестве приза. Тем временем отряд из ста пятидесяти человек прочесывал горы в поисках англичан. Когда их нашли, некоторые были взяты в плен, а другие бежали; но в конце концов все были доставлены в *Панаму*, где бесстрашный разбойник, не имея возможности добиться от королевы никакой власти или поручения, был приговорен, как и его товарищи, к смерти пирата. Затем все члены отряда были казнены, за исключением Оксенхэма, его хозяина, пилота и пятерых мальчиков, которые были отправлены в *Лиму*. Там мальчики были помилованы, но троих мужчин постигла участь, к которой они были приговорены.

1577.

Возвращаясь к Дрейку: этот знаменитый капитан вышел из Плимута в составе эскадры, укомплектованной ста шестьюдесятью тремя моряками, 13 сентября 1577 года и направился к побережью *Берберии*, чтобы перекусить. Он начал свои грабежи с захвата трех испанских рыбацких лодок; он также захватил три *каравеллы*. От *мыса Бланко* он направился к *мысу Вердес*, а оттуда обозначил остров *Св. Яго*, где он захватил португальский корабль. Вблизи экватора его суда на три недели попали в штиль, и в течение пятидесяти пяти дней Дрейк не видел земли, прежде чем достиг побережья *Бразилии*.

Экспедиция причалила к реке *Плейт*, но пробыла там совсем недолго, после чего направилась на юг и бросила якорь в бухте на сорока семи градусах южной широты. Два его корабля теперь пропали без вести, но один из них был обнаружен здесь судном, посланным на их поиски. В этих краях наши соотечественники впервые познакомились с расой, получившей название, под которым они нам известны, из-за высоты *Пятиугольников*, или пяти локтей, равных семи с половиной футам, которую приписывал им Магеллан. Мистер Флетчер, сопровождавший Дрейка, утверждает, что эти люди были большого роста, но он не приписывает им гигантских пропорций. Позднее коммодор Байрон описал одного из этих патагонцев как устрашающего колосса ростом не менее семи футов. Он, без сомнения, был исключением. На самом деле это высокая раса, но не более того, чем хорошо развитые англичане. В письме, написанном буквально на днях, леди Флоренс Дикси утверждает, что высокий патаговец был точно такого же роста, как ее муж, а именно шесть футов два дюйма, и нет никаких оснований предполагать, что раса физически выродилась со времен Магеллана.

1578.

20 июня все силы Дрейка бросили якорь в *форте Сент-Джулиан*, где двое его людей были застрелены туземцами. Одним из объектов, привлечших внимание, была виселица, установленная Магелланом семьдесят лет назад. В этом месте мистер Джон Даути предстал перед судом за участие в заговоре с целью поднять мятеж на флоте и, будучи признан виновным присяжными, был приговорен к обезглавливанию. Флот теперь сократился до “Пеликана”, название которого вскоре было изменено на “Золотую лань”, “Элизабет” и “Мэриголд”, с которыми 20 августа Дрейк прибыл ко входу в *Магелланов пролив*. С одной стороны он заметил остров, “чудесным образом без перерыва горящий в воздухе”.

6 сентября, миновав пролив, Дрейк вошел в Тихий океан, название которого, должно быть, показалось ему несколько неправильным, поскольку он нашел его бурным сверх всякой меры, буря отнесла его корабли на сотню лиг к западу и разделила их. Можно заметить, что это был второй случай, когда был пройден *Магелланов пролив*. Недалеко от западного выхода Дрейк высадился на остров, который он назвал в честь королевы Елизаветы.

Теперь моряк намеревался двигаться на север, в теплый климат; но ужасный шторм отнес корабли к югу от *мыса Горн*, благодаря чему Дрейк стал первым европейцем, увидевшим соединение Атлантического и Тихого океанов. *Мыс Горн*, как говорят, был замечен испанским коммодором Лопе де Лойайя в 1525 году и был удвоен Ле Мэром и Шаутеном в 1646 году, последний присвоил ему название *Хорн*, его родина в Голландии. [W] При попытке восстановить свой путь на север “Мэриголд” был потерян со всем экипажем, в то время как “Золотая лань” и “Элизабет” были разделены, последнее судно, вернувшись в пролив, отказалось от плавания “по принуждению капитана Винтера, полностью оскорбив умы моряков”.

Корабль Дрейка, оставшийся теперь один на один с маленькой лодкой, был снова загнан обратно на 55 ° южной широты, где капитан бросил якорь среди нескольких островов. Однако через два дня их выгнали с якорной стоянки, когда катер потерял корабль из виду. По счастливой случайности первое судно вновь вошло в *Магелланов пролив*, и его команда из восьми человек проследовала в *порт Сент-Джулиан*, а оттуда в *Плату*. Из восьми человек четверо попали в плен к индейцам, двое раненых умерли, а оставшиеся двое оставались на маленьком острове в течение двух месяцев, питаясь крабами, угрями и фруктами, но без воды. В конце концов им удалось добраться до материка, когда один из двух выживших умер от последствий того, что выпил слишком много воды из ручья. [X]

Тем временем Дрейк на “Золотой лани” продолжал движение на северо-запад. Он пристал к двум островам, где запасался домашней птицей, а затем продолжил свой путь к острову *Мачо*, населенному индейцами, которые напали на некоторых из его людей и убили их. Сам Дрейк был ранен стрелой в лицо, и точно так же он получил еще одно ранение в голову. 13 ноября он захватил в плен индейца в бухте под названием *Сент-Филип*, с которым обошелся по-доброму и отпустил к своим соотечественникам, которые доставили на судно домашнюю птицу, яйца и свинью. Индейский вождь присоединился к судну Дрейка и проводил его до *Вальпараисо*, где он получил столько припасов, сколько ему было нужно, и расстался со своим индийским лоцманом.

19 декабря “Золотая лань” вошла в бухту близ города под названием *Сиппо*, где триста испанцев и индейцев высадились на берег, при этом один из людей Дрейка был убит. Мореплаватель направился теперь на север, где в удобном месте была установлена шлюпка, чтобы можно было вести поиск в заливах в поисках сведений о пропавших кораблях.

Следующим местом высадки была *Тарапака*, примерно на 20° Южной широты, где был найден спящим испанец с пачкой из тринадцати серебряных слитков на боку стоимостью в четыре тысячи *дукатов*. Сам спящий остался невредимым, если не считать своей потери. В другом месте были пойманы восемь *лам*, нагруженных серебром весом в сто фунтов. Еще дальше Дрейк добрался до города, где испанцы согласились сотрудничать с ним. 7 февраля он прибыл в *Арику*, где захватил несколько барк с большим количеством серебра. 15-го он достиг *Кальяо*, порта *Лима*, в гавань которого он вошел без сопротивления, хотя в ней было собрано тридцать судов. Из них он разграбил семнадцать груженных. На борту судов никого не было, поскольку визит врага был последним событием, которого ожидали. Только на одном из этих кораблей были найдены полторы тысячи слитков серебра, в то время как на другом находился большой сундук с чеканкой.

Дрейк принял меры предосторожности и перерезал тросы этих судов, прежде чем пуститься в погоню за кораблем, груженным золотом и серебром, который накануне его прибытия отбыл в *Панаму*. По пути он наткнулся на бригантину, из которой вытащил восемьдесят фунтов золота вместе с другими сокровищами. Наконец он увидел “*Какафуэго*” примерно в ста пятидесяти лигах от *Панамы*, когда она была взята на abordаж и легко захвачена. С нее Дрейк получил жемчуг и драгоценные камни, а также золото весом в восемьдесят фунтов и тринадцать сундуков серебра. Было подсчитано, что на “Золотой лани” теперь хранилось сокровище в девяносто тысяч фунтов. “*Какафуэго*” было разрешено продолжить свой путь, поскольку целью Дрейка была добыча, а не бессмысленное разрушение.

У него были веские причины избегать *Панамы*, поэтому он повернул на запад, где столкнулся с другим кораблем, пилота которого он нанял для собственной службы. В планы этой работы не входит следовать за отважным мореплавателем в *Северную Америку* или по его дальнейшему маршруту по земному шару, завершив который, он достиг Плимута 26 сентября 1580 года, отсутствовав два года, десять месяцев и несколько нечетных дней, за это время он, выражаясь языком старого писателя, “пропахал борозду вокруг света”. Однако будет позволено упомянуть один или два момента, проливающих свет на весьма своеобразную историю отношений между Испанией и Англией в тот период и, следовательно, иллюстрирующих положение, в котором находились испанские владения в Южной Америке.

Прибытие Дрейка в Плимут было встречено, как и в прошлый раз, самым теплым приемом, мэр и корпорация встретили его, а колокола церкви Святого Андрея не переставали звонить в течение дня, в то время как джентльмены по соседству соперничали с бюргерами, оказывая ему честь. Но на горизонте Дрейка все было не совсем ясно. То, что он совершил действия против Испании, которые могли быть оправданы только тем, что его страна находилась в состоянии войны с этой державой, было совершенно очевидно. Таким образом, Дрейк находился в одном из двух положений. Либо он был офицером, имеющим каперские свидетельства или другие полномочия от королевы Елизаветы, которые давали ему право совершать действия, которые он совершил, и в этом случае Елизавета находилась в состоянии войны с Испанией; либо он совершил эти неоспоримые акты пиратства по собственному почину, и в этом случае он подлежал наказанию, а испанцы, которых он ограбил, имели право требовать возмещения убытков, которые они понесли в результате его действий.

Королеве Елизавете и ее министрам потребовалось пять месяцев, чтобы решить этот вопрос, в котором они были так глубоко заинтересованы и от которого так много зависело. Все это время Дрейк находился в полуопале, поскольку на него не падало ни малейшего луча благосклонности двора. Легко представить, какие сомнения терзали королеву в то время. В том, что она искренне одобряла деяния Дрейка и восхищалась им как доблестным мореплавателем, никто ни на минуту не усомнился бы; но, с другой стороны, существовала предполагаемая колоссальная мощь Испании, поддерживаемая Церковью, которая так скоро должна была устрашиться силы Англии, но вступить в борьбу с которой было нелегко.

К счастью для человечества, королева Елизавета и ее советники решили взять на себя ответственность за признание деяний Дрейка, который, пока обсуждались касающиеся его вопросы, получил комплиментарное прозвище “главный вор неизвестного мира”, которое, следует признать, он полностью заслужил. Возможно, будет интересно отметить, что непосредственный денежный результат этого путешествия для самого Дрейка, а также для его партнеров и товарищей по приключениям, после того как все расходы были уплачены, составил четыре тысячи семьсот процентов. Он также был посвящен в рыцари и произведен в адмиралы, в то время как на “Золотой лани” его посетила королева.

Следующее путешествие Дрейка на запад, предпринятое в 1585 году и которому придается романтический оттенок из-за связи с ним сэра Филипа Сидни, имеет так мало отношения к Южной Америке, что оно не должно занимать наше время. Здесь также не место излагать роль, которую отважный моряк сыграл в разгроме испанской *армады*. Но необходимо написать еще одну строчку, чтобы завершить рассказ Хокинса и Дрейка о колониях Испании.

Было так ясно показано, что могущество Англии находится на волоске, что ее правители, стремясь извлечь выгоду, решили нанять двух ее самых доблестных и прославленных морских капитанов для нанесения еще большего ущерба Испании. Соответственно, в 1593 году королева уведомила, что намерена передать флот под командование сэра Фрэнсиса Дрейка, с которым в следующем году был связан его старый покровитель Хокинс.

Сэр Джон Хокинс был теперь адмиралом, ему было от семидесяти пяти до восьмидесяти лет; и поскольку он был, кроме того, богат, он проявил больше рвения, чем осмотрительности, снова рискуя исследовать климат Вест-Индии. Еще за десять лет до этого ветеран доказал, что он уже не тот человек, каким был раньше. Вместе с Фробишером он командовал десятью кораблями королевы, которые прочесывали побережье Испании; но по прошествии семи месяцев они вернулись, не захватив ни одного судна и ничего не добившись. Королева, естественно, была возмущена такой тратой сил и времени, и Хокинс считал необходимым извиниться. Старый работороговец всегда был очень набожен, и в этом случае он считал уместным напомнить ее Величеству, что Павел сажает, а Аполлос поливает, но что приращение дает Бог. Эта цитата из Священного Писания была, при данных обстоятельствах, немного неуместна. Комментарий Элизабет по этому поводу был таким: “Божья смерть! Этот дурак ушел солдатом, а вернулся домой богословом”.

Эскадра, которой королева приказала отправиться в Южную Америку под совместным командованием двух адмиралов, вышла из Плимута 28 августа 1595 года. Но на протяжении всего своего пути она была обречена на катастрофу. Одно судно, “Фрэнсис”, было захвачено испанцами; и когда Хокинс готовился пройти через *Виргинские острова*, ему стало очень плохо, и вскоре он испустил дух. В *Пуэрто-Рико* мощный выстрел попал в бизань-мачту корабля Дрейка, в то время как другой выбил из-под него табурет, на котором он сидел. Были сделаны все необходимые приготовления для защиты гавани и города; но, несмотря на сильный огонь, англичане упорствовали в своих отчаянных попытках, пока не потеряли около сорока или пятидесяти человек убитыми и столько же ранеными. Однако в конце концов они были вынуждены отступить, нанеся противнику очень серьезные потери.

Дрейк направился к *Карибскому* побережью и взял город *Ла-Хача*, жители которого выкупились за тридцать тысяч *дукатов*. *Хостел rancheria* и *Пуо-де-ла-Хача* были сожжены дотла, а также *Санта-Марту*, после чего операции, Дрейк приступил к *Номбре-де-Диос*, который вскоре был взят и разрушен, вместе со всеми фрегаты и Барки в гавани.

Теперь было решено предпринять нападение на *Панаму*, и с этой целью было отобрано семьсот пятьдесят солдат для перехода через перешеек. “Марш был таким тяжелым, - говорит Хаклют, - какого англичане еще никогда не совершали”, и в конце концов, после потери от восьмидесяти до девяноста человек, было сочтено за лучшее вернуться к флоту.

1596.

15 января сэр Фрэнсис Дрейк начал жить в своей каюте, а 28 числа того же месяца, в четыре часа утра, он ушел из этой жизни. Его тело было перевезено в *Пуэрто-Бельо*, где было торжественно предано земле.

.....

Третьим из трех великих людей, которые, можно сказать, создали между собой положение Англии как Владычицы волн и придали английскому флоту тот характер, который он носит, является сэр Уолтер Рэли. Хокинс олицетворяет древнеанглийского бездумного, неразумного, лояльного, охотящегося за рабами, религиозного шкипера. Дрейк, в свою очередь, олицетворял гораздо более высокую фазу английской морской жизни. Это правда, что в молодости он командовал судном в одной из экспедиций Хокинса по охоте за рабами; но, к его великой чести, он, кажется, испытал такое отвращение к этому случаю, что впоследствии никогда не марал рук, занимаясь этой нечестивой и отвратительной торговлей. Он был корсаром, но в то же время совестливым человеком. В *Сан-Хуан-д'Уллоа* и в других местах он и его товарищи претерпели тяжкие обиды и предательство со стороны испанских властей, обиды, за которые он тщетно добивался возмещения в Мадриде. Следовательно, он считал себя — и в этом убеждении его подтвердил капеллан его флота — полностью вправе взыскать за свой счет возмещение ущерба, в котором ему отказало испанское правительство; и следует отметить, что он добивался простого возмещения ущерба и что на протяжении всей своей карьеры он полностью освобожден от обвинений в жестокости и бессмысленном грабительстве.

Хокинс и Дрейк были людьми, сделавшими себя сами. Каждый из них дослужился до звания адмирала из того мужественного класса, который обеспечивает наших моряков до мачты. Рейли, с другой стороны, хотя и не был аристократом по происхождению и, строго говоря, не был моряком по профессии, тем не менее сделал почти все для формирования аристократического элемента в нашем военно-морском флоте. Именно одаренный фаворит Елизаветы побудил многих молодых людей из высших социальных кругов искать дальних приключений и, таким образом, создал традицию, по которой благороднейшие семьи Англии, начиная с королевы, посвящают одного из своих сыновей тем же трудам, опасностям и почестям, которые в той или иной степени выпадают на долю всех чинов нашего военно-морского флота. Рейли был честолюбив по отношению к своей стране, для которой, обладая пророческим видением, он предвидел ее место в качестве Владычицы Глубин. Со знаменитым патентом, выданным ему 25 марта 1584 года на поиск и овладение новыми землями в западном полушарии, мы имеем дело лишь постольку, поскольку это касается *Гайаны*.

1595.

Рэли уже проложил путь к расселению английской расы в Северной Америке; затем он направил свои размышления в южное полушарие и запланировал экспедицию в *Гайану*. В качестве предварительной меры он отправил баркас под командованием капитана Уиддона для обследования побережья этой части Южной Америки. Цель, которую он имел в виду, состояла в том, чтобы исследовать и подчинить *Гайану* ради богатств, которыми она, как предполагалось, обладала. С флотом из пяти кораблей и в компании доблестных джентльменов он отплыл из Плимута 6 февраля 1595 года и достиг острова *Тринидад*, где разрушил новый город *Сан-Хосе*. Там оставив свои корабли, он отправился на баржах, шлюпках и катерах исследовать выходы из *Ориноко*.

Он с трудом поднимался по сети ручьев, преодолевая тропический гром, молнии и дождь. Он увидел великую реку, вздымающуюся подобно морю среди масс пышной растительности, изобилующей тропическими фруктами и цветами, и посмотрел вниз с огромной высоты на покрытые снегом *Анды* и на *Кондора*. Но он не увидел золота и не обнаружил никаких рудников.

Начало сезона дождей положило конец его исследованиям; и, оставив мужчину и мальчика в качестве переводчиков по возвращении, он отплыл в Англию, взяв с собой молодого *касику*.

.....

1616.

Прошли долгие годы, прежде чем сэр Уолтер Рэли снова поднял свой флаг над Атлантикой. Когда он это сделал, в Англии установился новый порядок вещей, поскольку за тринадцать лет до этого он был заключен в Тауэр, из которого вышел 19 марта 1616 года. Пунктом назначения эскадрильи, которую он теперь организовал, снова была *Гайана*. Сотня дворян и джентльменов поспешила встать под знамена прославленного командующего, в то время как не было недостатка в морях, жаждущих служить под началом адмирала, чьи способности никогда не превосходил никто в длинном списке наших морских героев.

11 ноября 1617 года Рейли, которому сейчас шестьдесят пять лет, достиг *Гайаны* после путешествия, которое было во всех отношениях катастрофическим и оставило его здоровье подорванным, а силы, которыми он командовал, - поубавившимися. Его дух, однако, все еще был оптимистичен, когда он дрейфовал к *Ориноко* между островами, на одном из которых происходит действие “Робинзона Крузо”. Достигнув реки, оказалось, что более крупные суда, включая собственный корабль Роли “Дестини”, не могут пересечь отмель, и поскольку он был в слишком ослабленном состоянии, чтобы лично возглавить экспедицию вглубь страны, ему пришлось передать командование другому, в то время как сам он продолжал курсировать между *Ориноко* и *Тринидад* был так слаб, что его приходилось носить на стуле.

Тем временем значительные силы поднялись вверх по реке под командованием капитана Кемиса и сына сэра Уолтера. *Гайана*, безусловно, принадлежала Англии, если вообще какой-либо иностранной нации, поскольку во время предыдущей экспедиции Рейли *касики*, которые приветствовали его как своего избавителя от испанских соседей, заявили о своей верности Англии. Но за время его долгого отсутствия в стране образовались испанские поселения.

Кемис двинулся вверх по *Ориноко*, ему было приказано направиться к рудникам, не приставая; но если на него нападут, он должен был отразить нападение силой. Когда он разбил лагерь на ночь на полпути к рудникам, на него напали испанцы, надеявшиеся застать его врасплох, но они были отброшены и отступили, преследуемые молодым Рэли, который пал в погоне. Однако существование рудников было доказано, поскольку в *Сан-Поме* были обнаружены четыре завода по переработке золота.

Но Кемис пала духом. Перевалы были в руках испанцев, как и леса и берега ручьев, так что его последователи постоянно подвергались обстрелам невидимых врагов. Поэтому, вернувшись вниз по реке, он присоединился к своему вождю, вынеся последнему буквально смертный приговор. Кемис не смог вынести упреков своего друга и в полном отчаянии покончил с собой.

Четыре месяца спустя Рэли снова был в Англии, и 28 октября того же года он искупил на Тауэр-Хилл свою неудачу; презренный Джеймс принес прославленную жертву в жертву неумолимому мщению Испании.

Примечание.—Глава XVII. основан на

“Жизнь сэра Джона Хокинса” Сэмюэля Джонсона, 2-е издание, 1787г.

“Хокинс (сэр Джон). Два путешествия в Вест-Индию”, Хаклюит, III.

“Сэр Фрэнсис Дрейк; весь окружающий мир” (Общество Хаклуит). 1854.

“Путешествия Дрейка”; Хаклюит, II. IV.; Пурчасс, I. IV.

“Жизнь Дрейка” Барроу.

“Роли (сэр Уолтер); Открытие Гвианы” (Общество Хаклуит). 1848.

“Открытие Гвианы” Мушама (Хаклюит, II).

“Жизнь сэра Уолтера Рэли” Джеймса Огастеса Сент-Джона, 1868.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Я.

Естественно было бы ожидать, что в работе такого рода будет сделана какая-либо ссылка на давно назревавшее обсуждение письма, адресованного Америго Веспуччи Лоренцо де Медичи, из которого следует, что Веспуччи посетил побережье *Парии* в 1497 году, то есть за год до первого визита Колумба на южноамериканский континент; и что, следовательно, если предположить, что этот визит установлен, Америго Веспуччи, а не Колумб, был первым европейцем, открывшим Юг. — Американский континент. Этот вопрос является одним из самых важных с точки зрения истории или географии, поскольку от его решения зависит не только вопрос о том, в честь кого следует назвать великий южноамериканский континент, но также и справедливая слава имени Веспуччи.

Поскольку, насколько мне известно, не возникло никаких новых моментов достаточной важности, которые могли бы нарушить то, что мне кажется неизбежным окончательным суждением, к которому пришел Вашингтон Ирвинг и с которым ранее согласился Робертсон и которое можно увидеть в Приложении № X. к работе Ирвинга, озаглавленной “Путешествия спутников Колумба”, я должен ограничиться отсылкой моих читателей к тому, что мне кажется неопровержимыми аргументами, приведенными в ней. В то же время я могу отсылать их к аргументам в противоположном направлении, приведенным в “*Виаджи Америго Веспуджи Станислао Кановаи; Флоренция*”, 1832.

II.

Итальянский путешественник Бенцони, о котором говорилось на предыдущих страницах, цитировался Робертсоном, Ирвингом и Хелпсом; но, учитывая уникальное положение, которое он занимает как первый иностранный критик деятельности испанцев в Южной Америке, я едва ли думаю, что его книга получила то полное внимание, которого она заслуживает, со стороны современных авторов, посвященных испанской Южной Америке. Поэтому я хотел бы привлечь внимание к некоторым выдержкам из его работы, умоляя читателя иметь в виду, что они исходят ни в коем случае не от человека типа Лас Касаса, а от того, кто, по его собственному признанию, принимал участие в охоте на рабов. Автор, о котором идет речь, тем не менее, как он

утверждает, был набожным христианином, и он посвящает свою историю Нового Света папе Пию IV.

Бенцони отправился в Америку в 1541 году и провел там четырнадцать лет тяжелого труда. Высадившись в заливе *Парайя*, он направился к *Кубе* и другим островам, вернувшись оттуда в *Акла*, откуда переправился в *Панаму*, откуда посетил королевство *Перу*. В этих странствиях он провел четырнадцать лет. Бенцони - автор, который изначально написал хорошо известную историю о Колумбе и яйце. Он утверждает, что, находясь в *Амаракапане* (книга I. стр. 8), капитан *Калис* прибыл с более чем четырьмя тысячами рабов и захватил еще многих. “Когда некоторые из них не могли ходить, испанцы, чтобы помешать им остаться и начать войну, убивали их, вонзая мечи им в бока или грудь. Действительно, было очень прискорбно видеть, как обращались с этими несчастными созданиями, голыми, усталыми и хромыми; измученными голодом, больными и отчаявшимися; несчастными матерями с двумя и тремя детьми на плечах или повисшими у них на шее, переполненными слезами и горем, все они были связаны веревками или железными цепями вокруг шеи, или рук, или кистей. Не было и девушки, которая не подверглась бы насилию со стороны грабителей”.

На странице 159 Бенцони замечает, что испанцы слишком превозносят самих себя, когда говорят нам, что они достойны великой похвалы за то, что обратили в христианство племена и нации, которые они поработили; ибо существует большая разница между названием и тем, что есть на самом деле.

“Все рабы отмечены на лице и на руках раскаленным железом со знаком С”; [Y] затем губернаторы и капитаны делают с ними все, что им заблагорассудится; некоторых отдают солдатам, чтобы испанцы впоследствии продали их или проиграли в азартные игры друг другу. Когда корабли прибывают из Испании, они обменивают этих индейцев на вино, муку, печенье и другие необходимые вещи. И даже когда некоторые из индейских женщин беременеют от тех же испанцев, они продают их без всякой совести. Затем торговцы относят их в другое место и снова продают. Остальных отправляют на остров *Спагнуола (Эспаньола)*, заполняя ими несколько больших судов, построенных наподобие *каравелл*. Они носят их под палубой; и поскольку почти все люди, захваченные в плен на суше, жестоко страдают от ужасов моря; и им не разрешают вылезать из этих раковин, так как из-за их болезней и других потребностей им приходится стоять в грязи, как животным; а море часто бывает спокойным, воды и других припасов у них не хватает, так что бедняги, измученные жарой, вонью, жаждой и теснотой, жалко умирают там, внизу. Теперь вся эта страна вокруг *Парийского* залива и в других местах больше не населена испанцами”.

.....

“Наконец, из двух миллионов коренных жителей (*Эспаньола*), судя по количеству самоубийств и других смертей, вызванных тяжелым трудом и жестокостями, налагаемыми испанцами, сейчас осталось не более ста пятидесяти: и это был их способ сделать из них христиан. То, что случилось с этими бедными островитянами, случилось и со всеми остальными в округе: *на, Ямайке, в Порто-Рико* и в других местах. И хотя почти бесконечное число жителей материка было привезено на эти острова в качестве рабов, с тех пор почти все они умерли”.

.....

“ А среди испанцев есть такие, кто не просто жесток, а очень жесток. Когда человек иногда хотел наказать раба либо за какое-то преступление, которое тот совершил, либо за то, что он не добыл обычное количество серебра или золота из рудника, когда он возвращался домой ночью, вместо того, чтобы накормить его ужином, он заставлял его раздеться, если на нем случайно была рубашка, и, будучи брошенным на землю, привязывал его руки и ноги к куску дерева, положенному поперек, что разрешено правилом, называемым испанцами Законом Баджоны, законом, предложенным, я думаю, каким-то великим демоном; затем ремнем или веревкой его избивали до тех пор, пока он не умирал. по телу струилась кровь; покончив с этим, они брали фунт смолы или ведро кипящего масла и постепенно обливали им несчастную жертву; затем его обмывали небольшим количеством деревенского перца, смешанного с солью и водой. Таким образом, его оставили на доске, накрытой тканью, до тех пор, пока его хозяин не решил, что он снова в состоянии работать. Другие вырыли в земле яму и положили человека вертикально, оставив снаружи только голову, и оставили его в ней на всю ночь. Испанцы говорят, что они прибегают к этому средству, потому что земля впитывает кровь и предохраняет плоть от образования каких-либо ран, поэтому они быстрее выздоравливают. И если кто-нибудь умрет (что иногда случается) от сильных страданий, по закону нет более тяжелого наказания, чем то, что хозяин должен заплатить другому (рабу) царю. Таким образом, из-за этих очень больших жестокостей в начале некоторые из них сбежали от своих хозяев и бродили по острову в состоянии отчаяния”.

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ BALLANTYNE, HANSON AND CO.
В ЭДИНБУРГЕ И ЛОНДОНЕ.

СНОСКИ:

[A] Сцену, вполне заслуживающую того, чтобы ее нарисовали, можно было бы описать следующими строками:-

“Как река впадает в океан,
Бурно струясь серебристым потоком;
Как встречное движение морского прилива,
Гордо сверкая лазурной колонной,
На много шагов сдерживает течение
В клубящейся пене и смешивающемся потоке;
Сквозь сверкающие брызги, в громоподобном столкновении,
молнии вод вспыхивают
В ужасающей белизне берега,
Который сияет и сотрясается под ревом”.

Гяур.

[B]

“Доблестные морские капитаны! Великие морские короли!
И ты, Колумб! мой герой! величайший морской король из всех!”

Карлайл.

[C] Виаджи де Америго Веспуччи.

[D] “Путешествия спутников Колумба” Вашингтона Ирвинга.

[E] Герцог Верагуа.

[F] Помогает.

[G] Наваррете.

[H] Псалом ii. 8.

[Я] Вижу Робертсона.

[J] Note.—“Y esta fue la empresa de Fernando Magallanes, caballero portugues, cuya osodiña y constancia grande en inquirir este secreto, y no menos feliz suceso en hallarle, con eterna memoria puso nombre al estrecho que con razon por su inventor se llama de Magallanes.”

“*Historia natural y moral de las Indias*,” by José de Acosta, Lib. III., глава 10. Опасности, связанные с прохождением через *Магелланов пролив*, привели к тому, что перешеек *Панамы* долгое время был предпочтительным маршрутом в *Чили* и *Перу*. Само его существование стало подвергаться сомнению. “*Las frecuentes desgracias que padecieron las expediciones al estrecho de Magallanes y los crecidos gastos que causaban, hicieron preferible á canimo tan largo y peligroso el tránsito y conduccion de las mercaderías por el ismo desde Nombre de Dios ó Portobelo hasta Panamá, fortificando el primer punto para asegurarlo de los ataques de los corsarios; y aunque despues de la expedicion de Juan Ladrillero, que salió del puerto de Valdivia en Noviembre de 1557, continuaron los vireyes del Perú y gobernadores de Chile empresas semejantes para reconocer el estrecho y facilitar su navegacion, ni aun memoria de ellas se ha conservado por haberse perdido algunos de los descubridores, y retrocedido otros sin conseguir el objeto que se propusieron. De aqui resultó el total abandono de aquella navegacion por mas de veinte años, llegando á olvidarse los anteriores viages al estrecho, hasta dudar de su existencia, cuniendo la opinion de haberse cerrado por algun terremoto ú otro accidente del mar y de las tempestades.*”—Navarrete, Tomo IV., Prólogo, p. xiii.

Acosto writes previously to 1589: “*El estrecho, pues, que en la mar del sur halló Magallanes, creyeron algunos, ó que no lo habia, ó se habia ya cerrado, como D. Alonso de Arcila escribe en su Araucana; y hoy día hay quien diga que no hay tal estrecho, sino que son islas entre la mar, porque lo que es tierra firma se acaba alli, y el resto es todo islas, y al cabo de ellas se junta el un mar con el otro amplísimamente, ó por mejor decirse es todo un mismo mar. Pero de cierto consta haber el estrecho y tierra larguísima á la una banda y á la otra, aunque la que está la otra parte del estrecho al sur no se sabe hasta dónde llegne.*”

Авторитет Эрсильи, на который ссылается Акоста, является самым уважаемым, говорит Наваретте, и самым заслуживающим доверия, поскольку он сопровождал *дона Гарсию де Мендосу* в 1558 году в его экспедиции вдоль побережья *Чили* до *Чилоэ*, а затем, преодолев большие трудности, переправился с десятью солдатами на маленькой лодке на противоположный берег, написав там свое имя на дереве.

Ниже приводится надпись в память об этом инциденте:—

*“Acqui llegó donde otro no ha llegado
Don Alonso de Ercilla, que el primero
En un pequeño barco deslastrado,
Con solos diez, pasó el desaguadero
El año de cincuenta y ocho entrado
Sobre mil y quinientos, par hebrero,
A las dos de la tarde el postrer día,
Volviendo á la dejada compañía.”*
“Араукания”, песнь xxxvi, 29 октября.

.....

*“Magallánes, Señor, fue el primer hombre
Que abriendo este canimo le dió nombre.*

*“Por falta de pilotos, ó encubierta
Causa quizá importante, y no sabida
Esta secreta senda descubierta,
Quedó para nosotros escondida
Ora sea yerro de la altura cierta,
Ora que alguna isleta removida
Del tempestuosa mar y viento airado
Encallando en la boca la ha cerrado.”*
“Araucania,” canto i., octs. 8 y 9.

Экспедиция Магеллана после его смерти была славно завершена Хуаном Себастьяном де Элькано, в отношении которого Овьедо пишет следующее:—

“El cual, y los que con él vinieron me paresce á mí que son de mas eterna memoria dignos que aquellos argonáutas que con Jason navegaron á la isla de Colcos en demanda del vellofino de oro.”

“Хист. генерал лас Индиас”, часть 2, библиотека 20, глава 1.

[К] История завоевания Перу; Уильям Х. Прескотт. Бентли. 1850.

[L] См. Овал.

[М] 8 июля 1730 года и 24 мая 1751 года. По этой причине *Новая Концепция* была основана 24 ноября 1764 года.

[N] Фернандес, библиотека. II. с. 18.

[O] Аббат Игнатий Молина.

[П] *Смотри* стр. 94.

[Q] Овалле утверждает, что Кауполикан перед своей варварской казнью с большим беспокойством желал креститься и что он получил отпущение грехов. *Отношения Королевства Чили*, Книга v, глава ii. xxiii.

[R] Нынешняя Вальдивия - всего лишь гарнизон.

[S] Хокинс, в Хаклуите.

[T] Hakluyt.

[U] Хаклюйт. Доктор Джонсон в своей "Жизни Дрейка" благоразумно опускает все упоминания о доле своего героя в этой охоте на рабов.

[V] Hakluyt.

[W] Ранее она была передана Брауэром в 1642 году. См. стр. 39, том ii.

[X] "Покупки", из рассказа Кердера.

[Y] Начальная буква императора Карла V.

Типографские ошибки, исправленные переписчиком текста:

Uruguay=> Уругвай {стр. ix}

в семи тысячах => в семи тысячах {стр. 26}

будущее этого кавалера=> будущее этого кавалера {стр. 47}

приказы католических королей => приказы католических королей {стр. 66}

должен ли он отделиться => должен быть отделен {стр. 80}

от кустов кукурузы => от лабиринта кустов {стр. 108}

подчиняются Гонсало Пиццаро => поставить себя под начало Гонсало Писарро {стр. 181}

поддержка Баналькасара=> поддержка Беналькасара {стр. 184}

Путешествие по Меридиональной Америке=> Путешествие по Меридиональной Америке {стр. 264}

Сейчас произошел разговор=> Сейчас произошел разговор {стр. 285}

Номбре де Дуай=> Номбре де Диос {стр. 288}

их называли *Симеронами* => были названы *Симеронами* {стр. 288}

Номбре де Доис=> Номбре де Диос {стр. 288}

двое выживших=> двое выживших {стр. 294}

тринадцать сундуков серебра=> тринадцать сундуков серебра {стр. 295}

главный вор неизвестного слова=> главный вор неизвестного мира {стр. 297}
